

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНЕНКО



ПОХВАТНОЕ СЛОВО КОСТРОЖЕ-МЯГУШКЕ

ЕВГЕНИЙ СТЕПАНЕНКО

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО  
КОСТРОЖЕ-ЛЯТУШКЕ

СКАЗАНИЯ, ЛЕГЕНДЫ, БЫЛИ И НЕБЫЛИ О ДЕЛАХ И ЛЮДЯХ  
ЗЕМЛИ КОСТРОМСКОЙ  
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ДОПОЛНЕННОЕ



КОСТРОМА  
2014

ББК 63.3(2Рос-4)  
УДК 947(471.317)  
С 794

СТЕПАНЕНКО Евгений Тимофеевич родился на Кубани в 1937 году. Окончил Государственный институт театрального искусства (ГИТИС) им. А. Луначарского. Работал актёром, директором театра, зав. литературной частью (в Костромском драматическом театре им. А.Н. Островского с 1977 года). Печатался в журналах "Театр", "Театральная жизнь", "Москва", "Молодая гвардия", "Волга", "Север", "Русь", других периодических изданиях.

Автор книг «Хозяин русской сцены», «Скоморохи и Чухломский декамерон», «Наш театральный провинциальный», «Кострома - наш любимый городок», со-ставитель и автор книги "Костромской драматический».

Лауреат муниципальной премии имени академика Д.С. Лихачёва.

Член Союза писателей и Союза театральных деятелей России.

Книга рассказывает о славной истории города Кострома и костромского края. Её герои – такие исторические личности, как Михаил Фёдорович Романов, Василий Ярославович, Екатерина II, Николай I, Александр II, Иван Сусанин, П.А. Катенин, А.Н. Островский, В.А. Гиляровский, а также костромичи, имена которых сегодня нам малоизвестны.

Книга основана на воспоминаниях, мемуарах, открытиях костромских краеведов, преданиях и легендах наших пращуров, их нравах и обычаях. Многие предлагаемые заметки впервые прозвучали в эфире телерадиокомпании «Кострома». Поэтому данное издание посвящается 70-летию образования областного радио.

Автор выражает искреннюю признательность и благодарность за помощь в издании книги Валерию Баринovu.

© Е. Т. Степаненко. 2014

© Обложка /иллюстрации/ – МБОУДОД ЦДТ "Ипатьевская слобода" художественная студия "Жавороночки", педагог дополнительного образования Н.В. Терещенко

Автор: Е.Т. Степаненко

Художественный редактор: И.Ю. Соглачаева

Компьютерная вёрстка: А.Ю. Соглачаев

Технический редактор: Р.Г. Севикян

Степаненко Евгений Тимофеевич: ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО КОСТРОМЕ-МАТУШКЕ. Сказания, легенды, были и небыли о делах и людях земли костромской. – Кострома: Издательский Дом "Линия График Кострома", 2014 г., - 208 стр.



## ОТ АВТОРА

Заметки эти родились из желания поведать нынешнему читателю о многовековой истории нашего города, делах и людях здесь живших. Поведать, опираясь не только на исследования замечательных костромских краеведов Александра Григорова, Виктора Бочкова, Елены Сапрыгиной, Бориса Негорюхина, Ларисы Сизинцевой, Виталия Пашина и многих других, но вспомнить сказания и легенды, были и небыли, рождённые на костромской земле и свидетельствующие о духовном богатстве, нравственных заповедях, обычаях и душевных пристрастиях наших предков. Мир этот настолько многолик, многообразен и всеобъемлющ, заманчив и притягателен, что осмыслить его в один присест - задача невыполнимая. Поэтому заметки ограничены лишь отдельными штрихами, эпизодами событий давно минувших дней, имея единственной своей целью дать возможность читателю хоть мимолётно прикоснуться к прошлому отчего края, задуматься о том, о чём пращуры наши ещё в XIX веке говорили:

*Любить Отечество — велит природа, Бог,  
А знать его - вот честь, достоинство и долг.*

*Основу «Похвального слова...» составили материалы, впервые «озвученные» на областном радио, сотрудникам которого автор выражает искреннюю признательность и благодарность, как и работникам областной научной библиотеки и областного государственного архива, оказавшим помощь и поддержку при написании данных заметок.*



### В ЛЕТО 6660 ГОДА



*Чем дальше вниз - тем Волга краше,  
Всё шире, глубже всё река,  
И - что ни шаг - свой сказ завещан  
Ей вами, прошлые века...*

*Что сказ - то новая страница  
Той книги, что тобой полна,  
Блаженной памяти, родная  
Пережитая старина...*

*Вот Костромских соборов главы...  
Снимайте шапки, млад и стар,  
Пред этой царственной святыней —  
Гнездом Романовых бояр!..*

Слова эти написаны спустя более семи с половиной веков после основания Костромы-голубушки, как любовно величали её местные обитатели. То было в лето 6660 года от Сотворения Мира, а от Рождества Христова в 1152 году. На этом месте тогда Костромы и в помине не было, а царствовали здесь леса непроходимые, да тёмные дремучие дебри, и жили одни разбойники - удалая вольница, от которых городу Ярославлю жутко подчас становилось, а по Волге проезду и совсем не было. И стал князь Ярославский думу думать: как извести ему эту неугомонную вольницу?.. Решил посоветоваться со старшим братом – князем владимирским Юрием Долгоруким.

Три дня и три ночи держали братья совет, после чего решили идти на Волгу общими дружинами, чтобы выжечь леса дремучие, а после полонить вольницу. Как задумали, так и сделали. Спустились на ладьях от Ярославля вниз по Волге, и скоро занялась дебря морем пламенным, разлилось это море во все концы, и от того великого пожара подёрнулось небо кровавым заревом. Вспенилась, закипела, забушевала Волга волнами красными. Испугались разбойники, из нижней дебри бросились в верхнюю, но и там от пожара не было спасения.

Атаман-богатырь Чувиль-Гроза, видя последний час своему молодечеству, созвал на совет сотоварищей, сказал зычным голосом: «Гей, еси вы, братья-товарищи, приволжская вольница, знать настал-наступил наш последний час. Минуем ли мы смерти лютой? Нет теперь у нас лёгких лодочек, все сгорели они при берегу, а добрые кони от страху задыхаются. Здесь нам остаться - живьём



сгорим. А князьям в руки предаться – станет дружина княжеская над нами потешаться, и невесело будет нам на сосенках да ёлочках покачиваться».

Сказал такие слова атаман Чувиль-Гроза, захотел других послушать. Другие не долго говорили-спорили, дружно пожелали идти спасаться в заповедные леса Муромские. На том и порешили. А князь Юрий, очарованный суровой, седой красотой, повелел: «Заложим здесь, други, мы град Кострому во славу грядущих потомков!»

И скоро там, где сгорели леса и дебри непроходимые, закрасовался город Кострома. О том напоминает нам сегодня народное предание, да слова костромича, влюблённого в свой город и его людей:

*О, сколько, сколько пробудилось  
Заветных дум, забытых слов  
Пред этим сверстником достойным  
Старейших русских городов!..*

*Он невелик, но славен в мале,-  
Ковали славу не мечи,  
Хоть в старь седую не дремали  
И пред врагом костромичи...*

*И на скрижалях славы нашей  
Горят, не гаснут имена  
Их, рассыпавших полной чашей  
Могучей мысли семена...*

А в лето 7511 года от Сотворения Мира, а от Рождества Христова в 2003 году, в день 29 августа был открыт и освящен памятник Великому Князю Юрию Долгорукому – основателю Костромы.





## ЯВЛЕНИЕ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ



На праздник Успения Богородицы в день 15 августа, по новому стилю – августа 28 1263 года многие костромичи видели, как по улицам города прошествовал необычайный нездешний воин с иконой Божией Матери. Подобен же тот воин был святому великомученику Феодору Стратилату, которому воздвигли здесь городской собор.

А на следующий день юный князь Василий Ярославич отправился из Костромы за город на охоту и заехал в чащу леса, где протекает река Запруденка. Услышав громкий лай собак, князь поспешил к тому месту и вдруг увидел на сосне икону Богоматери, недавно "несомую сквозь град" Кострому нездешним воином. Удивлённый необыкновенным явлением, князь сошёл с коня и хотел снять икону, но невидимую силою она поднялась кверху.

Поражённый этим обстоятельством Василий Ярославич пал на колени и начал со слезами молиться:

*О, Пресвятая Госпожа Владычица,  
Пречистая Дева Богородица,  
Господа Бога моего Иисуса Христа матери!  
Припадаю и молюся прилежно  
Матери Господа моего, и рыданием зову  
Сподоби мне восприяти  
Пречистый твой образ чудотворный  
С привечным на руке твоею держимым младенцем,  
Господом нашим Иисусом Христом,  
На славу и похвалу правоверному христианскому роду  
И на заступление граду нашему.*

После горячей молитвы юный князь попытался снова снять святую икону с дерева, но невидимая сила подняла её ещё выше. Василий Ярославич немедленно возвратился в город, подробно рассказал протопопу, всему священному собору и всем людям градским виденное им. После того духовенство, облачённое в священные одежды, со святыми иконами и с честными крестами, поюще молебные пения, крестным ходом направилось к Запрудне, на место чудесного явления. С ними шли князь и бояре, городские вельможи и многие простые люди. Придя на место, икону взяли "священническими руками невозбранно", с великою честью и радостью понесли в Кострому и во время вечернего пения, под необычный звон



колоколов, поставили в церковь святого великомученика Феодора Стратилата, от которого она и получила своё название Феодоровской на века.

Вскоре после того деревянный храм, где находилась икона Феодоровской Богоматери, сгорел, но на третий день после пожара святая икона была найдена в пепле невредимой. Вновь выстроенный деревянный храм также сгорел, но и тогда икона осталась целою. О тех чудесах повествуется, что люди костромские видели во время пожара "на воздухе ангелов, которые образ Пречистой Девы на руках держали".

Когда полчища татар, собиравших дань, подступили к Костроме, князь Василий Ярославич, прозванный Костромским, не надеясь малыми силами одолеть незваную рать, повелел нести впереди дружины Феодоровскую икону. Они встретились в трех верстах от города, на озере, где татары, поражённые огненными лучами, исходящими от лика Богоматери, обратились в бегство, и, как говорит предание, многие из них ослепли и мечами побивали друг друга. По этому случаю озеро стали называть "Святым озером", а находящееся неподалёку, в котором потонуло множество супостатов, народ прозвал "Мерзким" или "Поганым" озером. Юный же князь Василий за крепкую веру стал величаться Великим Князем и сделал Кострому столицей Святой Руси.

После его смерти в 1277 году Кострома была присоединена к княжению Владимирскому. Многим тогда казалось, что она осиротела, стала беззащитной. Но благочестие и вера в чудотворную икону Богоматери указывала жителям Костромы, что Господь есть единый верный защитник её.

И, действительно, с того времени не только жители города и окрестных селений, но и влиятельные князья русские, как только их постигало бедствие и нужды, против которых человеческие силы оказывались слабыми и ненадёжными, прибегали к заступничеству Чудотворной Феодоровской иконы. Одарив своею милостью одного из державных князей земли русской, Василия Костромского, Матерь Божия и впредь являла благодать свою на преемниках российского престола.

14-го, по новому стилю – 27-го марта, 1613 года в Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь прибыло посольство, отправленное из Москвы Земским Собором, выразившим единодушное желание иметь царём русским Михаила Романова. Взяв с собой привезённые из Первопрестольной великие святыни – Владимирскую и Тихвинскую чудотворные иконы, посольство, ночевавшее в Селищах, двинулось через Волгу. Навстречу, из Ипатьевского монастыря, вышел церковный чин и множество народу, неся впереди икону Пресвятой Богородицы Феодоровской. Костромской протоиерей Павел Островский так описывает это великое событие: "На том месте, где река Кострома сливается с Волгою, соединились Москва и Кострома в лице святынь их, освящённых соборов, сановников и множества народного в одну знаменитую по цели процессию, единственную в летописях нашего Отечества".





Однако юный избранник на российский престол Михаил и его мать - инокиня Марфа, отказывались от такого опасного бремени. Тогда архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит, возглавлявший посольство, взял в руки чудотворный образ Божией Матери Феодоровской и обратился к ним с решительным словом: "Повинуйтесь воле Божией и Пречистой Его Матери! Сии святые иконы притекли поведать вам определение ваше: не народом, а ими вы избраны на великое дело, ими умудритесь в предстоящих делах и подвигах. Преклонитесь же пред ними и повинуйтесь!.."

После таких слов инокиня Марфа дала своё согласие, и, взяв за руку сына, вместе с ним опустилась на колени пред чудотворной иконой Феодоровской и слезно просила Богородицу "принять чадо её в Свои пречистые руки, наставить его на путь истины и устроить полезное ему и всему православному человечеству".

Так свершилось воцарение Михаила Фёдоровича Романова. И с тех пор к празднованию Феодоровской иконы в день её обретения 29 августа, по просьбе костромичей и по повелению нового царя день 27 марта также стал днём празднования всероссийской святыни. Празднования эти для Костромы и всей Русской земли являются великим и радостным торжеством.

И припадая к образу Пресвятой Богородицы, с духовной радостью говорятся слова молитвы, рождённой на костромской земле много веков назад:

*О премилостивая Богородица, Небесная Царица,  
Образ твой видим телесный,  
На иконе сей написанный,  
На руке твоей держимой  
Превечным младенцем.  
Радуеться грешные рабы твои  
С умилением припадающие  
К чудотворному твоему образу  
И любовь твою сей целуем.  
Услыши нас грешных молящихся  
И яви милость твою людям твоим  
Госпожа наша и надежда  
И заступница все уповающим на тебя,  
И твоей святой помощи просящие,  
Небесные силы созывающие  
К веселию града Костромы,  
И всей Российской страны.*



## ЗА ТОРЖЕСТВО РОДНОГО КРАЯ



Князь Ярослав Ярославович, вступивший на великокняжеский престол в 1262 году, после смерти брата своего Александра Невского, мало что сделал для пользы России. Как отмечали его современники, он «не успехи ни довольствоваться властью, ни утвердить самовластие смелою решительностью». В 1272 году, Ярослав Ярославович почил в бозе и престол перешёл к его младшему брату - «меньшому Ярославичу», правнуку Юрия Долгорукова, праправнуку

Владимира Мономаха - Василию Ярославовичу по прозвищу Костромскому, который в продолжении почти пяти лет великого княжения жил не во Владимире, но в Костроме, своём любимом городе.

Василий Ярославович был государь умный, добродушный, милостливый, по сказаниям очевидцев «добродетелен зело, любяще Господа Бога от всего сердца своего, и ко всем без лукавства любовь и милость имел, в том же был мудрым политиком и храбрым воином».

Здесь, в Костроме, князь Василий был отмечен особой милостью Божией, когда перед сражением на Святом озере ему чудесным образом явилась Феодоровская икона Божией Матери.

Под предводительством Василия Костромского в 1264 году объединенные силы городов Северо-Восточной Руси восстали против татаро-монгольских поработителей и нанесли им ощутимый удар на Святом озере под Костромой.

После вступления на великокняжеский престол Василий Ярославович немедленно отправил послов в Новгород – объявить, что он принимает Новгородское княжество в свою державу. Одновременно с таким же требованием в Новгород явились послы и от князя Дмитрия, сына Александра Невского, княжившего в Переяславле. Новгородцы Великому Князю Василию отказали, отдав предпочтение Дмитрию. Тогда Василий Костромской снарядил войско и осадил город Торжок, главный пункт вывоза хлеба для Новгорода из Ростово-Суздальской земли. Видя такой оборот дела, новгородцы возроптали и отправили к Василию Ярославовичу послов с предложением мира и согласиём оставить за ним новгородское княжение вместе с костромским.



Став столицей Северо-Восточной Руси, Кострома начала застраиваться добротными домами, укрепленными сооружениями, церквями. Выросло ее значение как крупного торгового города на Волге.

Посоветовавшись «с боярами своими и со всем народом», князь Василий повелел устроить каменную соборную церковь в честь Успения Божией Матери. Местом для построения нового каменного собора Великий Князь избрал возвышающийся над всем городом крутояр, на котором Успенский собор возносился более шести веков.

Сохранилось предание, что Василием Ярославовичем построена в Костроме ещё деревянная церковь Воскресения Христова на Дебре. Место называемое дребрю, прежде было покрыто лесами, которые начинались здесь и продолжались далее на необозримое пространство. Предание говорит, что около того места, где находится церковь Воскресения, у князя Василия Костромского был загородный дом, при котором содержались княжеские охотники и псары. Это и послужило причиной заселения местности, а потом и постройки церкви для жителей этого района.

В те далёкие годы многие считали участь Костромы весьма завидной. С одной стороны, здесь пребывал Великий Князь - человек талантливый, мудрый, деятельный, а с другой – дарованное свыше городу и церкви небесное утешение покровительницы и заступницы в лице чудной иконы Богородицы.

Однако дни радости и счастья на земле редко бывают продолжительными. В 1275 году Василий Костромской в третий раз отправился в Золотую Орду для обычного поклонения татарскому хану. В летописях год этот отмечен, как особенный, с необычным небесным явлением: «Июня 12 огорожая солнце яко круги, а посреди кругов крест; дуги сини, зелены, желты, багряны и черны...» Несмотря на недоброе предзнаменование, Великий Князь отправился в путь, но по прибытии из Орды, в январе 1277 года неожиданно скончался 37 лет от роду. Умер бездетным, пробыв Великим Князем пять лет. Любовь костромичей к Василию Ярославовичу ярко выразилась при погребении, когда «не слышно было пения, но много плача».

После его смерти Кострома была причислена к великому княжению Владимирскому. А о таких людях, каким являлся Василий Костромской, народ не забыл, сказал о них своё слово:

*Ты говорил: «О Русь святая,  
Не поддавайся, не страшись,  
Во дни невзгод, не унывая,*



Восстань с молитвой и борись...  
Не отдавайся в плен коварный,  
Как покорённая раба.  
Удел готовит лучезарный  
Тебе грядущая судьба.  
Путь, озарённый солнцем славы,  
Я чую сердцем впереди.  
Спасай венец твой величавый,  
Твой час настал — восстань, иди!»  
И встала Русь, и вскоре беды  
Разбились, словно водный вал,  
Но ты зари её победы  
И дней счастливых не видал.  
За торжество родного края  
Ты отдал всё, что было сил,  
И, в тяжких муках умирая,  
С любовью Русь благословил.





## ОСАДА ИПАТИЯ



В феврале 1609 года в Костроме началось ожесточённое уличное сражение между народным ополчением и войском польской шляхты. Непрошенные иноземные гости, потерпев поражение в этих боях, 4 марта поспешно отступили за реку Кострому и укрылись за стенами Ипатьевского монастыря, который являлся в то время превосходной крепостью. Из Ипатьевской летописи известно, что ещё в 1332 году здесь, за крепостными, тогда ещё дубовыми стенами, нашёл безопасное убежище от саранского хана Тохтомыша московский князь Дмитрий Донской, собравший потом в Костроме двухтысячное войско для борьбы с татаро-монгольскими завоевателями.

В 1402 году Ипатьевский монастырь укрывал московского князя Василия Первого, гонимого всеильным в Золотой Орде Эдигеем. Отсюда, из Ипатия Василий Первый обратился с воззванием к русскому народу с призывом подняться на борьбу с монголо-татарским нашествием. В этой борьбе за независимость земли русской принимали участие и костромичи.

И вот в 1609 году Ипатьевская обитель вновь стала центром судьбоносных политических и военно-исторических событий. И как в былые века у стен её проявился вольнолюбивый дух русского народа, его высокий патриотизм. А одолеть засевший в монастыре польский гарнизон было делом непростым. Монастырь насчитывал 37 крепостных орудий, имелись большие запасы пороха и продовольствия. Кроме того, поляки привезли с собой три проломных пушки. Сам же монастырь был окружён высокой каменной стеной длиной в 518 метров с шестью боевыми башнями и четырьмя крепостными воротами. Стены и башни имели три яруса бойниц, смотровых щелей, амбразуры. Через бойницы осаждённые стреляли из пушек, из ружей, палили в смотровые щели, со стен лили кипяток, смолы бросали камни, сыпали горячий песок и воду. Особое место для обороны монастыря занимали угловые, дозорные башни, которые предназначались для кругового наблюдения и обстрела местности.

Хорошей защитой Ипатию служили и естественные природные условия. С восточной стороны - река Кострома, с юга - речка Игуменка, с юго-западной стороны - Волга, с севера - «Святое» озеро. Всё это делало Ипатьевский



монастырь неприступным и костромское народное ополчение безуспешно пыталось овладеть им. На помощь костромичам прибыло пять тысяч галических крестьян под командованием Ивана Кологривцева и ополчение из Ярославля.

Чувствуя неминуемую скорую расплату, укрывшийся за стенами святой обители польский гарнизон, молил гетмана Сапегу о помощи: «Марта 12-го пришли воры Государевы изменники вологодские и Поморские мужики пять тысяч от Костромы за две версты и ждут себе из Галича Ивашку Кологривцева, а с ними идёт воровских людей 5 тысяч... а как к ним придёт и приступят к Ипатьевскому монастырю. А помощи нам не присылается...»

1 мая 1609 года к осаждающим подошло новое подкрепление – отряд на 17 судах из Ярославля от князя Михаила Скопина-Шуйского во главе с опытным воеводой Давидом Жеребцовым. Первым делом он окружил монастырь двумя рвами, чем окончательно изолировал засевших там интервентов.

С этого времени народное ополчение Костромы, Галича, Новгорода, Вологды, Кологрива, Парфеньева, Судая и других городов день и ночь осаждали засевшего в Ипатии врага, Бои стали чаще и ожесточённые, осаждающие «чинили монастырю тесноты великие». Но, хотя осада продолжалась всё лето, враг не сдавался. Слабые пушки ополченцев не могли разрушить монастырские стены.

И тогда два молодых костромича – Константин Мезенцев и Николай Костыгин предложили одну из стен взорвать, изъявив желание лично совершить это опасное и трудное дело. В ночь с 24 на 25 сентября 1609 года, под покровом темноты, они подрыли монастырскую стену, заложили в подкоп бочку с порохом и подожгли её. При взрыве оба смельчака погибли. В образовавшуюся брешь ворвались ополченцы. В ожесточённом рукопашном бою иноземные воины были перебиты. Так пал сильнейший оплот интервентов на северо-востоке Руси.

Позже осада костромским ополчением Ипатьевского монастыря нашла своеобразное отражение в песне «Ах ты, наша матушка Кострома». Поэтически осмысливая минувшие исторические события, создатели песенного текста объединяют разные эпохи. В песне ополченцы сражаются не с поляками, а с войском хана Батыя, то есть во времена, когда Ипатий еще не был построен. Предводитель же ополчения 1609 года назван настоящим именем, отчего песня эта как бы подчёркивает вековую неизбывность патриотических чувств и боевого духа наших земляков.



*В те поры собиралися да сходилися  
Две рати несметные:  
Жеребцова - воеводы русского,  
Да Батыея - хана поганого.  
Они билися да рубилися  
Смертным боем на зелёном лугу,  
На зелёном лугу, на дубравушке,  
Возле стен святого Ипатия.  
Закраснелись воды синие, воды волжские,  
От крови русской, от крови вражеской,  
Как возговорит тут воевода Давид Жеребцов:  
«Постоим, ребятаушки, за волю русскую,  
За веру православную!.. «  
Приударили русские ратнички,  
Мужички посадские, ребята хоробрые,  
Отогнали-потопили люта врага  
Во реке быстрине, Волге-матушке.  
Не ходите боле, незваные,  
Не топчите наши дубравушки!..*

С той поры Ипатьевский монастырь возвышается над Волгой не только как святая обитель, «расстроенная и изнурённая в смутное время самозванцев и других иноплеменных искателей Русского престола», но и как памятник величия и славы русского народа, народа-воина, народа-созидателя.





## ИСТОРИЧЕСКИЙ ДЕНЬ



В пору грозных опасностей и потрясений Кострома много раз служила местом укрытия для князей московских. Так в 1383 году во время похода хана Тохтамыша на Москву сюда удалился со своим семейством и двором Дмитрий Донской. В 1409 году, во время похода правителя Золотой Орды Эдигея на Первопрестольную, в Костроме нашёл прибежище Великий Князь Василий Дмитриевич. Как писал местный историк Александр Козловский: “Трудно понять, почему Великие Князья избирали Кострому своим убежищем! Были города и более безопаснее и более укрепленные. Вероятно, что усердие и верность Костромских граждан были поруками их безопасности”. Именно здесь скрывался от врагов родоначальник царской династии Романовых – Михаил Фёдорович.

Когда он узнал о своём избрании на русский престол и о приближении московского посольства к городу, то вместе с матерью Марфой Иоанновной они переехали из своего дома, находящегося в Кремле, в келью Ипатьевского монастыря.

13 марта 1613 года московское посольство прибыло и остановилось в селе Селище. На следующий день, 14 марта, на том месте, где река Кострома сливается с Волгой, соединилась Москва и Кострома в лице святынь их.

*Утро. Заря голубая  
Главы церквей золотит;  
Благовест храма святого  
Всюду несется, гудит.*

*Гудит по лесам по дремучим  
По сёлам, большим городам;  
Гудит и призывом могучим  
Мирян созывает во храм.*

Колокольный звон известил Романовых о приближении посольства. Ему навстречу из восточных ворот Ипатия вышла монастырская процессия во главе с Марфой и её сыном Михаилом, после чего все направились в церковь Пресвятой Живоначальной Троицы, где боярин Шереметев приветствовал Романовых





и объявил им решение земского собора. Началось «челобитье» посольства, длившееся с 3 часов дня до 9 часов вечера. Дело в том, что Михаил Фёдорович с гневом и плачем и даже ужасом отказывался от престола, не благословляла сына на царство и мать инокиня Марфа. Она говорила послам, что «всяких чинов» люди московского государства служили прежним царям не прямо, часто изменяли, нарушали крестное целование, что московское государство очень бедно и её сыну нечем будет жаловать служилых людей.

На отказ Михаила от престола послы стали грозить ему гневом Божиим, говорили, что «Бог взыщет на нём конечное разорение государства». А архиепископ Рязанский и Муромский Феодорит решительным тоном произнёс: «Не будь противен, боярин Михаил, воли Божией! Не мы предприняли сей подвиг, но Пречистая Божия Матерь возлюбила тебя!..»

Проникнувшись преданностью воли Всевышнего, инокиня Марфа выразила, наконец, своё согласие и сказала сыну: «Исполни волю Божию!», подведя его к чудотворному Феодоровскому образу Божией Матери. Преосвященный Феодорит благословил новоизбранного царя, возложил на него животворящий крест и вручил царский посох.

*И посох, и бармы, и крест золотой  
Царь принял державной рукой,  
И вместе с боярами, вместе с толпой  
К Божью Престолу вознёсся с мольбой...»*

*Наутро луч радости новой зарёю  
Родные равнины, всю Русь осветил:  
Из Дома Романовых править землёю  
Отныне стал царь Михаил.*

Три дня по всем церквам совершались благодарственные молебны, три дня не смолкал колокольный звон и три дня не умолкали радостные крики народа. Как отмечает летописец, «преименитый город Кострома был охвачен радостью и чудо согласия костромичи приписывали своей Владычице». Это всенародное ликование Костромы, быстро передавшееся в Москву, а затем и на всю Россию, было действительно величайшим моментом во всей истории многострадального русского народа.

19 марта вновь избранный Царь оставил Кострому и направился в Москву, где был торжественно встречен 2 мая того же года. Причину такой медлительности в пути Михаил Фёдорович объяснял в посланной им в столицу грамоте:



«Едем медленно затем, что подвод мало, служилые люди худы /бедны/; многие стрельцы, казаки и дворовые люди идут пешком».

Так начинал правление родоначальник царской династии Романовых - Михаил Фёдорович.

А пять лет спустя напишутся слова, родившиеся в отчелюбивой душе безымянного костромича-стихотворца:

*Спаси Бог тебя, Кострома-городу,  
И честному монастырю Ипацкому,  
Что соблюл нам смена Царския  
На Великое Московское Государство  
Всея Руси Самодержца.*

*И чего-то мы у Господа молили,  
И чего-то мы у Спасителя-Света  
Со слезами властью и соборы  
Всенародно усердно просили -  
То нам Господь-Бог и подал:  
Дал нам Господь-Бог государя,  
Царя Михаила Фёдоровича на Царство.*

*А нынеча у нас Государь богомолен,  
Праведен и честен, и славен  
Во все окрестные царства,  
И умирал Московское государство,  
И утвердил свою Царскую Державу.*





## НЕТ ПОВЕСТИ ПЕЧАЛЬНЕЕ НА СВЕТЕ



Это народное предание о большой и красивой любви двух юных костромичей и их трагической судьбе бытовало в наших краях более полутора веков. Ещё в начале XX столетия от старых людей можно было услышать печальную и удивительную историю, случившуюся здесь в 1751 году...

В ту пору в городе, на месте нынешних бульваров, возвышались земляные валы, на которых стояли пушки. Вместо каменных домов тогда по обеим сторонам узких немощёных улиц теснились высокие избы с массивными воротами, и низенькие избышки с завалинками. А из пятидесяти церквей едва ли и десятая часть была каменная. Тогда на площадях стояли никогда не просыхающие лужи, и их берегли как сокровище на случай пожара.

И жил в те годы в Костроме богатый купец Барышников с дочерью Настей. К восемнадцати летам дочь сделалась настоящей красавицей, а при богатстве отца и завидной невестой.

Известная всему городу сваха Лузиха несколько раз предлагала Насте видных женихов, но девушка давно полюбила сына бедного костромского рыбака Гришу. Узнав, что молодые часто встречаются в старой избе Барышникова, Лузиха так ловко всё устроила, что отец Насти стал свидетелем этого тайного свидания. Посчитав себя опозоренным, он избил дочь и проклял её. Лузиха же, воспользовавшись моментом, посоветовала Барышникову отдать Настю насильно за богатого и пожилого купца Живчикова, на что тот с готовностью согласился.

Мало того, сваха в то же время обещала и Насте устроить её замужество с Гришей. Для чего велела девушке собрать все свои драгоценные вещи и явиться в указанное Лузихой место, куда она якобы приведёт и Гришу, чтобы они могли бежать из Костромы.

Девушка ей поверила, скрытно пришла в назначенное время в заброшенный на окраине дом, где Лузиха, забрав все драгоценности, задушила её подушкой, а затем с племянником завернули труп в рогожу и бросили за городом.

И так случилась, что Гриша, лишившийся от горя сна, часто бродил бесцельно по окрестностям, и случайно увидел труп Насти. Странная находка так поразила его, что он опустился на землю без чувств. Тут-то и нашли его прохожие. Нашли и заподозрили Григория в убийстве девушки, после чего посадили в острог.

Позже костромская писательница Александра Кобякова, со слов очевидцев напишет: «В родительском доме, на дубовом столе, лежит Настя в своём объяринном



сарафане; чёрная коса, обвитая алой лентой, двумя волнами сбежала по плечам. На оттаявших щёчках мёртвой красавицы играл яркий румянец, словно у живой, только на груди было большое багровое пятно, да лебединая шея распухла».

Люди не отходили от умершей. Все ждали главного момента — следствия. В то время существовал обычай приводить убийцу для прощания с убитой. Следственные судьи пользовались этим психологическим моментом для того, чтобы выяснить, какое впечатление произведёт на подозреваемого такой момент свидания.

Когда солдаты привели закованного в кандалы Григория в дом покойницы, весь народ с нетерпением ожидал его признания. Но Гриша тихо поцеловал Настю и проговорил: «А как мы любили друг друга. Так как же вы думаете, будто я убил её».

Сваха Лузиха тоже пришла проститься с девушкой и поцеловала ее. Народная молва свидетельствует, что после того поцелуя лицо Насти вмиг покрылось румянцем и струя алой крови брызнула на руки Лузихи. «Злодейка, убийца, душегубка!» — раздалось со всех сторон. И тогда сваха чистосердечно покаялась и призналась в том, что это она ограбила и задушила Настю. После чего Лузиха поклонилась на все четыре стороны, перекрестилась и сказала: «Простите вы меня, отцы и братия, и сестры, и сродницы. Помолитесь за упокой грешной моей души; мзду приемлю по грехам моим... Простите меня небо и светила небесные, и ты, мать сыра-земля!..»

А скоро после тех событий в наших краях родилась удивительная песня, словно напоминающая о прекрасном, светлом чувстве двух юных влюблённых, счастьем которых не суждено было сбыться. Слушая ту песню, так и видишь неутешного в своём горе Гришу, который и по сей день бродит в одиночестве по белу свету, изливая сердечную боль и тоску тихими, пронзительно-скорбными словами:

*То не ветер ветку клонит,  
Не дубравушка шумит.  
То моё сердечко ноет,  
Как осенний лист дрожит...*

*Не житьё мне здесь без милой,  
С кем пойду я ко венцу?  
Знать судил мне рок с могилой  
Обвенчаться молодцу...*

Который век в народе живёт эта песня, возвращая нас памятью в те далёкие времена, когда на костромском земле, как и во всей, России, превыше всего ценились такие прекрасные человеческие чувства, как верность, преданность и неизбывная любовь молодых сердец.



## МОНАХ-ПРОРИЦАТЕЛЬ



"Одержимый духом предсказаний, то вечный скиталец по монастырям и костромским лесам, то тюремный сиделец, инок Авель... находил себе если не почитателей, то, по крайней мере, благотворителей, и даже в высшем кругу," – сообщалось в "Русском архиве" в 1873 году о Авеле, ясновидце и прорицателе, от предсказаний которого иные "даже в страх приходили".

Впрочем, почитателей тоже находилось достаточно. Как напоминает в своих "Записках" генерал-майор Лев Николаевич Энгельгардт, "многие барыни, почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах их дочерей, он им отвечал, что он не провидец и что он тогда только предсказывал, когда вдохновенно было велено ему, что говорить".

Будущий монах и духовный писатель Авель, в миру Василий Васильев, родился в 1757 году в Тульской губернии в крестьянской семье. Женатый по принуждению отца в 17-летнем возрасте, он поначалу был примерным семьянином, заимел двух детей, промышлял плотницким ремеслом, уходя с артелью на заработки в благодатные черноморские края. Жизнь текла заведённым порядком до 25 лет, когда Василий вдруг услышал "во Евангелии Христа Спасителя Слово: аще кто оставит отца своего и мать, жену и чада, и вся имени Моего ради, той сторицею вся примет и вселится в царствии небесном".

Сие "слово" настолько поразило Василия, что он оставил родную деревню Акулово и подался на север, в Валаамский монастырь, где принял постриг и стал называться Авелем. По-крестьянски основательный, прилежный и трудолюбивый, начал одолевать письменную грамоту и совершенствоваться в духовной жизни, готовя себя к подвижническому труду.

Пять лет спустя, в 1792 году, Авель покинул Валаамскую пустынь и отправился в скитания по России. Постранствовал изрядно, пока не достиг костромских пределов, где и определился в Бабаевский монастырь. Тут-то на него и снизошли "видения", которые старательно стал записывать в специально приобретённые для такого случая тетрадки. Да какие "видения"! Язык не поворачивается выговорить. Будто бы императрица Екатерина Великая примет смерть осенью 1796 года. Прослыша про такое "ужаса и удавления" достойное пророчество, настоятель монастыря немедля доставил Авеля в Кострому в духовную консисторию. После короткого допроса неожиданного прорицателя и "сумасброда" представили епископу Костромскому и Галичскому Павлу. Тот,



ознакомившись с писанием монаха, был потрясен ужасного догадкой, что "в книге своей он проводит дерзостной и вредный толк об особе Императрице и ея царском роде, в чём заключается секрет важный".

Авеля немедля лишили монашеского одеяния и разжаловали в крестьянина Василия Васильева, после чего определили в острог, куда в скором времени наведася генерал-губернатор Владимирского и Костромского наместничества Заборовский, желая выяснить: откуда у сочинителя "неистовых" книг явилась мысль о грядущей кончине императрицы? Уж не заговором ли тут пахнет?

Авель, ссылаясь на собственное косноязычие, просил одного, чтобы Екатерине доложили, что он слышал вдохновенный голос свыше, о котором должен объявить ей лично.

Поскольку кончалась зима 1796 года, а по предсказанию Авеля императрице оставалось жить всего ничего, местные управители монаха-расстригу заковали в железные цепи и с караульным прапорщиком Масленниковым спровадили в Петербург.

Екатерина II, узнав о скорой собственной кончине, поступила с новоявленным Нострадамусом по-божески. Не гневалась, не глумилась над ним, только распорядилась:

– Отправить етого вруна в Шлиссельбург! Пусть-ка там посидит до скончания живота моего. Если он такой умник, то сидеть ему осталось недолго - ведь мне он каркает смерть в етом годе ешо...

Пророчество Авеля сбылось на удивление точно: матушка-государыня почилла в бозе осенью, 6 ноября 1796 года.

Вступивший на престол Павел I срочно повелел: "содержащегося в Шлиссельбургской крепости крестьянина Васильева освободить и отослать... для пострижения в монахи к Гавриилу, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому". Но, "одержимый духом предсказания", Авель и на этот раз стал жертвой "нового ужасного видения". Когда он предсказал императору Павлу, сколько времени продолжится его царствие, тот в ту же минуту приказал опять заточить ясновидца в крепость.

В повести Натана Эйдельмана "Большой Жанно", посвящённой лицейскому другу Пушкина Ивану Ивановичу Пущину, можно встретить такие воспоминания шведа-надзирателя Лилиенанкера о событиях тех далёких лет:

– Я стоял во внешнем карауле, той ночью (12 марта 1801 года) и видел, как Бенигсен и Зубовы прошли во дворец. Незадолго перед тем пробила полночь, шум начался примерно через полчаса, а около часу или даже позже граф Пален поздравил нас с новым императором Александром Павловичем.



Всё царствование Павла продолжалось точно, как предсказал Авель: 4 года 4 месяца 4 дня и 4 часа.

Надзиратель Лилиенанкер также утверждал, будто бы он советовал монаху себя укоротить, не открывать своих видений, но тот отвечал: "Хоть раз совру – свой дар утрачу".

Как бы там ни было, но император Александр I, сменивший на престоле Павла I, ясновидца из заточения освободил. Правда, ненадолго. Когда за год до нападения французов Авель предсказал императору, что французы не только вступят в Россию, но возьмут Москву и сожгут её, Александр I тут же приказал посадить его снова в крепость. И только после изгнания неприятеля он был выпущен на волю, и долгие года проживал в Троицко-Сергиевой и Невской Лаврах. Дух пророчества не оставлял его до скончания дней.

По воспоминаниям современников Александр I в сентябре 1825 года, перед отъездом из Петербурга в Таганрог "посетил в Невской Лавре монаха Авеля, известного своей отшельнической жизнью и духом прозрения. Он беседовал с ним целый час, и Авель ему сказал, что он не увидит более своей столицы".

Что сбылось в точности.

Костромской поэт Юрий Бекишев, увлечённый разгадкой "жития и страданий отца и монаха Авеля", нашёл свидетельства поэта Дениса Давыдова о предсказании ясновидца в 1825 году. "Авель, – отмечает Давыдов, – находился во время восшествия на престол Николая, он тогда сказал о нём: "Змей проживёт тридцать лет". Так и случилось. Николай I скончался в 1855 году.

Правда, монах Авель до этого времени не дожил. Преставился он в 1841 году в Спасо-Ефимьеве монастыре, куда надёжно запрятал его Николай I по доносу хозяина деревни, откуда Авель был родом. Прожил он 83 года и 4 месяца. Как утверждают следующие люди, он и свою жизненную судьбу прозрел с величайшей точностью.





## ТАЙНО СЫГРАННАЯ РОЛЬ ФЁДОРА ВОЛКОВА



О том, что земляк наш Федор Григорьевич Волков является основателем отечественного театра и первым его актером, известно многим. Но мало кто знает о тайно сыгранной им роли, оказавшей влияние на судьбу России.

Ранним туманным утром 26 июня 1762 года в Петергоф неожиданно примчался граф Алексей Орлов. Спешившись с коня, он торопливо направился к павильону «Монплеzir, именуемого в просторечии «Чайным домиком», в котором проживала императрица Екатерина Алексеевна со своим штатом. Встретив у входа камерди-

нера Шкурина, Алексей Григорьевич сказал негромко:

– Погода отличная, туман превосходный. Лучшего и желать нельзя. Все благополучно?

– Пока что да. Карета ждет, – услышал в ответ.

– Солнце взойдет – не будет такой благодати. Медлить нельзя, – граф прошел в спальню императрицы. Екатерина Алексеевна, одетая в темное платье, полулежала на кушетке. Коротко спросила:

– Как? Уже? Подробности.

– Подробности потом. Надо торопиться.

Алексею Орлову было не до подробностей. Заговор Екатерины против супруга своего императора Петра III вдруг раскрылся самым случайным образом. Накануне один из солдат Преображенского полка, знавший о готовящемся заговоре, секретно поведал о том капитану П.А. Измайлову, полагая, что тот на стороне императрицы. Измайлов же являлся офицером, преданным Петру III, а потому тут же доложил об услышанном. Первым из заговорщиков арестовали капитана П.В. Пессека, о чем стало известно брату Алексея Орлова Григорию. Тот немедленно сообщил о предательстве Е. Р. Дашковой, верной Екатерине. Дашкова, опасаясь, что Пессек на допросе расскажет об участии в заговоре императрицы и ее арестуют, послала жене камердинера Шкурина записку с просьбой: отправить в Петергоф наемную карету, а своему мужу наказать, чтобы карету держали наготове, которой, в случае опасности, могла бы воспользоваться императрица.

Стремительно развивающиеся события не позволяли много говорить. Алексей Орлов молча препроводил Екатерину в ожидавшую ее карету, и они во весь опор помчались в Петербург.





Подъезжая к казармам Измайловского полка, услышали, как барабаны забили тревогу. Разбуженные гвардейцы, одеваясь на ходу, выбегали на плац. Улицы заполнялись народом. Запыленную, грязную карету со взмыленными лошадьми, узнали по многочисленному конному эскорту во главе с братьями Григорием и Алексеем Орловыми. Екатерина волновалась, необычная бледность покрыла ее лицо.

Днями распространился слух, что она арестована, брошена в крепость, ее ждет лютая смерть. Теперь, увидев императрицу, гвардейцы закричали «ура!», народ шумел-волновался:

– Матушка-страдалица ты наша! Не дадим тебя в обиду!..

– На плаху за тебя готовы идти!..

Выйдя из кареты, Екатерина Алексеевна сказала, сдерживая волнение:

– Не ради спасения живота своего пришла я к вам. Защиты прошу для сына моего Павла – наследника Российского престола. Для вашего будущего императора.

Будто по команде появился полковой священник Алексей с походным алтарем. Осенив Екатерину крестным знаменем, молвил:

– Гряди, голубице! Благословляю тебя и чадо твое.

И тут случилось непредвиденное. Братья Орловы никак не могли отыскать графа К.Г. Разумовского и директора Академии наук Г.Н. Теплова, какие должны были доставить тайно отпечатанный за ночь в академической типографии Высочайший Манифест о смене власти. Без него полк к присяге привести невозможно. Но как не высматривали, ни Разумовского, ни Теплова нигде не было видно. Холодный пот прошиб заговорщиков.

К Орловым подошел красавец-геркулес в синем сюртуке, сказал тихо:

– Господа, дайте мне лист бумаги.

– Что? – Григорию Орлову было не до разговоров.

– Дайте мне какой-нибудь лист.

Увидев перед собой актера Федора Волкова, Орлов понял его рискованное намерение. Тут же вручил чистый лист бумаги со словами:

– Федор Григорьевич, голубчик, выручай.

Взяв чистый лист, Волков стал рядом с Екатериной. В воцарившейся тишине раздался могучий, проникновенный, удивительно красивого тембра голос актера, читающего Манифест:

– Божьей милостью мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица Всероссийская и прочая, и прочая... Всем сынам Отечества Российского ока-



залось, какая опасность всему Российскому государству началась. Веру нашу православную нехристи заменить иноверным законом хотят. Слава Российская, возведенная на высокую степень победоносным оружием, отдана в совершенное порабощение, а внутренние порядки, составляющие целость всего нашего Отечества, совсем испровержены. Будучи убеждены таковою опасностью, принуждены были мы, приняв Бога и Его правосудие в помощь, вступить на престол наш Всероссийский самодержицей, в чем и все наши верноподданные присягу нам торжественно учинили. ЕКАТЕРИНА.

Измайловцы на Манифест ответили неистовым «ура!». Полк принял присягу на верность императрице Екатерине Второй. Вслед за измайловцами Екатерине присягали семеновцы и преображенцы. В тот же день император Петр III отрекся от престола, а через неделю «впал в преежестокую колику» и почил в бозе.

Один из осведомленных придворных того времени А.М. Тургенев в своих «Записках» позже отмечал: «При Екатерине первый секретный, не многим известный, деловой человек был актер Федор Волков, может быть первый основатель всего величия императрицы. Он во время переворота при восшествии ее на трон действовал умом; прочие же, как-то: главные Орловы, князь Барятинский, Теплов – действовали физическою силою, в случае необходимости и горлом, привлекая других в общий заговор». Другие почитали Волкова «человеком недюжинного ума», уверяли, что он «мог бы быть человеком государственным».

Но действительно ли наш земляк занимал столь значительное место в организации заговора? Имел ли он столь высокую степень доверия Екатерины? Она давно обратила внимание на серьезность Волкова и его общее развитие. Как-то после представления трагедии «Синав», в которой тот играл главную роль, она пригласила актера в свой рабочий кабинет, сказала дружелюбно:

– Вы играли сегодня очень хорошо. Я хочу поговорить с вами о театре.

После того их разговоры стали постоянными. Беседы о театре и литературе представляли взаимный интерес. Бывало касались и тем политических, а то и конфиденциальных. Осторожно, полунамеками, как бы ненароком, но уж такое было время: беспокойное, бунтарским духом пропитанное.

Когда Петр III пожелал избавиться от нелюбимой жены и ее сына Павла, он окружил супругу своими верными соглядатаями – гольштинцами. Одно не вызывало у императора подозрений – ее общение с ярославскими лицедеями. Пускай, думал, лучше развлекается, чем лезет в политику. Потому Федор Волков, один из немногих, имел свободный доступ к Екатерине. Как утверждают знающие люди, он-то и был «потаенным связным между императрицей и заговорщиками». Вполне вероятно, Волков принимал участие в написании Манифеста, что позволило



ему с чистого листа «прочсть» его гвардейцам. Если то была импровизация, исполненная не только вдохновенно и убедительно, но и с завидным знанием дипломатических тонкостей императорской канцелярии. Не отсюда ли щедрость Екатерины Второй, когда шесть дней спустя после переворота она предложила Волкову быть кабинет-министром, возлагала на него высшую награду империи – орден святого Андрея Первозванного? Федор Григорьевич от всего отказался.

Сохранилось свидетельство и такого рода: «Рассказывают с достоверностью, что государыня после восшествия на престол благоволила пожаловать Волкова дворянским достоинством и вотчиною, но он просил императрицу удостоить этою наградою брата его Григория, а ему позволить остаться в том же звании и состоянии, которому он обязан своею актерской известностью». Государыня и здесь уважила просьбу Федора Григорьевича.

А скоро ему вручили императорский ордер на право быть устройтеlem, распорядителем и организатором маскарада по случаю коронации Екатерины в Москве. Сроку давалось полгода – от июля 1762-го по январь 63-го. Волков сам написал сценарий народного карнавала под названием «Торжествующая Минерва». Для написания текстов хоров, од, сатирических куплетов пригласил Сумарокова, Хераскова, Чулкова. Архитекторы, живописцы, театральные художники занимались декорационным оформлением масштабного действия. Актерами стали люди «фабришные», певчие, студенты, музыканты, солдаты разных полков – общим числом в четыре тысячи человек. Каждый – в маскарадном костюме, шитом на казенный счет. Один из «благороднейших» дворян того времени Андрей Болотов так объяснял смысл театрализованного представления: «Маскарад сей имел целию осмеяние всех обыкновеннейших между людьми пороков, почему и назван был «Торжествующею Минервою».

Трехдневное уличное представление завершилось величественной картиной «Золотого века», торжеством победившей людские пороки богини мудрости Минервы, под которой подразумевалась Екатерина Вторая, оставшаяся довольной грандиозно-роскошным зрелищем. Для самого Федора Волкова празднества стали роковыми. На них он простудился, а два месяца спустя, 4 апреля 1763 года, умер 34 лет от роду.

Похоронили Федора Волкова в мужском Спасо-Андрониковом монастыре, в котором тремя веками ранее обрел вечный покой и родоначальник русской живописи Андрей Рублев.

Когда Волкова провожали в последний путь, мало кто знал, что хоронят не только основателя Российского театра и великого актера, но и великого заговорщика, чья роль, тайно сыгранная в истории России, надолго останется потаенной от его современников и потомков.

**БЛАЖЕННЫ ВРЕМЕНА НАСТАЛИ**

Весной 1767 года Кострома пребывала в необычайном возбуждении по случаю ожидаемого приезда Императрицы Екатерины II. Дабы оказать особую признательность Её Императорскому Величеству генерал Александр Ильич Бибииков пожелал приветствовать Высокую Путешественницу теми же хоральными песнопениями, какие звучали в 1763 году на коронации Екатерины в Москве во время маскарада “Торжествующая Минерва”, сочинённого и поставленного костромичём Фёдором Волковым. Генерал раздобыл описание того «общенародного зрелища», а воспитанники Костромской духовной семинарии с душевным трепетом разучивали дивные слова:

*Блаженны времена настали,  
И истины лучём Россию облистали!  
Подсолнечно внемли!  
Блаженство на земли!..*

*Настал для Россов златой желанный век;  
И все струи Российских рек,  
Во удивление соседям,  
Млеко текут и медом.*

К визиту Государыни местные умельцы при въезде в город воздвигли триумфальную арку, в верхней части которой была представлена Екатерина в образе богини Цереры, едущей в колеснице, запряжённой двумя львами. В правой руке она держала вожжи, а в левой – лавровый венец. Над её головой летела Слава с трубою, прославляя добродетельные дела Екатерины Алексеевны.

Украшали арку два девиза. На одном изображалась курица, к которой со всех сторон бегут цыплята, с надписью: «Матерь свою познают». На другом, посреди украшенного цветами поля, выросло пальмовое дерево с Российским гербом. Главная же картина представляла избрание на престол Михаила Фёдоровича Романова с аллегорическим изображением избавления России от многих злключений. Было здесь и солнце, восходящее в полном сиянии над земным шаром, представленным зрителю пределами Российской Империи и словами: “Да будет свет, и быть свету!”



Кострома ожидала приезда Великой гостьи, и лилась над весенним городом мелодия величальной песни:

*Ликуйте днесь,  
Ликуйте здесь,  
Воздух, и земля, и воды:  
Веселитесь народы!..*

И вот вечером 14 мая показалась императорская флотилия, состоящая из 11 судов. На них размещалась свита счетом в 857 человек, среди которых иностранные министры Австрии, Пруссии, Испании, Дании и Швеции. Когда галера “Тверь”, на которой путешествовала Екатерина, встала под стенами Ипатьевского монастыря, зазвонили все колокольни города, с кремлёвского вала был дан пушечный салют 31-м залпом, из Ипатия сделано 37 выстрелов. Весь город осветился иллюминациями, которые складывались в екатерининский вензель.

На следующий день в 9 утра государыня при всеобщем народном ликовании отправилась в Ипатьевский монастырь. Епископ Дамаскин приветствовал её речью, заканчивающуюся словами: “Вниди, Государыня, в древнюю обитель своего предка и обнови её Твоим присутствием. Прими отчину древнего князя Василия Ярославича и с ней град сей и страну под Твоё Монаршее покровительство и милосердие, да и мы... прославляем о Тебе навсегда Божие величество”.

Позже для императрицы и её свиты был дан обед, во время которого генерал-поручик Бибиков поднёс Её Величеству бокал бургундского вина. Она выпила вино и сказала: “Я очень довольна: объятия от меня дворянству обоюго пола и благодарность”. После чего Екатерина объявила, что жалует Костроме герб, которого город до сих пор не имел.

То был первый герб, составленный при Екатерине II. Геральдмейстерская контора “сочинила” герб в память о путешествии Её Величества по Волге и пребывании в Костроме, а потому на нём была изображена “в голубом поле галера под Императорским штандартом на гребле плывущая по реке, натуральными цветами в подошве щита изображённой”.

После того императрица одарила своей милостью Ипатьевскую обитель, коей пожаловала 3000 рублей, не обошла вниманием и духовенство, дворянство, купечество, простой народ, а так же костромских татар с их жёнами, какие были представлены Государыне костромским воеводой Малыгиным.

16 мая рано утром императорская флотилия снялась с якоря и отправилась в дальнейшее путешествие.



По прошествии двух с половиной веков, уже в наши дни, астрологи попытались уяснить: с какой целью Екатерина II путешествовала по Волге и посещала Кострому? Насколько благоприятно было выбрано время для такого исторического события?

Составленный ими гороскоп свидетельствует: путешествие Её Величества по России проходило под знаком стремления к лидерству и авторитету, осознания смысла бытия, готовности прийти на помощь подданным, воинственного проведения в жизнь своих принципов в обстановке общения и жизнерадостности.

Тогдашнее расположение Урана явно намекало на то, что в Костроме “присутствует большое и важное лицо”, а расположение других планет и звёзд способствовало тому, что с приездом Екатерины II в городе установились “необычайные домашние условия и семейные отношения”.

Гороскоп составлен на 24 октября 1767 года — дату утверждения герба Костромы. После того он менялся в 1796 году по указание Павла Первого, в 1878 году при правлении Александра II, а после революции 1917-го был вообще отменён. В 1992 году сессия Костромского городского Совета народных депутатов приняла решение о возвращении официального символа городского самоуправления – герба, дарованного Костроме Екатериной Великой в мае 1767 г.





## СЛАВА И ЧЕСТЬ «МЕЛЬНИКУ»!



### 1.

Масленичными днями 1763 года в Москве разыгрывался маскарад «Торжествующая Минерва», подобно которому Первопрестольная испокон веков не видывала. Участвовало в том праздничном шествии четыре тысячи московских обитателей. Каждый - в маскарадном костюме, шитом на казённый счёт.

Многочисленная публика дивилась представляемым образам, заимствованным из мировой истории, античной мифологии, итальянской комедии масок. Но наибольшее любопытство вызывали сатирические персонажи привычной русской жизни: ябеды, крючоктворцы, мздоимцы, пьяницы, обжоры и многие иные, такие родные и близкие. Перед каждой повозкой или каретой, на которых восседали пёстро разодетые люди, шли хоры и музыканты, громко распевающие весёлые и забавные песни. Огромные исполины и удивительные карлы были тут же, потешая публику уморительными выходками. И всё это, по свидетельству очевидцев, было так хорошо, великолепно и богато украшено, а все песни пелись такими приятными голосами, «что не иначе, как с крайним удовольствием на всё смотреть было можно». Один из «благороднейших дворян» того времени Андрей Болотов так объяснял смысл театрального представления: «Маскарад сей имел собственную целию своею осмеяние всех обыкновеннейших между людьми пороков... почему и назван был «Торжествующею Минервою».

Завершалось шествие величественной картиной «золотого века», торжеством победившей людские пороки богини Минервы, под которой подразумевалась Екатерина Вторая, ибо невиданное зрелище являлось финальным аккордом празднеств, посвященных коронации Екатерины Алексеевны. Красочной процессией, великим стечением народа, заполонившего улицы, императрица осталась довольна.

Представление «Торжествующая Минерва» было примечательно не только грандиозностью, богатством, роскошью, но и тем, что непосредственное касательство к нему имели три творческие натуры, каких без преувеличения можно назвать костромичами-земляками, поскольку они оказались связанными с этим древним краем.

«Изобретение и распоряжение маскарада», как значилось в либретто, принадлежало костромичу, основателю и первому актёру Российского театра Фёдору Волкову, для которого празднества стали роковыми. На них Фёдор



Григорьевич простудился, а два месяца спустя после коронации, 4 апреля 1763 года, умер тридцати четырёх лет от роду.

*«Расстался Волков наш со мною и с тобою,  
И с музами навек; воззри на гроб его:  
Оплачь, оплачь со мной ты друга своего,  
Которого, как нас, потомство не забудет», -*

писал в элегии на смерть Волкова известный писатель и драматург того времени, первый директор Российского театра Александр Петрович Сумароков.

Он также присутствовал на торжестве как автор «описательных стихов», осмеивая всяких пакостников, «рассеивающих семена крапивные». Сам Александр Петрович на костромской земле не жил, но часто навещался в усадьбу Спас-Пенья Галичского уезда, принадлежавшую роду Сумароковых, и где в один из таких приездов в 1742 году стал крестным Саше Аблесимова, будущего автора одной из первых русских комических опер «Мельник - колдун, обманщик и сват». Среди празднично глядевших на эту развесёлую карнавальную церемонию находился и он сам - двадцатилетний сержант Александр Аблесимов, отпросившийся со службы ради такого случая. Он хотел было повидаться с Сумароковым, высказать свой душевный восторг и очарование «Торжествующей Минервой», да постеснялся тревожить славного поэта по пустякам. К тому же остерегался услышать от него острое словцо в свой адрес, на какие Александр Петрович был изрядный мастак. А уж подступить к Фёдору Григорьевичу Волкову и помыслить не мог. Волков, увлечённый желанием как можно добросовестнее выполнить задуманное им действие, без устали мотался верхом по улицам, следя за точностью исполнения многолюдного шествия. А ежели признаться откровенно, Аблесимову только скромность мешала к ним обратиться, потому что и Волков и Сумароков знали Сашу достаточно, одобряли его театролюбие, охотно позволяли юноше участвовать в спектаклях статистом, а когда не был занят в постановках, то определяли на должность суфлёра.

Эта неизъяснимая страсть к лицедейству, как и к сочинительству, заворочила Александра в далёкие детские и юношеские лета на галичской земле, где он родился, рос, мужал, открывал для себя невероятно очаровательный, но такой непростой, неласковый, временами даже враждебный мир. Четырнадцать лет жизни, проведённых в затерянной в костромских лесах глухой деревеньке, оставили в его сердце печать глубокую, будто тавром калёную мету. Уж кто-кто, а Саша Аблесимов знал, как солон крестьянский пот и как подчас горек хлебушек. Как нестерпимо жгучи кровавые мозоли на руках, и как сладостен глоток родниковой воды в знойный июльский полдень. Но знал он и другое:





упоительную красоту и обаяние девичьих хороводов, удалое безрассудство и забубённое бахвальство первых парней на селе, брызжущие двусмысленным, с солоноватым привкусом, задором частушки-прибаутки, завораживающие сердце кристально чистые и просветлённые народные мелодии.

Сын бедных, но «благородных» родителей, с малых лет предоставленный самому себе, он целыми днями пропадал, где душеньке угодно: либо в лесу, либо со знакомым пастухом Пахомом приглядывал за деревенским стадом, а пуще того любил бывать на старой мельнице, наблюдая, как огромный столб воды низвергается с деревянного жёлоба на лопасти неуклюжего колеса, медленно, но безостановочно вращая его. И днём, и ночью. Водяные брызги играли нескончаемой сказочной радугой, а суровый, неразговорчивый мельник Фаддей, от самого затылка до пяток запорошенный мучной пылью, как снегом, ловко подхватывал за гузырь мешок с зерном, взваливал на могучие плечи, потом с каким-то лихим азартом высыпал его в бездонную мельничную утробу, приговаривая: «Чудеса ты всё творишь, как рублём меня даришь». Пройдут годы, Саша Аблесимов вспомнит слова эти и вставит в свой опус про мельника Фаддея, именовавшегося добросердечными земляками совсем даже незлобивым словом - колдун.

Но это будет потом, а в отрочестве мечтал Саша получить «правильное образование», познать грамоту, арифметику и прочие мудрёные науки. Однако, нужда заставила поступить на службу копиистом в геральдическую канцелярию лейб-компании, находившуюся в Санкт-Петербурге.

## 2.

Видно, так было угодно Всевышнему, что случай свёл двух земляков во второй раз в жизни - безвестного копииста Аблесимова и сиятельного графа, достославного поэта и драматурга, сподвижника Фёдора Волкова Александра Петровича Сумарокова. Ещё покидая отчий кров, Саша положил на дно сундучка письмо батюшки с наказами, как вести себя в столице. Среди прочих наставлений родитель советовал сыну навестить своего давнего знакомого, графа Сумарокова. «Александррушко, - напоминалось в том письме, - он ведь приезжал ко мне к твоему рождению, крестить тебя соизволил. Напомни ему смиренно, что роды Сумароковых и Аблесимовых - издревле костромские и что прабабушка его доводится двоюродной тётушкой моей матушки».

Робкий крестник, вымахавший с коломенскую версту, и в кошмарном сне не мог представить себе такой визит к человеку известному, прославленному, кумиру его собственных грёз и мечтаний, кабы не печальный казус, принудивший Сашу Аблесимова преодолеть врождённую стеснительность и воспользоваться советом батюшки. А казус вышел следующий.



Копиист Аблесимов, размножая до одури надоевшие конторские бумаги, отводил душу тайной перепиской стихов. Особенно восхищали сочинения Ломоносова, Третьяковского, Хераскова. О Сумарокове и говорить нечего. Спрячет в стол заранее заветные вирши, а как только начальник отлучится, списывает понравившиеся ему стихотворные строки, делая вид, что переписывает циркуляр. За таким непотребным занятием его и застал однажды начальник. В тот самый момент, когда Саша каллиграфическим почерком переписывал басню Сумарокова «Жуки и пчёлы». К тому же слова зело опасные, дышащие крамолой: «Они работают, а вы их труд ядите».

Тогдашние порядки были строги и суровы, поэтому неизвестно, как бы обернулось дело для проштрафившегося копииста, - ладно бы в «холодную» посадили, а мог и в арестантскую роту загреметь как миленький, - кабы не вспомнил он о родительском письме.

Сумароков принял дальнего родственника тепло и сердечно, от души посмеялся над случившимся. Как заметил Аблесимов, Александру Петровичу весьма льстило, что именно его сочинение тот переписывал тайно. Он даже попытался успокоить растерянного крестника: «Немочка, - сказал супруге своей, - полюбуйся на детину галицкого! Такого молодца да в арестантскую роту упрятать? А мы возьмём да порадеем за сынка чернильного...»

По ходатайству Сумарокова решением Правительственного Сената от 7 ноября 1756 года «находившийся не у дел при геральдии копиист Александр Аблесимов» определялся в учреждённый Русский театр. Выполняя обязанности секретаря Сумарокова, Аблесимов не только набело переписывал его произведения, но и сам стал проявлять интерес к писанию стихов и басен, драматических опусов, подражая кумиру. Александр Петрович нередко посмеивался над своим подражателем, но отдавал тому и должную справедливость, говоря жене:

- Немочка, знаешь ли ты, что и в чернильном сынке моём Онисимовиче толк будет. Глянь-ка на него: неужто подле трагика он не станет комиком? - и сокрушался шутивно, - жаль одного только, что он не достиг ещё вкуса к водке, а ведь без водки напиши-ко что получше.

Покровительствуя Аблесимову, Сумароков в своём журнале «Трудолюбивая пчела» печатает первые произведения молодого автора: шутивное стихотворение «Подьячий здесь зарыт», несколько эпиграмм, элегию «Сокрылись мои дрожайшие утехи». Элегия, как тому и положено быть, переполнена стенаниями и страданиями лирического героя по причине того, что он «навек с любезною расстался». Но среди безбрежных роковых страстей, смятений, «плачевных очей», «стона духа», «мрака печальной ночи» мелькнёт вдруг ослепительной зарницей мысль тревожная, обеспокоенная будущим: «Какой подвержена ты, жизнь моя, судьбине!»



## 3.

«Судьбина» не стала благосклонной к Александру Онисимовичу, не позволяла засиживаться на одном месте, бросала, что называется, из огня да в полымя.

– Батюшка, - сказал однажды Аблесимов Сумарокову, - долго ли мне у вас жить даром? Соседи надо мной смеются, что я не служу. Отдай меня в военный корпус.

Александр Петрович подивился такой просьбе, призвал на помощь Немочку:

– Онисимыч сбесился. Похлепать солдатских щей ему на ум взбрело.

– Батюшка, - стоял на своём Онисимыч. - Не ты ли поучал меня: любовь к Отечеству есть первая добродетель? Не твой ли звучный стих слышим мы со сцены: «Прими оружие, се долг тебя зовёт, и слава на полях тебя с победой ждёт»?

Видя твёрдую решимость Аблесимова сменить спокойную жизнь секретаря на нелёгкие походные будни, Сумароков не стал перечить его желанию. Даже снабдил рекомендательным письмом к своему приятелю, генерал-майору Николаю Сухотину с поэтической припиской:

*Сухотин мой, Сухотин!  
По душе ты мне один,  
Пречестнейший господин.  
Сухотин наш Сухотин –  
Белая рубашка,  
Аблесимов Сашка  
Мастер пуншевой,  
Не криви душой  
Не сыти сытой...-*

то бишь, не пей сыту - воду, подслащённую мёдом, мол, пунш у Сашки Аблесимова более пользителен.

В 1758-м Александр Онисимович начинает действительную военную службу солдатом по артиллерии. С 1760-го по 1762-й участвует в Семилетней войне, пройдя трудный путь до Франкфурта-на-Одере. В полку прослыл человеком простым, честным, душевно отзывчивым. Благодаря этим качествам в 1766-м Аблесимов избирается от своего полка делегатом в Комиссию по составлению «Нового уложения», созданную по повелению Екатерины II, пожелавшей «сове-



товаться с представителями нации» при подготовке нового российского законодательства.

Участие в работе Комиссии, общение с Василием Майковым, Михаилом Поповым, Дмитрием Фонвизиным, Николаем Новиковым определили дальнейший литературный путь Аблесимова. Он начинает сотрудничать в журнале Новикова «Трутень», пробует силы в драматургии. К сожалению, первые его пьесы на театральные подмостки «пробиться» не смогли, в печати не появлялись, их тексты до нас не дошли. Доподлинно известно лишь, что они имели широкое хождение в списках, и жизненные прототипы, узнававшие себя в героях пьес, немало попортили крови их автору. Через десятки лет в «Репертуаре театра на 1841 год» отмечалось: «Этими пиесами наш комик, как говорят, нажил сильнейших врагов себе и предпочтительно врагов-подьячих, в которых были самые верные копии в его комедии «Подьяческая пирушка».

Равнодушие театров, неправо обвинение «сильнейших врагов», невозможность прокормиться заработком поэта-стихотворца заставили Александра Онисимовича в 1770-м вновь возвратиться на военную службу.

Он участвует в походах против турок в Грузии, блокаде крепости Поты, после чего, в 1772-м выходит в отставку в чине капитана, поселяется в Москве и определяется на службу под начало обер-полицмейстера Николая Петровича Архарова. Архаров, как и его брат Иван Петрович, к бедному офицеру-баснописцу относился уважительно, оказывая всяческую поддержку. Но многие смотрели на него только как на умельца чисто писать и, по обычаю того времени, называли в насмешку ПИИТОМ.

Каково же было их удивление, когда осенью 1772-го по Москве поползли слухи, будто бы Сашка Аблесимов, служащий в управе городской полиции, скропал какую-то оперу под названием «Мельник - колдун, обманщик и сват» и даже готовит её к представлению на театре. Завистники тут же прозвали новоявленного драматурга «полицейским Сумароковым».

Николай Петрович Архаров, желая прекратить сплетни и насмешки, жертвой которых становился Александр Онисимович, затребовал злополучную пьесу для личного ознакомления. «Мельник...» отцу-командиру понравился, тем не менее он счёл своим долгом сделать подчинённому внушение:

– Поберегись, Александр. Спешу, брат, писать медленно. Публика - дело большое: богата она хвалою, вдвое того - хулою. Боюсь я за тебя.

На что Аблесимов ответил:

– Нет, мой «Мельник» не умрёт!



## 4.

Служа в полиции, видя людскую нищету, убогость и униженность, обман и продажность, Александр Онисимович задумывает создать произведение, которое обнимало бы собою всё, доселе им написанное. Грезилась ему величайшая сатира, равная по масштабу виденной в 1763 году «Торжествующей Минерве». С финалом негромким, раздумчивым, сердце щемящим, но никак не величавым песнопением во славу императрицы Екатерины Великой:

*Блаженны времена настали,  
И истины лучём Россию облистали!  
Подсолнечно, внемли!  
Блаженство на земли!..  
Настал для Россов золотой желанный век;  
И все струи Российских рек,  
Во удивление соседям,  
Млеко текут и медом.*

Между тем случилось необычайное. Вместо мрачных, безрадостных картин, вместо «протокольного реализма» неожиданно для самого автора явился на свет весёлый, занимательный, исполненный чисто русской беспечности водевиль, подобно которому не было в литературе той поры как по выбору сюжета, так и лёгкости исполнения. То был один из первых русских водевилей, свидетелем первоначального успеха которого стал дом обер-полицмейстера Архарова.

После того пришлось ждать долгих семь лет, прежде чем 20 января 1779 года комическая опера «Мельник - колдун, обманщик и сват», музыкальные номера которой обработал театральный скрипач и дирижёр М.С. Соколовский, была представлена в Москве в театре Медокса и имела успех, необычайный для русской сцены, принеся её автору шумную славу. Такого успеха Аблесимов сам не ожидал, как, впрочем, и многие, знавшие Александра. «Да ты ли это, Онисимыч?» - спрашивали с удивлением. «Я-с», - скромно отвечал он.

По свидетельству современников Аблесимова, «сия пьеса столько возбудила внимания от публики, что много раз сряду была играна, и завсегда театр наполнялся; а потом в Санкт-Петербурге была представлена много раз у двора и в случившемся на тогдашнее время вольном театре у содержателя г. Книппера была играна сряду двадцать семь раз: не только от национальных слушана была с удовольствием, но и иностранцы любопытствовали довольно».

«Мельник» привлёк внимание зрителей самобытными, подлинно народными характерами. Вместо слащавой «пастушечьей драмы с музыкой», где русские пар-



ни и девушки превращались в завитых и напудренных Медоров, Розанов, Любимов, где шаловливые пейзажи выют венки из роз для своих воздыхателей, на сцене во всей неприглядности и естественности появились крестьянин Анкудин, его жена Фетинья, их дочь Аня, жених Ани Филимон, мельник Фаддей, одурачивающий Анкудина и Фетинью, помогающий Ане выйти замуж за желанного.

Аблесимов представляет крестьянскую жизнь, как человек, уважающий её нравственные особенности. Молодая Аня воплощает покорность, любовь и застенчивость, не чужды ей и предрассудки с суевериями, какими живут окружающие её соседи. И невольно рождается горечь и сожаление, что такое природное богатство, не замеченное и не оценённое по достоинству, пропадает в русской женщине бесцельно.

Совсем иного толка мельник Фаддей. Слышущий в народе колдуном, он на самом деле является старым плутом и весельчаком-балагуром, ловко обдывающим свои делишки, поддерживая в народе мнение о своём колдовстве. Что, в общем-то, и составляет его главный заработок. Он от души потешается над темнотой крестьянской, необразованностью: «Говорят, будто мельница без колдуна стоять не может, а уж-де мельник всякий не прост: они-де знают с домовыми... Ха! ха! ха!.. Какой сумбур мелют? А я, кажется, сам коренной мельник: родился, вырос – и состарился на мельнице, а ни одного домового сроду в глаза не видывал. А коли молвить матку-правду, то кто смышлён и горазд обманывать, так вот всё и колдовство тут... Да пускай что хотят они, то и бредят, а мы наживаем этим ремеслом себе хлеб».

Вот так и получается: мельница мелет муку, а язык Фаддея - та же мельница: мелет всякий вздор и сеет в людях славу о его ворожбе.

## 5.

Комедия Аблесимова хотя и откровенно завиральная, и крепким словом сдобренная, и прямодушного народного говора не стесняется, а вот поди ж ты, воспринимается лирически-напевной, удивительно целомудренной. О том ещё в начале XIX столетия поэт и переводчик А.Ф. Мерзляков обмолвился: «В «Мельнике», - говорил он, - нет ни одного слова подлого, нет ни одной двусмысленности, от которой бы могла покраснеть невинность, или вообще благородно воспитанная женщина».

В комической опере, как тому и положено быть, достаточно арий и песен с указаниями Александра Онисимовича, на мотивы каких мелодий они исполняются. И прежде всего - родившихся на костромской земле: «Кабы знала, кабы ведала, мой свет», «Вы, реченьки-реченьки», «Земляничка-ягодка», «Как вечер у нас с полуночи» ...



Обращение к крестьянской жизни, к комическим приёмам фарсового театра сделало «Мельника» центром борьбы за народность русской литературы. Если демократически настроенные писатели одобряли новаторство Аблесимова, то их противники осуждали автора за грубость языка, простонародье, отступление от общепринятых канонов зарубежного водевиля. Скоро после премьеры поэт и драматург В.В. Капнист печатает «Сатиру первую», в которой Аблесимов, названный «Обвесимовым» включается им в «Ослиный собор» поэтов, брэнчавших в своих стихах «без смысла».

В 1781-м в журнале «Российская библиография» появляется «Ода похвальная автору «Мельника». То была пародия на комическую оперу и начиналась словами:

*Подай мне, муза, балалайку,  
Хочу я оду отодрать,  
И в стихотворческую шайку  
Себя намерен записать...*

Вопреки предсказаниям сочинителя «Похвальной оды», опера Аблесимова получила поистине всенародное признание. Её знали все от Петербурга до Камчатки, общий голос публики был на её стороне, а, как известно, «общий голос публики есть священный голос самой Природы».

«Вполне народным писателем» называл Аблесимова А.Н. Островский. «В нём, - по мнению Александра Николаевича, - едва ли не более, чем у всех того времени авторов, заметно стремление к изображению действительного мира. Он не виноват, что в его время не было ещё той формы истинного согласия с нашей народностью, коего он мог бы вполне художественно облечь своё талантливое произведение».

## 6.

Волею случая Александр Аблесимов, сам того не ведая, стал негласным соперником-драматургом Екатерины Великой и костромского князя Дмитрия Петровича Горчакова. Из-под пера её императорского величества вышло тридцать пьес, из коих до нас дошло двадцать три. Это исторические, аллегорические, а прежде всего комические оперы и комедии, каким матушка Екатерина отдавала предпочтение. О том напоминала и надпись на занавесе Эрмитажного театра, гласившая: «*Ridendo castigat mores*», что значит: «Смехом исправляют нравы».



Первая комедия Екатерины «О, время!», написанная в 1772 году, как и «Мельник» Аблесимова, в столе не залежалась, тут же увидела свет рампы, «много раз была играна и принята публикою с отменным удовольствием». После того появилась «Невеста-невидимка», «Именины г-жи Ворчалкиной», «Федул с детьми», многие другие. Хоть и написаны они более двух столетий назад, в них и сегодня угадываются знакомые жизненные заботы и волнения, страсти и греховные соблазны, какими беспокоились наши далёкие пращурь. И ныне очень даже понимаем мы слова служанки Марфы из комедии «О, время!», ворчавшей в далёкую седую старину: «Вот так наш век и проходит! Всех осуждаем, всех пересмеваем и злословим, а того не видим, что и смеха и осуждения сами достойны. Когда предубеждения заступают в нас собственные пороки, а явны только погрешности чужие: видим мы сучок в глазу ближнего, а в своём собственном - и бревна не видим».

Пьесы Екатерины II, как и произведения князя Горчакова, ставились, в основном, на сцене придворного театра. Современники чувствовали разительное отличие их героев от героев Аблесимова, искусственность драматических сюжетов, стремление служить «исключительно развлекательным целям».

О художественных достоинствах таких пьес говорит и их влияние на актёрские судьбы. Если в истории российского сценического искусства среди исполнителей опер Екатерины и князя Горчакова трудно вспомнить хотя бы одно актёрское имя, откликнувшееся на такое представление с душевным восторгом, то «Мельник» восторгал многих, определил творческий путь не одного актёрского поколения. В воспоминаниях о замечательной актрисе тех лет А.А. Померанцевой читаем: «Мельник» может похвастаться единственным на Русском и даже на всех театрах, - доставил Померанцевой в роли Фетиньи новый случай оказать свои дарования. Она прекрасно играла русскую крестьянку. Ухватка, наречие, даже взгляды - всё было верно и точно».

Оперу Аблесимова ставили не только в России. Видывал его и Париж. «Мельником» в 1789-м открылся первый театр в Харькове. Украинский писатель Г.Ф. Квитко /Грицько Основьяненко/ свидетельствует, что опера выдержала несколько представлений подряд и тем «умножила значительно театральную кассу, театр ломился от множества зрителей... рукоплескания не умолкали, кошельки с червонцами и рублёвками летели на сцену то справа, то слева...»

## 7.

«Мельник» стал единственным произведением, прославившим Аблесимова. Написанная в 1779-м комическая опера «Счастье по жребию», основу которой составили сцены из крестьянской и солдатской жизни, прошла без особого





успеха, как и постановка драматического диалога «Странники», написанного им по заданию театральной дирекции к открытию нового Петровского театра. В диалоге действовали аллегорические персонажи, взятые из античной мифологии: Аполлон, Меркурий, муза Талия, Сатир и прочие, музыка носила чисто иллюстративный характер. Состоявшаяся 7 июня 1782 года премьера комической оперы «Поход с неприменных квартир» обратила внимание автора «Драматического словаря», отмечавшего: «Представлена была много раз на Московском театре. Она пьеса довольно хорошо принята публикою. Г-н сочинитель показал в оной пьесе подробно все солдатские нужды так, как искусившийся в этой части».

Помимо драматургической деятельности, Александр Онисимович в 1781 году, при материальной поддержке Н.И. Новикова, начал издавать журнал «Разкащик забавных басен, служащих к чтению в скучное время, или Кому когда делать нечего». Все материалы для журнала писал в основном сам. Темой сатирических сказок в стихах и прозаических рассказов стала борьба со взяточничеством, этика семейных отношений, воспоминания о том, как «В прошедши времена побольше с Правдой жили и ей служили, а ныне «Во лжи узнали смак. За Правду умереть готов лишь был дурак».

Однако «забавные басни» воспринимались не такими уж забавными. С первых номеров «Разкащик» нажил врагов, советовавших Аблесимову в «увещательных письмах» быть поосторожнее: «Слыханное ли дело писать такие бредни, как бишь это называется по-вашему? - сатирические шутки. Они, вправду сказать, затейные, да уж многим солоны становятся, так не прогневайся, господин Разкащик, за это тебя так-то хлещут, что ты и в разум себе взять не можешь, а эдакие разказы всех пуще приказным так глаза и колют... Мы сообщаем и советуем тебе от этих разказов уняться - а то быть худу».

Граф А.П. Шувалов признавался Аблесимову откровенно:

– Я очень понимаю, что ты надоел нашим ученым. Ты измучил их твоими баснями. Притом, они же говорят, ты не ЛАТИНИСТ, а без латыни, по их приговору, всякое дарование ничто.

Незавидное общественное и материальное положение Аблесимова предрекло журналу скорый конец. В одном из последних номеров Александр Онисимович, прощаясь с читателями, сетовал: «Будучи обязан должностью, угнетен неимуществом, чувствуя болезни от понесенных трудов за ОТЕЧЕСТВО, то и пишу свои стихи не с такими мыслями, с какими бы я писать желал».

Женитьба, рождение дочери, грошовое жалование делали его жизнь все более несносной. А тут еще наветы и проклятия откровенных недругов: «Провались он!..Отсохнуть бы его языку!..»



В 1783-м Александр Онисимович умолк навек. Умер в крайней нищете, оставив любимой дочери единственный стол, за которым писал свои сочинения. Сорок лет с небольшим - таков его жизненный путь.

«Этот Аблесимов был один из немногих русских писателей, которые вполне понимали характер своего народа и сильно содействовали его развлечению», - писал московский корреспондент немецкого театрального журнала после его смерти.

По прошествии короткого времени могила «вполне народного писателя» затерялась и забылась.

## 8.

Журнал «Театр и искусство», вспоминая в 1898 году «первого русского водевилиста», печалился, что Аблесимов занимает в нашей литературе очень скромное, почти незаметное место по причине того, что оказался в весьма невыгодном для себя соседстве между «раздутым, напыщенным Сумароковым» с одной стороны и Фонвизиним - с другой. Потому-то, отмечал автор журнала, «его застенчивая, привлекательная личность до сих пор мало знакома многим, и слава его померкла так скоро».

Согласиться с таким утверждением, право слово, как-то не торопишься. И Сумароков, и Фонвизин не такие уж частые гости на театральных сценах, хотя имидж их драматических творений, да и личностей, воспринимался в обществе с придыханием. А вот «Мельник» Аблесимова с первых дней рождения «без всякого ходатайства, стараний, без похвальных стихов и речей сумел восторжествовать над временем и нами и привязал навсегда наше к себе доброе мнение».

С 1782 по 1805 комическая опера представлялась в Москве 52 раза, на сцене театров Петербурга удержалась до 1834-го, да и потом возобновлялась неоднократно. О провинциальных театрах и говорить не приходится. Еще до основания Костромского драматического театра в 1808 году водевиль Аблесимова разыгрывался крепостными театрами, получившими широкое распространение в губернии во второй половине XVII века. Театр костромского помещика А.А. Кологривова; «благородный театр» в Галиче, основанный родственником Лермонтовых А.П. Петровым в 1846-м; театры князя А.И. Вяземского в селе Пречистенском Галичского уезда, Н.Ф. Катенина в селе Занине, П.А. Семичева в селе Введенском, В.Е. Обрезкова в селе Панежском Чухломского уезда - многие другие часто играли «Мельника», в котором крепостные актеры представляли своих земляков.



В 1807-м в Костроме на улице Ивановской чиновник Михаил Анисимов в сотовариществе с дворецким госпожи Колычевой Николаем Туркиным устроили «особенный театр», на котором игрались трагедии и оперы, в частности комическая опера Аблесимова. Роль мельника Фаддея удачно исполнил сам Михаил Анисимов.

В 1813 году «Мельник» представлялся в Костроме силами местной труппы и актерами Московского императорского театра, находившегося здесь в эвакуации во время пребывания наполеоновских войск в Москве. Роль Анюты исполняла актриса этого театра Аграфена Тимофеевна Сабурова, родившаяся на костромской земле в 1795-м и прошедшая воспитание в Санкт-Петербургском императорском театре. После того «Мельник» неоднократно появлялся в репертуаре Костромского театра. Последний раз - в 1915-м.

Видели костромские зрители и «Мельника» украинского. В 1914-м он был в гастрольной афише Русско-малороссийского опереточного товарищества под руководством С. Моторного.

В наше время «Мельник» с успехом идет в Москве на Малой Бронной и в Камерном театре старинной музыки «Ладъ», в Русском драматическом театре Литвы, в театре Старинной оперы Петербурга и других.

Сегодня, в начале XXI века слышим мы голоса публики, доносящиеся из минувших веков: «Да здравствует «Мельник»! Слава и честь колдуну-мельнику!..»

Слышим, понимаем и присоединяемся к ним, добавляя от себя: слава и честь Александру Онисимовичу Аблесимову, создателю этого прекрасного на родного водевиля!





## НЕДОСТОВЕРНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ



Двести лет тому назад в селе Громилово Белозерского уезда Новгородской губернии проживал небогатый помещик Старожилов, сочувствующий идеям социалиста-утописта Томаса Мора, сочинение которого «Золотая и не менее спасительная книга о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия», являлась для него настольной книгой.

Сосед Старожилова Булатов был сподвижником Александра Васильевича Суворова, а потому его больше всего интересовали «ратные дела». Он организовал в Громилово военную дружину из молодёжи и суворовских «чудо-богатырей». С ними изучал книгу генералиссимуса «Наука побеждать», совершал походы, проводил военные упражнения и игры. Тем не менее, войну он считал чуждой природе человека, и, оправдывая своё увлечение ратными делами, говорил Старожилову: «Я, как и ты, нередко мысленно переносюсь на остров Утопию и люблюсь тамошними благоумными и миролюбивыми гражданами. Но рядом с нами не Утопия, а коварный Наполеон... Посему сейчас должны нам быть одинаково любезны и соха, и меч...»

В мае 1810 года исполнялось десять лет со дня смерти Суворова. Булатов стал думать, как бы её отметить и решил поставить в селе монумент генералиссимусу. С этой идеей пошёл к Старожилову, но тот инициативу соседа не поддержал. «Генералиссимусу уже воздвигнут памятник в Санкт-Петербурге. Опоздали мы! Ну, ничего! У меня есть другая дума... Ты мне рассказывал когда-то про бесстрашного костромского поселянина Ивана Сусанина, замученного иноземными врагами...» Булатов перебил его: «К чему ты ведёшь речь? Я о памятнике Суворову, а ты мне о Сусанине! Что-то не пойму я».

«Не торопись, сосед! – пояснил Старожилов. – Не всегда же нужны суворовские быстрота и натиск. Сусанин - герой, он заслужил славы и почестей, но до сего времени пребывал в неизвестности. Воздвигнуть бы нам в Громилове скромный памятник Сусанину, герою-крестьянину, землепашцу-воину. Своим подвигом он показал, что от сохи к суворовскому булату один шаг. Этим мы почтим память незабвенного генералиссимуса и, наиглавнее того, воздадим должное не только герою-крестьянину, но и всем нашим крестьянам за их труды и ратные подвиги. Не одним же царям и полководцам следует ставить монументы!»

Доводы соседа убедили Булатова. С ними согласились и другие селяне. Памятник решили соорудить своими силами из цельного камня: высечь на нём с одной



стороны орудия сельскохозяйственного труда, а с другой – воинские атрибуты. Уездный землемер взялся сделать рисунок памятника, а высекать его поручили своим умельцам-крестьянам, работавшим в Петербурге каменотёсами и гранильщиками. Огромную глыбу известняка нашли неподалёку. Но когда стали наносить на неё контуры памятника, оказалось, что размеры камня недостаточны. Пришлось высекать только предметы сельскохозяйственного обихода.

Тяжёлый и упорный труд над изготовлением памятника продолжался несколько месяцев. Весной, когда земля очистилась от снега и подсохла, на каменистом пригорке громиловского кладбища уложили фундамент из плит, на который установили куб с надписями. На одной стороне было высечено: «Верность русских крестьян», на другой – описание того, как в 1613 год для спасения отечества отдал свою жизнь крестьянин села Домнино Иван Сусанин. На куб «всем миром» установили верхнюю часть монумента – четырёхгранную пирамиду с эмблемами орудий сельского хозяйства.

То был первый памятник патриоту земли русской, установленный за сорок лет до того, как в Костроме воздвигли монумент нашему земляку. Сусанинский краевед Белоцерковский, много сил отдавший установлению этого малоизвестного эпизода, также выяснил, что громиловские крестьяне вместе с помещиками «общими силами радостно и от всего сердца трудились над памятником верному и доброму крестьянину Ивану Сусанину». Открытие уникального сооружения приурочили к началу весенних работ.

Это торжество совпало с десятой годовщиной со дня смерти великого полководца Александра Васильевича Суворова.

Правда, коллеги Белоцерковского категорически отрицают подобный факт, и всё же напомнить о нём следует. Ибо родился он не на пустом месте и красноречивее многих слов говорит о сердечной привязанности не только костромичей, но и всего народа нашего к подвигу героя-крестьянина Ивана Сусанина.



**ДА, БЫЛИ ЛЮДИ В НАШЕ ВРЕМЯ...**

*Во двенадцатом году  
Объявил француз войну  
На Россиюшку на всю,  
На матушку на Москву.*

Как только неприятельские войска в июне 1812 года перешли границу Российской империи, началось массовое переселение жителей западных городов и Москвы в приволжские края. По этому поводу родной дядя Александра Сергеевича Пушкина Василий Львович Пушкин написал оду, начинающуюся словами: «Примите нас под свой покров, о, волжских жители берегов». В те дни из Первопрестольной в Кострому был переведён императорский театр и его школа, из Смоленска – губернатор Ушаков с канцелярией, воспитательный дом, кадетский корпус и архивы Смоленской губернии. Более трехсот известных фамилий из разных мест приютила Кострома, среди которых сестра Александра Васильевича Суворова Анна Васильевна Горчакова, князья Трубецкие, Щарбатовы, Аленины, Ступишины и многие другие. Как отмечал историк Костромы: «Освоенного примечания достойно, что при попечении правительства и христианском соболезновании к ближнему костромских жителей, в столь смутное время, могущее возбудить жадность к обогащению, цены ни на какие жизненные потребности... не возвысились».

С первых дней Отечественной войны в городе начался сбор средств на военные нужды. Общие поступления составили 1 571 746 рублей 51 копейку. В ответ на манифест Александра I, в котором выражалась уверенность, что в каждом дворянине враг встретит князя Дмитрия Пожарского, а в каждом гражданине - Кузьму Минина, начали образовываться полки народного ополчения. Около десяти тысяч костромичей-добровольцев в составе других русских соединений сражались с неприятелем.

Они выступили в поход в середине декабря и, преодолев расстояние более чем в тысячу вёрст, вместе с рязанскими и симбирскими ополченцами блокировали крепость Глогау. Холодной сентябрьской ночью 1813 года первая бригада Костромского ополчения перешла разлившийся от дождей Одер и заняла господствующую над крепостью высоту. Утром неприятель с удивлением и страхом увидел, что над их головами расположена русская батарея.

После сдачи крепости Глогау французы сознавались, что они и подумать не могли, будто перед ними народное ополчение. Они приняли его за переодетых солдат регулярной армии, действовавших храбро, грамотно и искусно. А пото-



му во время сдачи крепости побежденные явно хотели показать, что сдаются не пруссакам, воевавшим на стороне России, а русским. Когда первый французский батальон намеревался сложить оружие перед прусской пехотой, батальонный командир крикнул нет: «Вперёд!» и, только поравнявшись с русскими, командовал: «Пардон!»

А в это время в Костроме прозвучало слово, сказанное протоиереем Арсеньевым по случаю избавления Москвы от неприятеля и одержанными над ним победами. В том слове говорилось: «Да будет мир во градах и сёлах, мир во храмах и святителях правосудия, мир между начальниками и подчинёнными, между друзьями и сродниками, мир между женою и мужем, мир между детьми и родителями! Сей мир приблизит нас к Богу, разрушит все коварства и сети вражды и живущим нам на земле доставит небесное блаженство».

1 февраля 1815 года в Кострому вернулся первый полк ополченцев. Встретили его на реке Костроме при огромном стечении народа. Духовенство отслужило благодарственный молебен, после чего солдат угощали обедом в Гостином дворе, а жители города присутствовали при этом, расположились на особо устроенных местах в галереях. Каждому ополченцу дворянство выдало по одному рублю на человека.

20 февраля вернулся второй полк ополчения, 22 апреля последний – конный.

В те годы в Костроме проживало немало французских пленников. Как вспоминают очевидцы, многие из находившихся здесь пленников солдат являлись отменными мастерами: каретниками, садовниками, портными, сапожниками. Костромские помещики и купечество с дозволения правительства охотно брали их к себе в услужение. Пленных за их труды кормили, одевали, платили жалованье, чем те были весьма довольны.

Но не всем выпадала такая милостивая участь. Из народных преданий о бесславном походе французских завоевателей на Россию можно узнать, что «Недалеко от села Карабанова Костромского уезда Гридинской волости есть ольховые кусты, которые носят название «французы»... Говорят что во время Отечественной войны через Карабаново проходили французы, и так как в это время вследствие большой стужи среди них была большая смертность, то многие умирали, и здесь их хоронили. Французы эти, вероятно, были пленными и их гнали по этапу».

Сохранился в памяти народной и такой невероятный случай, произошедший то ли в Костроме, а может в каком ином волжском городе. В 1813 году зима выдалась лютая, бедная, голодная. Пленный французский полковник всё хрипел:



– Русские, кончаются ваши силы. Бонапарт соберёт весной новую армию и одолеет вас.

На что один из местных обывателей хитровато ответил:

– Мы не боимся Бонапарта: у нас ещё медведи есть. Сформируем из них полк.

И тогда окрестные медвежатники будто бы получили неожиданный приказ: за неделю обучить своих медведей ходить в строю и выполнять команды «на́ руку» и «на́ плечо».

А на первый день масленичной недели для пленных французов устроили парад медвежатников со своими дрессированными медведями. Было их числом около тысячи.

Выстроились генералы Топтыгины в ряд и вместе с вожатыми пошли по главной улице на центральную площадь. А как вышли на площадь, раздалась команда «на́ плечо!» – и медведи подняли специально изготовленные для этого случая деревянные ружья. Когда скомандовали: «На́ руку!» – они опустили ружья, как будто переходят в атаку.

Немало дивились французы такому медвежьему параду. А самый огромный медведь, как только поравнялся с полковником, что недавно надеялся на новую армию Бонапарта, так рявкнул на него, тот аж пенсне уронил.

После того пленённые французские воины писали домой: «Здесь, в России, против нас медведей на войну готовят. Скоро они на фронт пойдут. Потому на Россию нам идти воевать больше нечего».

Ветераны же Отечественной войны 1812 года еще долго потом вспоминали ратные дела, Бородино, заграничные походы, и песню, неведомо кем сложенную:

*А Кутузов генерал,  
Ночку не спал, не дремал,  
Ночку не спал, не дремал,  
Свою армию сряжал,  
Медны пушки заряжал...  
Наш Кутузов, генерал,  
Из Москвы французов гнал,  
Из Москвы французов гнал;  
Города все возвращал,  
И французов покорял.*





## АРТИСТ-ДЕЗЕРТИР И КОСТРОМСКАЯ КЛЕОПАТРА



6 июля 1815 года костромской губернатор Николай Фёдорович Пасынков направил управляющему Императорским Московским театром Аполлону Александровичу Майкову письмо, из коего следовало: в здешней округе разыскан и под надёжным присмотром препровождается в Первопрестольную музыкант Московского театра Тимофей Муромцев. Спустя две недели в Московской театральной конторе на Знаменке собралось всё местное начальство. На председательском месте восседал сам управляющий Императорским театром Аполлон Майков, по правую руку от него - помощник по хозяйственной части, статский советник Сухопрудский, с другой стороны - член репертуарной части Арсеньев. За особым столом - канцелярист с пером в руках. Эту внушительную картину дополняли вытянувшиеся у дверей два театральных унтера, а также смотритель театра Горчаков. Все замерли в ожидании.

Наконец Майков произнёс: введи. Горчаков вышел и скоро вернулся в сопровождении целой процессии. Впереди, между двумя солдатами, шёл человек лет двадцати с небольшим, в оборванном фраке, с загорелым лицом и босыми ногами. Позади него следовал ещё один унтер. Подойдя к столу, за которым сидело начальство, шествие остановилось, конвой отошёл и стал у дверей. Приведённый, очутившись перед судьями, вытянул руки по швам, опустил голову, рассматривая массивные ножки конторского стола. Воцарилась недобрая тишина, нарушенная вопросом Аполлона Александровича:

— Кто ты такой? Как тебя зовут?

— Тимофей Фролов Муромцев, - отвечивал тот тихо.

На вопросы: сколько лет и какие занятия? - Муромцев показал: лет ему 25, он является литавристом Императорского Московского театра. Всё, что говорил подсудимый, аккуратно записывал канцелярист, исполнявший роль секретаря.

В чем же была вина Тимофея Муромцева? Какое он совершил преступление, что подобно колоднику его привели в театральное судилище, а допрашивали как татя и разбойника?

О, вина Муромцева была велика: он являлся дезертиром, а сверх того, похитителем казённой собственности. Служа литавристом в театральном оркестре, Тимофей по совместительству обучал воспитанников театральной школы игре на фортепьяно. И вдруг пропал, как сквозь землю провалился. Да не с пустыми руками...



— Как ты сподобился продать фортепьяно, принадлежащее школе Императорского театра? - спросил Майков строго.

Посмотрев в потолок и малость подумав, подсудимый показал:

— Фортепьяно я взял в среду на Святой неделе, 22 апреля. Сказал, что взять из школы и починить оное велел капельмейстер Карцелли. Взявши инструмент, поставил в свою квартиру.

— Что было потом? - полюбопытствовал Аполлон Александрович.

— Пришедши на другой день к госпоже Алениной, живущей на Поварской в собственном доме, я узнал, что она ищет купить хорошее фортепьяно, и сказал ей: у меня продаётся оное. Цену объявил 250 рублей ассигнациями.

— Ты не только позарился на казённый инструмент, но не соизволил явиться в театр на представление пьесы, - возмущению Майкова не было предела.

— Не соизволил, - подтвердил Тимофей. - Получив деньги, 26 апреля на Фоминой неделе, я подрядил у Никитских ворот извозчика Андрея, фамилии не припоминаю, и выехал из Москвы в Кострому.

Аполлон Александрович вчитывался в письмо костромского губернатора Пасынкова, ища расхождения в показаниях Муромцева костромской полиции и нынешнему театральному расследованию. Расхождений не было.

— Но почему Костромская губерния, а не Ярославская, к примеру, либо какая иная?

— Потому как с теми местами прежде знаком. В двенадцатом году, когда наши артисты бежали от Наполеона и имели пребывание в Костроме...

Те смутные для России обстоятельства припомнились и Аполлону Александровичу Майкову. В самый канун вступления французских войск в Москву он получил из Петербурга срочную депешу: всех московских актеров, музыкантов и прочих людей, принадлежащих театру, а также театральное имущество немедленно эвакуировать на казённых подводах «в какой-нибудь губернский город». Майков здраво рассудил: «Никуда нельзя лучше поместиться мне со своим театром, как в губернский город Владимир». Для исполнения задуманного требовалось 150 подвод. С такой просьбой он поспешил к главнокомандующему Москвы графу Ф.В. Ростопчину. Последний в предоставлении гужевого транспорта отказал, порекомендовав выдать артистам именные билеты, дающие право им самим «изыскивать себе способы спасаться». В конце концов А.А. Майкову с великим трудом удалось нанять 11 подвод, которые стали загружаться спешным порядком, несмотря на наступающую ночь. 1 сентября в 3 часа утра театральная обоз двинулся из Первопрестольной в неизвестность.



Во Владимире путешественникам поневоле в «видах на проживание» отказали, поскольку в городе и окрестных селениях свободных квартир не было, а потому множество переселенцев жило прямо в поле. Направились в Суздаль - тоже от ворот поворот. После того побывали в селе Иваново, вотчине князя Петра Андреевича Вяземского Красном селе, Нерехте...

В Костроме, где все дома занимались военным постоем, губернатор Пасынков с пониманием отнёсся к неожиданным скитальцам, предложив дирекции театра до вывода войск из города разместиться в заштатном городе Плесе, куда странствующие лицедеи Императорского и отправились.

В феврале 13 года от Николая Фёдоровича пришло сообщение: возвращайтесь в Кострому. Несмотря на все преграды и мытарства Аполлон Александрович Майков не уронил чести «казённого интереса»: сохранил и театр, и актёров, и театральную школу. Там, в Костроме, со всеми вместе он прожил до самого дня возвращения театра в Москву в конце 14 года. Из Костромы неустанно хлопотал о присылке денег, дабы оказать помощь бедствующим актёрам. «Они, - писал Аполлон Александрович, - до самого входа неприятеля в Москву были удержаны службою в оной для театральных представлений, которые продолжать настоял бывший тогда главнокомандующим г. Москвы граф Ростопчин. Они были в необходимости, бросивши всё своё имущество, спасать уже одну только жизнь свою».

Там, в Костроме, преподаватель драматического искусства Иван Иванович Фрыгин отрепетировал музыкальную комедию «Остров любви, или Забава сельских пастухов», в которой этот самый Тимофей Муромцев отчебучивал на дудке-свирели такие залихватские мелодии, что только ахнешь да позавидуешь его отменному божественному дару. Теперь же вон как дело обернулось.

Те недавние времена припомнились и Тимофею Муромцеву, правда, по иному поводу. Ему живо представилась Кострома, производящая самое очаровательное впечатление как по месту расположения, так и по архитектурному обустройству. Живописность и какую-то былинную сказочность придавала Волга-матушка, в торговых каменных рядах угадывался Гостиный двор Северной Пальмиры, а возвышающаяся над Волгой Ипатьевская обитель воскрешала славную страницу русской истории.

Народ здешний подкупал добросердечием, уважительностью, искренней доверчивостью. Было это тем более странно, что, по приметам Муромцева, дух того времени почитался здесь весьма суровым. Власть имущие держали подчинённых в крайней строгости, заставляя прямо-таки трепетать их в своём присутствии. Тон строгости задавал губернатор Пасынков, подписавший то самое письмо, какое получил Аполлон Майков.



Бывший моряк, крутой нравом, дерзкий на язык и гроза всей губернии Николай Фёдорович слова «нет» не признавал. Вынь да положь, что приказано.

В то же время в натуре губернатора с непререкаемым повелеванием отменно уживалось трепетное отношение к сценическому искусству. Став в 1807-м костромским губернатором, Николай Фёдорович немедля завёл свой домашний театр, как тогда говорили «домовой». Но на том не успокоился. «Как так? - строго вопрошал подчинённых. - В Ярославле есть свой публичный театр, в Нижнем Новгороде, в Казани, а Кострома чем хуже? Подумайте и доложите». Через год в списке зданий Костромы значилось «деревянное здание публичного театра».

Муромцеву Тимофею про то было известно доподлинно, поскольку приходилось играть как на сцене городского публичного театра, так и на «домовом» театре губернатора. Теперь же, перед лицом высокого суда, артиста-музыканта занимали воспоминания, далёкие от театральных будней двухлетней давности. Вставала перед ним иная Кострома той военной поры. Особо примечательным открытием для Муромцева являлось то, что в столь смутные времена, могущие, казалось бы, возбудить в костромских обывателях скардность и жадность к обогащению, никоим образом в их поведении не наблюдались. Цены оставались теми же, что и в мирные годы. Знаменитая Феодоровская ярмарка продолжала шуметь на Сусанинской площади в марте, как и прежде, что для Тимофея было в диковинку. Особенно его занимало подторжье на площади Сенной. Сюда накануне ярмарки отовсюду приводили сотни лошадей разных возрастов, пород, мастей и достоинств.

Завзятым любителем-лошадником Тимофей не был, но каждый раз его одолевало любопытство при виде того, как вместе с этими добрыми помощниками человека появлялось множество цыган, барышников, откровенных конокрадов. Часами мог он восхищаться грациозным бегом чистопородных рысаков, мощной поступью тяжеловесов-битюгов, горделивым ходом першеронов. А главное, здесь на ярмарке он познакомился с помещицей Клеопатрой Григорьевной Шиповой, имевшей усадьбу в деревне Давыдково, что в 35 верстах от Костромы. Отчаянная поклонница театрального лицедейства, Клеопатра Григорьевна часто навещала в местный театр, была в зрительном зале на «Острове любви», где прониклась сердечным влечением к молодому артисту - музыканту Муромцеву, игравшему на свирели. А как встретила его на ярмарке - глазам не поверила. Набравшись смелости, спросила: «Вы тот самый актер?» Слово за слово разговорились. Прощаясь, Шипова, как бы в шутку, пригласила Тимофея при случае побывать в её усадьбе.

Спектакли тогда игрались два-три раза в неделю, свободного времени у Муромцева выпадало вдосталь, чем он и не преминул воспользоваться. То были дивные деньки, особенно осенние вечера, когда в помещицкой светёлке



теплилась лампада, Тимофей играл на клавесине, Клеопатра Григорьевна волнительным грудным голосом напевала. Удивительным для артиста-музыканта являлось то, что чаще всего она просила подыграть под скоморошьи вирши, какие помнила с детских времён, бывая на представлениях залётных охочих комедиантов. «Легли на сердце, сама не знаю причины», - поясняла, чему-то тайно улыбаясь. И под завывание осеннего сиверко пела с озорным душевным трепетом:

*Прочь хрен, редька, толокно, кисель и квас,  
Когда приспела матушка-весна до нас,  
Прочь лапти волосеники, сермяги худые,  
Уж мне надлежит носить атласы драгие...*

Присутствующий на таких посиделках сосед-помещик Александр Иванович Исаков молча любовался певуньей, шумно вздыхал и уезжал. Был он высок, сухопар, на слова скуп. Разговор поддерживая редко, всё больше молчал. Правда, единожды, в конце лета, явился Исаков к Шиповой неузнаваемым до крайности: торжественный, чинный, с горделивой осанкой. На удивлённые взгляды ответил чётко, кратко, молодцевато щелкнул каблуками:

— Не ждали? Святой день нынче. Дозвольте поздравить с днём Бородина.

Тут-то Тимофей Муромцев и узнал, что в двенадцатом году Александр Иванович был приписан к пионерным, говоря проще - инженерным войскам, принимал участие в сооружении Шевардинского редута и батарей Владимира Федосеевича Раевского, а сам день сражения для него стал памятным на всю оставшуюся жизнь.

— Двадцать пятого августа, - поведал Исаков своим благородным слушателям, - прошло спокойно. Избранник русских сил Михаил Илларионович Кутузов воззвал всё вверенное ему воинство к молитве пред чудотворною иконою Богоматери Смоленской. Объезжая ряды, он говорил, чего от нас ожидает государь и Россия. А на рассвете двадцать шестого августа тишина нарушалась только кликом в стане неприятеля: «Виват, Император!» Неожиданно налево от нас блеснул огонь - раздался пушечный выстрел, другой, потом третий. Десять минут спустя загредел наш ответный. Я, как поручик, взявши тридцать человек пионер, занялся укреплением волчьих ям. Ядра неприятельские долетали до нас последними прыжками или катились на излёте. Гранаты хлопали в воздухе, производя страшные звуки и рассыпаясь осколками. Один из них и накрыл меня. С тех пор рука, как чужая, плетью висит.

Тимофей, желая отвлечь Александра Ивановича от неприятной ему мысли, вставил своё слово:



— Слышал, что в начале сражения над головой князя Кутузова носился орёл, и князь, снявши шляпу, будто бы приветствовал его, как предвестника победы.

— Сомневаюсь, - ответил Исаков. - Чтобы главнокомандующий стал заниматься орлом в то время, когда все мысли и внимание его были устремлены на действие боя... Сомневаюсь.

Кончилась Отечественная война. Наполеона изгнали. Императорский театр вернулся в Первопрестольную. Привычная жизнь потекла своим чередом. Но с приходом весны Тимофей Муромцев натурой ретивой, своевольной, увлекающейся стал испытывать неизъяснимое душевное томление. Никак не мог понять: с чего разлад душевный? А как понял - даже крикнул от удивления. От наступившей весны-красны любовное томление случилось. От пробуждения в сердце его былой любви к Клеопатре Григорьевне, оставленной в таёжных сусанинских лесах.

Оно, вроде бы, и ладно. Понял и успокойся. Поминай зазнобушку, да хвали Всевышнего за ниспосланные мгновения простой людской радости. Но, видать, лукавый не дремал. Втемяшилась в голову музыканта шальная задумка: раздобыть денег и махнуть из Москвы в суровые костромские края. Легко сказать - раздобыть, а каким макаром? Здесь и осенила его мысль про фортепьяно.

Взяв с собою вырученные за инструмент ассигнации, бельё и подушку, Тимофей Муромцев вновь поспешил в эти памятные, по-домашнему уютные, сердцу отрадные костромские места.

На вопросы любопытных, каким манером находится здесь, отвечал: отпущен в отпуск без срока, до особого востребования. На том и успокоились. И началась для него жизнь желанная, сердцу отрадная.

Имение Шиповой за годы войны порядком обнищало. Опустел сарай, где прежде содержалась всякая животная живность, на птичнике сквозняки гуляют вдоль и поперёк, да и хохлаток с гусями-утками изрядно поубавилось, бывшая пасека давно не видала пчелиного роя.

— В Костроме, - делилась познаниями Клеопатра, - вольготнее будет.

Там нынче много пленных французских солдат пригрелось. На все руки мастера: и сапожники, и каретники, и портные, и садовники. Иные помещики и купечество с дозволения начальства взяли их к себе в услужение. И очень довольны. А я остерегаюсь. Сосед Исаков не советует.

Порой же Клеопатра Григорьевна начинала выпытывать Тимофея про случаи, о каких он и слыхом не слыхивал. Правда ли, вопрошала зазнобушка, что недалеко от села Карабаново Гридинской волости есть ольховые кусты, какие называются «французы»?



— Правда, - не моргнув глазом подтверждал Тимофей, не имея о том совершенно никакого представления.

— Вот и мне про них говорили, - облегчённо вздыхала вдова. - Когда во время войны пленных гнали по этапу, многие мерли от лютой стужи и их здесь хоронили. Оттого и прозвище такое.

— Истинно так, - поддакивал Муромцев.

— А ещё слыхала от добрых людей, что после вашего отъезда в Москву на Крещение пленный французский полковник храбрился-хорохорился: «Русские, - говорил, - кончаются ваши силы. Бонапарт соберёт весной новую армию и одолеет вас». А в ответ услышал: «Мы не боимся Бонапарта: у нас ещё медведи есть. Сформируем из них полк».

— И тогда, - Клеопатра Григорьевна заговорила загадочно-таинственным шёпотом, - окрестные медвежатники получили секретный приказ: за неделю обучить своих медведей ходить в строю и выполнять команды «на руку» и «на плечо».

— Да неужто? - изумился артист-музыкант.

— Мне Александр Иванович Исаков о том сказывал... А в первый день масленичной недели для пленных устроили парад медвежатников со своими дрессированными медведями. И пошли они по главной улице на Сусанинскую площадь. А как вышли на площадь, раздалась команда «на плечо!» - и медведи как один подняли специально изготовленные деревянные ружья. Когда скомандовали «на руку!» - они опустили ружья, будто переходят в атаку.

— Ишь ты, - восхищённо молвил Тимофей. Такую заковыристую сказку он слыхивал впервые. - И что дальше?

— А то, - довольно хохотнула Клеопатра Григорьевна. - Немало дивились пленные такому параду. А самый матёрый медведь, как только поравнялся с полковником, ожидающим новую армию Наполеона, так рывкнул на него, тот даже очки уронил. После того пленённые воины писали в парижские края: здесь, в России, против нас медведей на войну готовят. Скоро они на фронт пойдут. Потому на Россию нам идти больше нечего. И Александр Иванович те слова подтвердил. Я ему верю.

— Я тоже. Участник Бородинской битвы слов на ветер не бросает, - ободрял рассказчицу Тимофей и отправлялся учить деревенских ребятишек музыке. А благодатными летними вечерами сидели с Клеопатрой Григорьевной на веранде, гоняли чай, слушали соловьиные трели, кваканье лягушек в помещицьем пруду, а то и сами, как бывало, певали зазнобистые песни. Желая потрафить любезной Клеопатре, Муромцев ещё в Москве разыскал старого скомороха,



выучил вирши былых времён, какими веселил помещицу-певунью с превеликим удовольствием.

Но в начале июля в Давыдково неожиданно нагрянул земский исправник, доставил Муромцева в костромскую полицию, где с него сняли допрос и с сопроводительным письмом губернатора Пасынкова препроводили в златоглавую на усмотрение конторы Императорского театра.

Обо всём этом, кроме сердечных дел, Тимофей Муромцев поведал театральному начальству, к протоколу допроса «руку приложил», после чего его отвели в караульную, обеспечив надлежащий надзор.

Отправив актёра-дезертира в "тёмную", театральный ареопаг задался вопросом: как поступить с подсудимым? Наказать своими средствами либо передать в руки правосудия? Мнения разделились. Майков и Сухопрудский стояли на том, чтобы наказать, оставив на службе как полезного музыканта и учителя. Арсеньев противился, доказывая необходимость «выкинуть провинившегося из службы, провести над ним суд по законам». Сошлись на том, чтобы вопрос о наказании Муромцева отдать на рассмотрение Петербургской дирекции Императорских театров.

Когда Майков вышел из конторы, к нему подошёл пожилой человек, гладко бритый, в потёртом фраке и, низко поклонившись, стал что-то говорить. Майков выслушал внимательно, уже на ходу бросил: «Хорошо. Я напишу. Но только смотри, чтобы впредь чего не бывало, а то и тебе тогда худо будет».

Ответ адресовался московскому актёру Фролу Муромцеву, отцу дезертира. Он явился с просьбой не предавать сына гражданскому суду, а предоставить родителю возможность наказать Тимофея «домашним образом». Майков обещал хлопотать. Подготовив представление по этому делу в Петербургскую дирекцию Императорских театров, Аполлон Александрович отослал его вместе с показаниями беглого музыканта и бумагой костромского губернатора. В начале сентября из столицы получил ответ с предписанием: «На записку Вашего превосходительства о предполагаемом наказании музыканту Тимофею Муромцеву за продажу казённых клавикордов и побег в Костромскую губернию контора дирекции отвечает, что хотя преступления музыканта Муромцева и заслуживают законное и примерное наказание, но, из уважения к званию артистов, контора соглашается, дабы оный Муромцев был наказан отцом его келейно, со всею строгостью и после посажен под строгий арест».

Преступник Тимофей Муромцев был нещадно высечен отцом его актёром Фролом Муромцевым. Оставшись весьма доволен таким исходом дела, батюшка покарал сына с особым прилежанием. Затем литавриста посадили на некоторое время под арест, после чего водворили вновь в оркестр и посадили за литавры.





На каждом представлении спектакля «Остров любви, или Забавы сельских пастухов» Тимофей Муромцев, сидя в оркестровой яме, вспоминал свои похождения, деревню Давыдково, притаившуюся в дремучих костромских лесах, гостеприимный кров добросердечной Клеопатры Григорьевны, так любившей скоморошьи вирши, музыку, театральное лицедейство, соседа её Александра Ивановича Исакова, одиноко живущего в своей усадьбе и в урочный час тихо напевающего слова, неведомо кем сложенные:

*А Кутузов, генерал,  
Ночку не спал, не дремал,  
Ночку не спал, не дремал,  
Свою армию сряжал,  
Медны пушки заряжал.  
Наш Кутузов, генерал,  
Из Москвы французов гнал,  
Из Москвы французов гнал,  
Города все возвращал  
И французов покорял...*

Вспоминал Тимофей Муромцев, и в душе его нет-нет и пробуждалось смутное желание вновь объявиться в тех ставших родными и близкими краях.





## БЛАГОСЛОВЕННЫЕ ДНИ

*Последний день проводим мы  
Под мирной кровлей заведенья,  
Где столько лет свои умы  
Мы обращали на ученье... –*



писал священник и поэт Александр Андроников в день окончания Костромской духовной семинарии 28 июня 1888 года. Из стен её в разное время вышли будущие митрополиты и архиепископы, учёные богословы и ректоры духовных академий, церковные историки и деятели науки и культуры, да и просто образованные чиновники разных ведомств и учреждений, с благодарностью вспоминая потом старейшее на костромской земле учебное заведение, годы, проведённые в нём. Годы те не были гладкими да благостными, а наполнены лишениями, строгой дисциплиной, суровыми требованиями к семинаристам, от которых ожидали «проповедников и добрых пастырей». И всё же юность оставалась юностью. Ученики не только изучали греческий и латынь, риторику и философию, богословие и математику, но и влюблялись, музицировали, писали стихи, а то и проявляли строптивость, когда дело касалось защиты их доброго имени и собственного достоинства. Особой популярностью в этом отношении в начале XIX столетия отличался семинарист Николай Островский, отец будущего знаменитого драматурга Александра Островского.

А началось всё с незначительного эпизода, о котором ученик богословия Алексей Зыков, сообщая в Костромское семинарское правление, писал, что в феврале 1812 года ученик философии Николай Островский «отломал замок» у сундука ученика риторики Дмитрия Зотикова, в каком хранились его деньги. Островский, по словам Зыкова, признал свою вину и отдал ему 40 копеек за сломанный замок для передачи Зотикову, Алексей Зыков 40 копеек взял, но «отрапортовал» куда следует. Пришлось Николаю Островскому о причине содеянного писать объяснение, в котором говорилось: «Против рапорта, поданного на меня Алексеем Зыковым, показываю следующее: я, Николай Островский, признаюсь, что я (только) за своей книгой залез в сундук Зотикова, и, как у меня не было ключа, то я открыл сундук гвоздём и не догадался - изломал замок или нет... После узнал, что замок изломан, и заплатил за замок Зотикову через Зыкова. А Зыков доносит, что у Зотикова лежали в сундуке деньги. А я оправдываюсь тем, что у Зотикова ни полушки денег не пропало, и даже ничего, что было в сундуке, не утратилось, кроме моей книги, которую я взял. В чём и доказываю сущую справедливость».

Как развивался далее этот сюжет - неизвестно, но добродушный характером и в тоже время вспыльчиво-несдержанный нравом семинарист Николай Островский сделался героем и другой нашумевшей истории.



По словам всё того же Алексея Зыкова, 20 марта 1812 года Николай Островский сел за стол на место воспитателя, который, войдя в покои семинаристов, стал Островского сгонять. Островский же «раздражился» и «схватив в ярости нож, пытался зарезаться. Испугавшись, воспитатель выбежал из покоя, а Островский запер дверь на крюк. Через некоторое время воспитатель стал стучаться в двери, и когда Петр Щукин и Никольский хотели её отпереть, Островский выскочил из-за стола с ножом и по чрезмерной дерзости своей порезал у тулупа правый рукав Никольского».

В ходе разбирательства страсти накалялись. Пётр Щукин свидетельствовал, что ученик Островский намеревался зарезать ножом Никольского. Сочувствующие Островскому говорили, что «В рапорте, поданному на Николая Островского, показано много лишнего... ибо всё между нами (семинаристами) происходило по одной только шутке... А то, что Петр Щукин и Алексей Зыков писали в рапорте, что Островский намеренно угрожал Никольскому - сие ложно. Потому что Островский в шутке (задел) только несколько тулуп у Никольского...».

Сам Николай Островский случившееся объяснял так: «Прошлого марта 20 дня я, сидя на месте воспитателя, писал стихи... Воспитатель меня с места сдвигал... Я совершенно не похвалялся никого зарезать ножом, дверей я никогда не запираю и совсем не порезал тулуп у Никольского, что могут свидетельствовать другие ученики».

Видимо, доводы Островского оказались доказательными, судя по наказанию, какое ему положило Семинарское правление. В постановлении говорилось, что «Островского, его собственными товарищами изобличённого в азартности, простирающейся до того, что у сотоварища разрезал казённый тулуп, оштрафовать... в трапезе ношением чаш во время обеда... и содержать на хлебе и воде. А Никольского и Щукина за разноречия в рапорте... на неделю лишит обыкновенного стола, и довольствоваться только хлебом и водою, сажая ниже всех учеников...»

Как видим, наставники семинарии довольно внимательно и уважительно отнеслись ко всем участникам этой истории, проявив и понимание, и чувство справедливости. Не потому ли многие воспитанники её, покидая стены этого учебного заведения, потом с ностальгической грустью и нежностью вспоминали годы, здесь проведённые:

*Сулит ли Бог, привыкнуть нам  
После теплицы к жизни новой.  
Сберечь прекрасный идеал,  
Иль изнемочь в борьбе суровой.*

*Не знаем мы, что жизнь сулит  
Но если кто не встретит счастья,  
Поддержки, тёплого участия,  
Тот эти дни благословит.*



## НАШ СОЛОВЕЙ ИВАН РУПИНИ



Майским днем 1808 года в Москве отмечал свое 50-летие прославленный итальянский певец Мускети. Поселился он в первопрестольной в том возрасте, когда уже "спал" с голоса, а потому занялся здесь преподаванием певческого искусства, став скоро по этой части признанным мастером и любимцем русской знати. По этой причине на праздничную трапезу собралось избранное общество: вельможи, известные артисты, музыканты, художники.

Обед проходил весело и непринужденно. Когда застолье близилось к своему финалу, юбиляр встал и торжественно провозгласил:

– А теперь, господа, следует десерт. Для этого я припас вам самое лучшее и дорогое мое блюдо и надеюсь, что за русские хлеб-соль и сам угощу вас на славу.

Мускети дал знак, и в комнату вошел молодой человек. Небольшого роста, очень скромно одетый, худощавый, с темно-русскими волосами. Он робко поклонился высокому собранию. Все с недоумением переглянулись.

– Ну, мой милый, – обратился к вошедшему Мускети, – спой-ка нам экзерциции Кресцентини номер двенадцать.

Это еще более изумило гостей, ибо все знали: музыкальные упражнения Кресцентини являлись камнем преткновения для всех певцов, и никто, кроме самого автора и Мускети, не решался за них браться. Однако молодой человек просьбе хозяина не удивился, запел безо всякой робости, словно для него это дело являлось простым и обыкновенным. Чистый, нежный и увлекательный голос все трудные вариации преодолевал легко и непринужденно, что привело изумленных гостей во всеобщий восторг.

– Кто же этот чудный артист? – спрашивали гости довольного хозяина. На что Мускети, выдержав необходимую паузу, ответил:

– Это лучший мой ученик, русский соловей Иван Рупин.

– Рупин?! – воскликнули собравшиеся с явным недоверием.

– А чтобы эта русская фамилия не возбуждала предубеждения, мы пожалуем его в Рупини, – добавил Мускети с улыбкой.

Так Иван Рупин стал Рупини.

Под этой фамилией он до конца жизни выступал на сцене и печатал свои труды.



А родился "русский соловей" в 1792 году в деревне Славистово Чухломского уезда Костромской губернии в семье крепостного крестьянина. Владелец деревни, богатый помещик и меломан Петр Иванович Юшков, тратил солидные средства на домашние хоры и оркестры. Организованный им симфонический оркестр из крепостных музыкантов считался одним из лучших оркестров того времени, о чем с похвалой отзывался Михаил Иванович Глинка в своих "Воспоминаниях".

Как-то управляющий Чухломской вотчины поведал Юшкову, что у них в хоре сельской церкви поет мальчик, обладающий чистым и нежным альтым. Петр Иванович пожелал послушать деревенского певца. Очарованный его голосом и врожденной музыкальностью, Юшков отдал мальчика в Москву в обучение к лучшему итальянскому учителю пения Мускети, который и устроил дебют певца Ивана Рупина на том званом обеде.

Получив в 1811 году "вольную", Иван Алексеевич переехал в Петербург, мечтая об оперной славе. Но с первых же шагов столкнулся с непредвиденными трудностями. "Многие знатоки и любители настоятельно убеждали меня поступить на сцену, обещая неременный успех, – рассказывал Рупин позже своему близкому другу, известному литератору и театральному деятелю Федору Алексеевичу Кони. – Я был молод, легкомыслен, самолюбие кипело... Являюсь к одному артисту, от которого должна была зависеть моя театральная участь. Меня принимают строго и, не спрашивая ни о голосе, ни об искусстве пения, говорят прямо: "Помилуй, любезный! Да как же ты можешь петь в опере, когда у тебя ни росту, ни дородства?"

Тем аудиенция и закончилась. Но этот случай нисколько не охладил желания молодого певца играть на сцене, напротив, еще более распалил его самолюбие. Рупин во что бы то ни стало хотел доказать, что зрителей можно потрясать и другой силой, кроме физической, а потому прилагал все усилия и способности к тому, чтобы сыграть одну из любимых своих ролей – Ромео в опере "Ромео и Джульетта" Зингарелли. Вскоре такая возможность представилась. Именно этот спектакль затеяли ставить на частном театре у одного князя. На репетициях все были в восхищении от пения молодого артиста. Да и сам Иван, впервые получивший желанную роль в оперном спектакле, находился на седьмом небе от переполнявшей его восторженности.

И вот наступил день премьеры. Когда Рупина нарядили в испанский костюм, набросили на плечи мантию, а голову покрыли маленьким беретом со сниспадающим набок пером и он подошел к зеркалу, то тут же отпрянул от него и едва не умер от смеха. "Забавнее карикатуры на нежного шекспировского любовника трудно себе представить", – вспоминал потом Иван Алексеевич. Но и на этом сюрпризы не кончились.



Началась опера. Выход Ромео. Желая как можно эффектнее появиться перед публикой, юный дебютант решил выбежать на сцену в одухотворенном настроении и непринужденно бросить перед Джульеттой берет и мантию. Но, изрядно волнуясь, Ваня совершенно запомнил, что в дверях, в нижней их части, была прибитая планка, изображающая порог. За нее-то он и зацепился, да растянулся на сцене так, что своим падением потряс до основания своды замка и едва не перебил все лампы за кулисами. Эффект получился впечатляющим, но совершенно не таким, какой задумывался исполнителем пылкого Ромео. "Когда я приподнялся с красным носом, зрители хохотали гомерическим смехом, – делился позже впечатлениями о своем дебюте Иван Алексеевич. – Никакое чувство и выражение в пении не могли разогнать этой веселости: едва появлялся – смех снова раздавался отовсюду. Так Ромео пал с первого шага на сцену. Я убедился, и притом самым чувствительным образом, что в актеры не гожусь..."

Потерпев неудачу на оперном поприще, Иван Алексеевич с еще большей настойчивостью стал заниматься музыкальным образованием, почитая за первейшее правило певца способность доносить до слушателей слова в их истинном значении. "Для чего же и музыка прилагается к словам, как не для того, чтобы усилить их выражение и влить в них больше страсти, – пояснял свою мысль Рупин. – По-моему, в пении первое условие – душа, второе – голос". Эти его теоретические суждения скоро нашли безоговорочное подтверждение на практике, и прежде всего при исполнении Иваном Алексеевичем народных песен.

Удивительное умение передавать русские народные песни так, что у слушателей, по утверждению современников, в грустных – "слезы просились наружу", а в веселых – "подрагивали все жилки и мускулы", сделали его имя широко известным.

"Кому из жителей Петербурга... кому из любителей всего изящного не известен талант нашего русского певца Ивана Рупини? – писала газета "Северная почта" того времени. – Кто из имевших случай слышать нынешним летом серенаду на Черной речке, к общему восторгу гулявших по обоим ее берегам, не помнит того единодушного гула одобрений, который повторялся по окончании каждого куплета? Мы, русские, должны быть особенно благодарны господину Рупини, этому истинному артисту русского напева, за то, что он талант свой посвятил изучению не чужих нам, а наших родных песен".

Дом Ивана Алексеевича всегда был открыт для друзей, сам же хозяин, что называется, любил блеснуть гостеприимством и радушием. Талант Рупина, его простой и добродушный характер сблизили с ним многих артистов, музыкантов, литераторов. Часто "на огонек" заглядывали Александр Пушкин, Антон



Дельвиг, Федор Глинка. Тут же иногда писались слова для песен и романсов, тут же их клали на музыку и исполняли. Умная и добрая жена Ивана Алексеевича оживляла беседу своей веселостью, простым и сердечным обхождением, придавая таким литературно-музыкальным вечерам еще большее очарование.

В 1831 году Рупин решается слышанные и заученные им русские народные напевы издать отдельным сборником. Небывалый успех побуждает его продолжить задуманное, в 1833 и в 1836 годах он выпускает еще два сборника "Русских народных песен", куда впервые вошли обработанные им "Не шуми, мати зеленая дубрава", "Ах, не одна во поле дороженька пролегла", "Я по цветикам ходила, по лазоревым гуляла", "Возле речки, возле мосту", "Кого-то нет, кого-то жаль" и многие другие. Помимо собирательства и обработок, Иван Алексеевич сам написал около 50 песен, кантат, многие из которых стали подлинно народными: "Что, соловушка, примолкнул ты?", "Рано, цветик, рано в поле распустился", "Как вечер млада-младшенька" и неумирающая "Вот мчится тройка удалая..." на слова Федора Глинки.

В это время Иван Рупин приобретает и репутацию опытного учителя пения, у которого занимались такие выдающиеся профессиональные певцы, как Надежда Самойлова, Мария Степанова, Осип Петров.

Неожиданная смерть жены в 1840 году породила в Иване Алексеевиче беспросветное уныние и безотчетную тоску, он оставил концертные выступления, перестал давать уроки, вдохновение все реже и реже посещало его. Скоро закулисные посетители итальянской оперы стали замечать в задних рядах хора маленькую худощавую фигуру пожилого человека – нового хормейстера. Одетый обычно в традиционный "пейзанский" костюм или в рыцарские латы и шлем, он озабоченно ходил по сцене, устанавливая должный порядок в толпе хористов и следя за их исполнением. И никто не узнавал в хлопотливом старике некогда прославленного "истинного артиста русского напева" Ивана Рупини.

В 1848 году, накануне Рождественского сочельника, грустный, убитый горем Иван Алексеевич навестил своего друга – Федора Алексеевича Кони. Последний пытался утешить нежданного гостя, убеждал заняться творчеством, уверял, что только в труде найдет он вознаграждение за все жизненные невзгоды. На что Рупин печально ответил:

*– Нет, любезный Федор Алексеевич.  
Пел соловушко громко, радостно,  
Как подруженька его слушала!  
Да стрелок лихой – неумышленно  
Загубил ее злой дробиною...*



Прошло мое время, любезный Федор Алексеевич, и за новый труд приниматься уже не приходится.

– Иван Алексеевич, вы сами прекрасно знаете, что для таланта нет времени, – настаивал на своем Кони. – И что творчество есть лучшее средство для забвения горьких дум и печалей.

– Хорошо, – согласился в конце концов Рупин, – Еще раз в жизни согрешу: Одну вам песню напишу. Но это будет последняя песня, и больше от меня ничего не ждите: в ней я выскажу все, и, может быть, тогда вам молчание мое станет понятнее.

Спустя две недели он пришел вновь и молча протянул Кони сверток нотной бумаги. Это был романс под названием "Последняя песня Рупини" с посвящением: "Моему сыну".

*– Прочтите, – тихо сказал Иван Алексеевич.*

*Кони развернул сверток, прочел:*

*И нечего уж мне желать,*

*Как чайки осени порою,*

*Мечты уносятся с весною –*

*И им назад не прилетать!*

*И некого уж мне встречать:*

*Отпировал я пир удалый,*

*Я в этом мире запоздалый,*

*Уж мне гостей не созывать!*

*И нечему меня пугать:*

*Перестрадал я все страданья*

*И спрятал сердца упованья*

*Под гробовую я печать...*

Ни слова не говоря, Иван Алексеевич сел за фортепьяно, запел трогательную, пронизанную щемящим чувством одиночества мелодию. На последних словах голос его задрожал и замер, седая голова опустилась на грудь, крупные слезы упали на клавиши. После короткого молчания он быстро встал, сказал Кони:

– Любезный Федор Алексеевич, вы меня много раз спрашивали о подробностях моей жизни: вот вам моя полная биография... тут мне ни прибавить, ни убавить ничего нельзя, – и с этими словами вышел.

25 марта 1850 года, в день Благовещения, когда солнышко обогрело Петербург первым весенним теплом, из маленькой квартиры одного из домов близ





Николы Морского потянулся к Смоленскому кладбищу скромный похоронный кортеж. "Русский соловей" Иван Рупини отправлялся в последний путь. Уходил забытый публикой, которой посвятил свою жизнь и все заветные мечты своего сердца. Забытый артистами, обязанными своими успехами его наставлениям и таланту. За небогатым гробом шли бедные бесприютные сироты, которых он воспитал и пристроил к делу на свои последние трудовые копейки; дряхлые вдовы, с которыми делился тесным углом и последним куском хлеба. Да еще немногие друзья, уже тогда считавшие, что труды и произведения Ивана Алексеевича Рупина достойны памяти и уважения всей России.

С того скорбного дня минуло более полтора века, но творческое наследие "русского соловья" так и не изучено основательно. Сборники его произведений стали библиографической редкостью, некоторые не обнаружены до сих пор. И только в памяти народной живут его песни, а прежде всего – "Вот мчится тройка...". Второй век звучит она над миром, восхищая и покоряя слушателей удивительной задушевностью и искренностью, удастью и грустью, неизбывным песенным талантом русского человека.





## ТОТ САМЫЙ КАТЕНИН



*Привет вам, потомки, питомцы свободы!  
Как полые воды, бурлят ваши годы.  
Пусть вас не смущают минувшего тени,  
Я — давний ваш предок, ваш Павел Катенин!  
Тот самый Катенин, который когда-то  
Был видным поэтом и храбрым солдатом,  
Кто был с Грибоедовым, Пушкиным дружен,  
Царю негоден, Отечеству нужен...*

*Е. Старшинов. «Катенин». 1967 г.*

Он стоял у раскрытого окна своей библиотеки. Смуглое лицо, обрамлённое тронутыми сединой баками и прежде буйной шевелюрой, придававшими в былые времена сходство с Александром Пушкиным, было покойным и задумчивым. В домашнем сюртуке табачного цвета, скрестив руки на груди, попыхивая трубкой с янтарным мундштуком, молча глядел он на принаряженное весенней зеленью костромское сельцо Шаёво, окружавшее почерневшими от древности избами бревенчатый барский дом на каменном фундаменте. Уже объявившиеся соловьи не очень смело выпевали свои томные рулады. Застенчиво-робкие облака пытались заслонить собой луну — круглолицую, раскормленную. Та противилась, ни в какую не желала быть сокрытой от людских взоров, щедро одаривала вселенную холодновато-равнодушным светом.

Хозяин библиотеки неотрывно вглядывался в величаво-колдовское лунное царство, чувствуя всем существом своим, что не только Шаёво с его избами, еловой аллеей, садами и мельницей, скотным двором и сыроварней, банями и сараюшками, но даже тени их живут жизнью особой, говорящей на своём языке, имя которому — вечность. Понять тот язык, выразить его — какой «небесный смелый Гений» потребен для такого духовного откровения...

Неожиданно припомнились слова Митрича, бывшего у него в услужении в пору военной службы в Преображенском полку: «Старость — второе детство. Только приходит срок задуматься о спасении души». Тогда отнёсся к тем словам по-гусарски легко и усмешливо, нынче они то и дело бередают ум, взывая к мысли простой и откровенной, какую по привычке доверил чистому листу бумаги. Он прошёл к конторке, при свете луны прочёл: «Павел, сын Александров, из рода Катениных, честно отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой,



в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому, и менее добра, чем хотелось». Подумав, приписал: «1853 года мая...»

Напольные часы хрипловато пробили полночь. С их боем ему послышался голос. Хрустально чистый, прозрачный, словно сотканный из лунного света.

– Зачем, Павел, ты сочинил себе эпитафию? Не к добру это.

Катенин, нимало не смущаясь его явлению в тишине дома, спросил с детским любопытством:

– Кто здесь?

Тот же голос доверчиво ответил:

– Я, Павел. Твоя Всемила.

– Всемила... Всемила... — пытался вспомнить. — Не знаю такой.

– Я та, — напомнил голос, — которую подпрапорщик Преображенского полка Павел Катенин любил, и которого я любила. Но счастье было мимолётным. Всевышний призвал меня к себе, и я покинула белый свет... тебя покинула.

– Да, да, да, — заговорил он с юношеским удивлением и подзабытой молодцеватой бойкостью. — Всё так и было. Только тебя, милая девочка, звали не Всемилой. Наташей. Натали.

– Наташей, Павел. Всемилой стала после твоей песни «Певец Услад». Ты ведь про меня её написал. Про свою первую и последнюю любовь. «Певец Услад любил Всемилу / И счастлив был...»

– «И вдруг завистный рок в могилу / Её сокрыл...» — припомнил Катенин слова своей давней песни. — Боже! Почти сорок лет прошло с тех дней. Счастливых, тревожных, бесшабашных. Полных жизни, огня, надежд.

– А ты всё такой же, Павел, — счастливо засмеялась Всемила. — Спасибо тебе.

– За что благодаришь, девочка?

– Что не забыл меня. Всегда оставался верен своему делу, своей первой любви.

– Старался не изменять, Всемила, — его негромкий голос был твёрд и спокоен. — Хорошо ли, плохо ли, но жребий мой брошен и давно. По грехам моим — я литератор: службу оставил навсегда. Богатства у меня едва ли достанет, чтобы жить с горем, скукой и нуждой. Семейства не имею. Живейшие мои желания и чувства обращены на один предмет: на приобретение некоторого уважения как писателя... при жизни и после смерти. Все испытания не отвалили, но только более поощряли всю силу бороться и рано ли, поздно ли, победить или лечь на поле сражения.



— Я знаю, — дуновением весеннего ветерка отозвалась Всемила.

Катенин усмехнулся:

— Что ты можешь знать, девочка?

— Жизнь твою, — откликнулся легкокрылый ветерок. — Думы твои. Радости и печали, какими судьба одарила тебя. Ведь я всегда, каждое мгновение рядом. Только говорить с тобой не могла, явиться во плоти пред очи твои не являлась... а как ликовала душа моя вместе с твоей в тот метельный февраль. Императорский театр... Трагедия Корнеля «Ариадна» в переводе Катенина...

— Постой, постой, — Катенин оживился чрезвычайно, в тёмных глазах его мелькнули хитроватые чёртики в предвкушении озорной проделки. — Точно. То случилось за год до Бородинского сражения. На сцене — несравненная Екатерина Семёнова — Ариадна. Её божественная отповедь Тезею:

*Он хочет смерти мне: умру, но знай, Тезей,  
Быть может скорбь твоя сравняется с моей...*

Слова эти, явленные к жизни девятнадцатилетним Павлом Катениным, с прежним восторгом зазвучали в ушах его, давно отвыкших от чарующих мелодий и страстных монологов чародеев Российской сцены.

То молодое, славное время напомнило о себе воскресшими в памяти рукоплесканиями публики, беспрестанными вызовами Екатерины Семёновой и костромского земляка Алексея Яковлева, игравшего Тезея, возгласами: «Автора!.. Катенина!..» Доброжелательными, добролюбивыми голосами в партере:

— Господа, господа! Запомните этот день — 3 февраля 1811 года. Русская сцена приобрела изумительного автора... Ах, душка. Право слово, душка! Bravo, Катенин, bravo!

Тут и князь Шаховской пожаловал. Самолично. Роста невысокого, туловище солидное, расплылось, как опара у нерадивой хозяйки, а голова — всего ничего, с кулачок не более. Князь, дабы отвратить насмешки светских острословов от комичности натуры, сам в посланиях высмеивал собственную «телесную пухлость и карманную сухость». Теперь ступал по партеру, как по собственной вотчине: твёрдо, уверенно, отвешивая полупоклоны направо и налево, пока не подступился к Катенину.

— А, Павел Александрович! — провозгласил с наигранным удивлением. — Очень рад поближе познакомиться с вами. Член реперткома, руководитель драматической труппы и театрального училища, надворный советник Александр Александрович Шаховской.



Катенин сдержанно поклонился:

– Премного наслышан о ваших заслугах, князь.

– А я о ваших... увы, — мило улыбнулся тот в ответ. — А сегодня так вдруг... неожиданно-с... такой успех... кто бы мог вообразить. Поздравляю-с. Говорю совершенно искренне. Я, грешным делом, на подобное никак не рассчитывал. Не верил...

– Почему? — позвольте спросить ваше сиятельство.

– Ну как же! Когда эта грозно-таинственная комета перед самым началом представления «Ариадны» явилась вновь из мрачных глубин вселенной и озарила полнеба... предзнаменование, знаете ли, не из приятных. «Ох, это не перед добром!.. Не перед добром!..» — шептал я молитву со многими вместе.

– Премного благодарен вам, князь. За молитву.

– А вам, Павел Александрович, за трагедию. С сего дня не будьте у нас в театре на финти-финтах. Я этаких людей терпеть не могу.

– Вероятно, ваше сиятельство, не откажете включить меня в число ваших усердных почитателей и посетителей, — сказал Катенин полуутвердительно-полувопросительно.

Опытный член реперткома уловил двойственный смысл интонации молодого драматурга, сделал широкий жест и, как бы обнимая присутствующих, произнёс радушно:

– Видите, здесь все мои искренние друзья. Скажу откровенно: для каждого доброго человека в доме моём во всякое время открыта дверь. А для двуличных и неблагонамеренных людей у меня в передней, в углу, всегда стоит камышовая палка. Понимайте, как знаете.

– Спасибо за откровенность, — сухо вато поблагодарил Катенин. – Наперёд подумаю, прежде чем идти в дом с камышовой палкой в углу.

–О, вы не так и благодущны, — князь окинул подпоручика испытывающим взглядом. –С вами следует держать ухо востро.

– Каков есть, — слегка щёлкнул каблуками подпоручик. — Извините, ваше сиятельство, мне пора. Полк выступает в поход.

– Ратный труд — святое дело, — чувствовалось, Шаховской сел на любимого конька. – Я ведь говорю и утверждаю-с: доколе сохранится в русских сердцах вера к небесной и усердие к земной Троице — Церкви, Царю и Отечеству, — ничто в мире не одолеет могущества России.

Катенин не очень учтиво прервал его монолог:

– Разрешите откланяться, князь. Честь имею!..

Вспоминая то не очень добросердечное знакомство, Павел Александрович негромко забарабанил по стеклу военный марш. Тихий голос с пленительным простодушием напомнил:



– Потом, сойдясь с князем поближе, ты проникся к нему уважением, Павел. Я это чувствовала.

– Странно ты говоришь, Всемила, — еле слышно откликнулся он. — Странно и загадочно. Словно мысли мои читаешь.

– Бог даровал мне великую милость: знать мысли твои, Павел.

– Да, Всемила, всё так и было. Проникся я к князю уважением. Хотя втихомолку и подсмеивался над ним, как над отсталым профессором, хоть и разгневался он на мою дерзость, когда я решился готовить для сцены Васю Каратыгина и Сашу Колосову, но уважение моё к нему беспредельно.

Катенин прикрыл ладонью глаза — вновь ожило былое. Такое далёкое, а растревожишь память сердца — совсем близкое. Пробуждаются и оживают вечерние собрания «литературно-театрального содружества» у Шаховского «на чердаке». Шумные, громогласные, со спорами до хрипоты. Особенно Александра Грибоедова, державшегося романтизма, со страстным фанатиком французского классицизма Павлом Катениным. Наследовавший от матери-гречанки южный темперамент, Павел Александрович, порывистый и нетерпеливый, «вечно кипел, как кофейник на комфорке».

Но в один из таких вечеров Грибоедов застал Катенина необычайно расстроенным.

– Что случилось? — спросил Александр Сергеевич.

– Какой-то негодяй на прекрасную балладу Катенина «Ольга» сочинил возмутительную критику, — услышал в ответ.

– Ах, какое несчастье! — рассмеялся Грибоедов. — Да что с тобой случилось, Катенин? Неужели и ты страдаешь от глупых суждений нашей критики?

– Я бы мог постоять за себя, — пояснил Павел Александрович, — но речь не обо мне. Мне было бы стыдно иметь личную обиду. Критика на мою балладу — это нападки на всё направление.

– А я обижен! — шумно вступил в разговор князь Шаховской. — Я оскорблён. Оскорблён за искусство. Едва на нашем горизонте мелькнуло нечто русское, тотчас сыскался гусопас и пошёл поносить направо и налево.

Грибоедову показали журнал «Сын Отечества», где неведомый автор, подписавшийся «Житель Тентелевой деревни», считал стихи Катенина «оскорбляющими слух, вкус и предрассудок», завершая статью словами:

*Что вы воете не к месту?  
Песнь нескладна и дика.*

– Да русский ли он человек? — удивился Грибоедов. — Может ли русский человек не понять таких ясных строк: «Рать под звон колоколов шла почтить от



всех трудов...»? Я думаю, господа, «жителю Тентелевой деревни» следует ответить антикритикой!..

Скоро выяснилось: автором критической статьи был поэт Николай Гнедич, отлично осознававший силу слова. Это ему принадлежало выражение: «Перо писателя может быть в его руках оружием более могущественным, нежели меч в руках воина!» Силу писательского слова понимал и Грибоедов, написавший на статью Гнедича полемический ответ. Спустя 15 лет Пушкин подвёл итоги спора. В отклике на «Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина» он отмечал: «Первым замечательным произведением господина Катенина был перевод славной Бюргеровой Леноры. Она была уже известна у нас по неверному и прелестному подражанию Жуковского, который сделал из неё то же, что Байрон в своём Манфреде сделал из Фауста: ослабил дух и формы своего образца. Катенин это чувствовал и задумал показать нам Ленору в энергической красоте её первобытного создания: он написал Ольгу. Но сия простота и даже грубость выражений поразили непривычных читателей, и Гнедич взялся высказать их мнения в статье, коей несправедливость обличена была Грибоедовым».

При имени милого, вечнопамятного Пушкина удивительно просветлённое и нежное чувство коснулось души Катенина. С пронзительной ясностью припомнился день 1818 года, с раскатами грома, небывалым ливнем, с докладом слуги Митрича:

– Павел Александрович, к вам молодой человек. Весь франтоватый из себя. Пушкиным прозывается. Принимать прикажете или как?

– Пушкин? — Катенин привстал из кресла. — Непременно принимать, Митрич. Проси, голубчик. Немедленно проси.

Гость был лицом свеж, не очень улыбчив, малость стеснителен, исполнен по примете Катенина «непривычного негритянского аристократизма».

А вот юношеский восторг проявил свойский, с кологривской забубённой доверчивостью.

– Как взбунтовалась стихия, Павел Александрович. Давно над градом Петра такой грозы не прокатывалось. Истинно наша гроза.

И протянул в руки хозяина толстым концом свою трость со словами: любезный Павел Александрович, я пришёл к вам, как Диоген к Антисфену: побей, но выучи.

– Учёного учить — портить, — в тон ему ответил Катенин, приглашая в комнату.

– Не скажите. Читал ваши последние простонародные и исторические баллады. «Наташу», «Убийцу», «Певца», «Лешего», «Ольгу». Не кривя душой, заме-



чу: с удовольствием и наслаждением читал. Иные критики, правда, почитают вас более переводчиком, нежели оригинальным сочинителем, у меня же на сей предмет особое мнение.

– Такая пронизательность, Александр Сергеевич, похвальна, — взгляд Катенина был строг и серьёзен. — Все эти произведения заслуживают некоторого внимания как вещи совершенно оригинальные и ниоткуда не заимствованные. На том настаиваю-с.

Пушкин, уловив его взгляд, сказал примирительным тоном:

– Вы, Павел Александрович, скорее могли бы жаловаться на безмолвие критики, чем на её строгость или пристрастную привязчивость. Критики, по-настоящему, у нас ещё не существует... У нас и литература едва ли существует. А на нет и суда нет — говорит неоспоримая пословица.

Помолчав, спросил откровенно:

– Позвольте и мне полюбопытствовать: каковыми вам кажутся мои лицейские стихотворения?

«Экий хитрец», — подумал Катенин, вслух сказал без экивоков:

– Лёгкое дарование приметно во всех. Но хорошим почитаю только одно. И то коротенькое: «Мечты, мечты, где ваша сладость?..»

Такое откровение Пушкина развеселило:

– Ай да Катенин! Отрезвил меня! И крепко отрезвил.

И уже серьёзно:

– Искренне говорю вам: я сам того же мнения. А посему все прочие лицейские опусы обещаю вам предать вечному забвению... Как находите «Руслана и Людмилу»?

И на этот вопрос Катенин не мог покривить душой:

– Поэма прелестная. Гораздо выше ученических опытов, но и в ней много незрелого.

– Любопытно, любопытно.

– Русская старина обещана, но не представлена. Эпизод финна и Наины — искуснейший отрывок. Он выдуман хорошо, выполнен не совсем... А вспомните место, когда Руслан, потеряв меч, приезжает на старинное побоище, покрытое мёртвыми телами и оружием, и между ними ищет себе меча. Но не находит по руке и идёт дальше.

– Припоминаю. И что?

– Такой ничтожный конец после такого пышного начала крайне удивил меня. Совсем как у Горация: гора родила мышь.





Пушкин по-мальчишески покаянно опустил курчавую голову:

– Внемлю. Сознаюсь. Каюсь. Но пусть будет как есть. Авось никто не заметит. Вы ведь про то никому не скажете.

– По дружбе буду молчать. Но когда-нибудь догадаются многие.

– Надеюсь, такое время не скоро придёт, — успокоил то ли себя, то ли Катенина поэт. – У меня же к вам просьба: сведите меня с князем Шаховским. Слышал, у него по вечерам съезжается много хороших людей, наипаче молодёжи.

– Да будет вам известно, Александр Сергеевич, — Катенин, вспомнив про камышовую палку в комнате князя, озорно и хитровато глянул на Пушкина, — я прочёл князю несколько отрывков из «Руслана» и он, страстный любитель святой Руси, пришёл от них в восторг и даже просил меня привести к нему молодого поэта Пушкина.

– Так за чем же дело стало?

– За вашим маленьким грешком против Шаховского-с. Вашей маленькой эпиграммой, любезный Александр Сергеевич.

– Ах, эта, — вспомнил Пушкин. — «Угрюмых тройка есть певцов...»

– Она самая, — подтвердил Катенин. — «Шихматов, Шаховской, Шишков. / Уму есть тройка супостатов — / Шишков наш, Шаховской, Шихматов...»

– Но знаете ли, Павел Александрович, — прервал его поэт, — я слышал: князь очень хороший человек.

– Однако эпиграмму писали и распространяли — вот что плохо.

– К счастью, никто не прочёл этого школьного бумагомарания, — не очень уверенно произнёс Пушкин. Спросил с надеждой:

– Думаете, он знает что-нибудь о ней?

Катенин успокоил:

– Не знает. Иначе ответил бы непременно.

– Тем лучше. Поступим как он и никогда не будем больше говорить об этом.

С тем и раскланялись. После бывали другие встречи, «усердное» посещение Российской Академии, членами коей Катенин и Пушкин стали 7 января 1833 года, случалась пора, когда судьба «разносила» их на многие годы, но никогда сердце Павла Александровича не остужалось при мысли о друге, не туманились забвением слова благодарной памяти: «Сколько лет прошло, как ты покинул мир земной, любезный Александр Сергеевич. Давно тихую беседу нашу не оглашаешь своим байроновским пеньем. Не упрекаешь меня, что оставил поэзию — общую нашу любовницу. Не скажешь слова понимания и утешения...»



А услышать такие слова ему, отважному воину и «почётному гражданину кулис», было бы весьма желательно. Последнее время не раз и не два поэтический катенинский слог обращался в суровую прозу: «Войдите на миг в мою кожу; я хвор, все дела мои идут непутём, вся жизнь никуда не годится; пощадите меня, хоть из человеколюбия; всякая неизвестность меня тревожит, долгое молчание знакомых сокрушает, занозы самолюбия колют до крови: какая враждебная судьба всё ставит вопреки?»

— То не твои мысли, Павел, — не услышал, уловил воздушный голос Всемилы, коснувшийся светлым лучиком души его. — То взыскует твоей слабости зависть недругов твоих. Кто в самые беспросветные минуты писал, будто клялся:

*Как лебедь восстаёт белее из воды,  
Как чище золото выходит из горнила,  
Так честная душа из опыта беды —  
Гоненьем и борьбой в ней только крепнет сила?*

— Но всякие испытания имеют предел, — признался Катенин. — Не по доброй воле оставил я Преображенский полк...

— Знаю, Павел, — читала его мысли Всемила. — Знаю.

Осенним днём 1820 года великий князь Михаил Павлович неожиданно нагрянул в батальон для проведения смотра. Взбодрённый игрой музыкантов, отменно сыгравших бравый марш Преображенского полка, дружными возгласами приветствия преображенцев, великий князь поблагодарил их за службу. И тут наметанный глаз Михаила Павловича заметил неладное.

— Что такое? — спросил негромко, но требовательно. — Полковник Катенин, что это?

— Что именно, ваше высочество? — не понял полковник.

— Полюбуйтесь. На мундире унтер-офицера дыра.

— Никак нет, ваше высочество, — ответствовал Катенин убеждённо. — Это заплатка. И именно затем, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили.

— А я вам говорю, что это дыра! — возвысил голос великий князь.

— А я имею честь докладывать вашему высочеству, что именно затем и заплатка на рукаве, чтобы не было дыры, которую ваше высочество заметить изволили, — вежливо возражал полковник, но с таким выражением взгляда, который мог восприниматься дерзостью.



Великий князь, медленно выговаривая слова, сказал, будто распорядился:

– Полковник Катенин, ваш ответ достоин рапорта об отставке.

– Слушаюсь, ваше высочество, — ответил тот сухо, с плохо скрываемым вызовом.

17 сентября 1820 года отставка была принята.

...В мгновение ока перед взором мелькнула та, изоощрённо унижающая полковника Катенина, сцена. Дурно придуманная, бездарно поставленная, примитивно разыгранная, но достигшая подленькой цели: отрешить его от братства гвардейцев-преображенцев. «Ах, Всемила, — неожиданно для самого себя обратился к той, чей голос воскресил в памяти страницы его минувшей судьбы. — Если бы ты знала, как маленькие каверзы, лжи, недоброжелательства всеильны против человека обязанного или молчать, или унижаться, нарушая молчание».

Голос Всемилы молчал. За окном радужными переливами резвилась-играла утренняя заря, освежая душу желанным покоем и лирическим благодушием. Даже слова явились, созвучные такому настроению:

*Милый! Не сетуй напрасно; жалобой строгой  
Должен ли ты винить богов благодатных...  
Их ли вина, что терпишь ты многие скорби?..*

– Ба! — припомнил вдруг, — да ведь они родились сорок лет с гаком тому назад. Здесь, на этой земле, когда, опять же, по высочайшему повелению полковника Катенина вынудили укрыться «в наследии предков». А началось всё на представлении трагедии В. Озерова «Поликсена» 18 сентября 1822 года. Известная актриса императорского театра Екатерина Семёнова готовила молодую Марию Азаревичеву, Катенин же занимался с Василием Каратыгиным, игравшим в тот вечер Пирра с Семёновой, исполнявшей роль Якубы. Когда занавес опустился, публика стала вызывать Каратыгина. Семёнова, привыкшая разыгрывать сценическую повелительницу, вывела Азаревичеву. Послышались крики: «Азаревичеву не надо!..», а Катенин громко заметил: «Не следовало Азаревичевой выходить, никто её не звал, и это дерзость со стороны Семёновой — смеяться над публикой». В тот же вечер слова его передали «первой актрисе», как это часто бывает, с ненужными прибавлениями.

Генерал-губернатор граф М.А. Милорадович в официальном донесении Александру I сообщал, что «по окончании спектакля публика вызывала Семёнову... Некоторые голоса вызывали новую дебютантку — воспитанницу театральной школы Азаревичеву... Отставной полковник Катенин кричал: «Каратыгина!.. Не надобно нам их, дайте нам Каратыгина!» Встал из кресла и махал



руками, повторяя сие с криком несколько раз». Император Александр I, прочтя записку графа Милорадовича о неприличном поступке полковника Катенина, припомнил, что «господин Катенин и напредь сего замечен был неоднократно с невыгодной стороны и потому удалён из лейб-гвардии Преображенского полка», а посему повелел «выслать господина Катенина из Петербурга, с запрещением въезжать в обе столицы без высочайшего на то разрешения».

И Павел Александрович выехал в свою деревню Шаёво, «страну медведей», как горько шутил, где прожил три года, разлученный со столицей, театром, литературными друзьями.

Но не забывали «шаёвского затворника», страдающего «неизлечимой болезнью говорить правду», верные друзья. «Любезный Павел Александрович, — подавал голос Александр Грибоедов. — Жаль, что не могу попасть к тебе в Кострому, а так давно собираюсь!.. В Париже вышли о тебе отзывы, исполненные уважения; в театре превозносят Каратыгина, а тебе приписывают развитие его дарования».

Пушкин, узнав, какая императорская немилость постигла Катенина, живо откликнулся на его беду, признаваясь, что дружба их «основана не на одинаковом образе мыслей, но на любви к одинаковым занятиям...» А паче того, поэт желал слышать критическое слово друга: «Голос истинной критики необходим у нас; кому же, как не тебе, забрать в руки общее мнение и дать нашей словесности новое, истинное направление? Покамест, кроме тебя, нет у нас критика».

В октябре 1824 года Александр I, направляясь из Вятки в Петербург, заглянул в Кологривский уезд с тайным желанием повидать Катенина. Однако встреча с опальным «вольнодумцем» не состоялась. Павел Александрович намеренно уклонился от встречи с императором, уехав из дома. Такая «выходка» строптивного и несговорчивого смутьяна Катенина пришлась Александру Благословенному не по душе, хотя он о том не распространялся. Целый год после того оставался «шаёвским ссыльником» Павел Катенин, который «книги читал по-английски, французски, но пел и смеялся, и плакал по-русски».

Катенин крепко смежил веки, желая отстраниться от растревоженных воспоминанием сцен незадачливой судьбы и вслушиваясь в набравшую лад и склад соловьиною песенную мелодию. К его удивлению, в ней неожиданно почудились иные ритмы: светлые, зовущие, бравурные.

— Всемила, узнаёшь? — спросил с волнением. И вновь не дождался ответа. — То мой Преображенский полк возвращается с учений. Если бы ты знала, как щемит сердце, когда слышу военную музыку. Если бы ты знала!.. Нет, тебе не понять, — закрыв лицо руками, склонился над недавно исписанным листом: «Павел, сын Александров, из роду Катениных...» Плечи его вздрагивали.



Пробудился от глубокой дрёмы, ничего понять не мог.

— Что за наваждение?.. Сон?.. Явь?

Со двора послышался скрип отворяемых ворот, лошадиный храп, негромкий говор. Часы пробили три четверти одиннадцатого. Кликнул слугу.

— Чего изволите, барин? — спросил вошедший.

— Сколько раз внушать: не зови меня барином, — осерчал Катенин. — Что за день сегодня?

— Ваш любимый, Павел Александрович. Весенний Никола.

— Теперь у меня все дни любимые, — невесело пошутил Катенин. — Узнай, кому в такую рань неймётся? Кто приехал?

— Сосед ваш. Молодой Писемский. Лексей Феофилактыч. Да стряпчий Нивин. Ваш читательский поклонник.

— Спасибо, соседи не забывают, — усмехнулся Катенин. — Проси сюда.

Явились незваные гости. Принаряженные. Малость торжественные, пробудившие своим приходом сонливый покой барского дома.

Катенин, встречая Алексея Писемского, пожурил незлобливо:

— Гордый, сосед. Гордый, — пожимая руку Нивина, пояснил: — Впрочем, иначе и нельзя. Сочинитель ведь, — дружески подмигнул Алексею. — Рад видеть. Потрудитесь, как говорят, отдохнуть. Я, с вашего великодушного позволения, ненадолго удалюсь. Неуютно, знаете ли, чувствую себя в домашней амуниции перед дорогими гостями, — и вышел.

Алексей Писемский, бывавший здесь с папашей ещё в студенческую пору, как и прежде, подивился книжному богатству соседа. Поэзия, история, драматургия, философия, богословие, естественные и точные науки, всё лучшее, написанное и изданное человечеством, нашло место на этих полках.

— Он принадлежит к французским энциклопедистам, — уважительно заметил Алексей, рассматривая корешки фолиантов.

— Надо быть так, — живо подтвердил Нивин. — Даже песню, говорят, сочинил на французский манер. С крамольным припевом: «Свобода, свобода, ты царствуй над нами! Ах, лучше смерть, чем жить рабами!..» Ещё при покойном при государе Александре Павловиче то было. И с декабристами дружбу имел.

— Имел, — подтвердил Алексей. — Папаша сказывал, что в последний момент как-то перессорился с ними. Государь, получив список всех, вышедших на Сенатскую площадь, спросил: «Катенин тут, в числе их?» — «Нет», — ответили ему. «И слава богу», — сказал государь, предложив Катенину быть зачисленным флигель-адъютантом. Тот ни в какую: я, мол, желаю служить отечеству, а



не на паркете. Его и сослали на Кавказ: служи там отечеству. Но чем не угодил своей службой на Кавказе — для меня загадка.

— Гонором! — Нивин даже развеселился. — Своим гонором! Начальник края прислал ему книгу дневную, дабы записывать в неё, что делал и чем занимался. Он и пишет: сегодня занимался размышлением о выгодах моего любезного отечества. На следующий день: отдыхал от сих мыслей. Таким манером всю книгу исписал. Ему дали генерал-майора и прогнали в отставку. Теперь вот сидит, разглагольствует, в коляске барином раскатывает. Но душой широк. И весьма. Как квочка о цыплятах, так он о крестьянах заботится. Три хлебобобнейших усадьбы, а зерна — шаром покати. Только на семена велит оставить, остальное — бедным раздаёт.

Тут весело и стремительно вошёл генерал. В черкеске, синих брюках с позументовыми лампасами, попыхивая трубочкой. И сразу к Писемскому:

— Какую же, молодой человек, вы присмотрели себе службу?

— Штатскую-с, — не задумываясь, ответил Алексей. — Что нынче служба военная? Пустой блеск один.

— Не скажите, — горячо возразил Катенин. — Когда в двенадцатом году моя мать узнала, что я поступил солдатом в полк, она встала на колени и перекрестилась: «Благодарю тебя, Боже. Я узнаю в нём сына моего!» Вот что такое военная служба.

Алексей, желая изменить тему, дал разговору иное направление:

— Какая досада, что в Москве давно не играют на театрах Корнеля и Расина в ваших переводах.

— И в Петербурге, — печально откликнулся шестидесятилетний генерал. — И в Петербурге. Играют всякую дребедень, а что поумней — не позволяют. Этакое бесценное богатство... не позволяют, — Катенин, как командир перед солдатским строем, медленно вышагивал перед книжными рядами своей библиотеки.

— Нынче Гоголя больше играют, — заметил Писемский.

— Гоголя? — Катенин будто наткнулся на невидимую преграду. — O, mon Dieu, mon Dieu! (О, Боже мой, Боже мой!) У вашего Гоголя на сцене ругаются неприличными словами... расквашивают себе носы... валяются!.. Ещё Грибоедову говорил: «Зачем, милый мой, ты шлёпнул на пол Репетилова — разве это смешно?..» В комедии прежде всего должен быть ум, острова, знание сердца человеческого...

— Ваше превосходительство, — несмело вставил слово Нивин. — Днями я читал описание Гоголем городничего — прекрасно написано, верно и справедливо.

— O, mon Dieu, mon Dieu! — снова воскликнул Катенин, закатывая глаза. После чего неожиданно развёл руки в стороны, точно городничий в немой сцене «Ревизора», после чего громко крикнул в распахнутое окно:



— Коляску и верховых! Живо!

Тот же миг к крыльцу подали коляску, запряжённую четвёркой шустрых жеребцов. Пять человек, одетых в черкесские чепаны и с нагайками, ждали команды генерала.

— Куда это мы? — подал голос Нивин.

— К мужикам. На праздник, — ответил Катенин, и усаживаясь в коляску, приказал: «Пошёл!»

С гиком и свистом понеслась она той самой птицей, какая пробуждала душевный восторг и удивление писателя Гоголя, к которому Павел Катенин так и не преодолел своего саркастического предубеждения. Спустя век после того весеннего дня образ Катенина, этого противоречивого и своевольного человека, отважного воина и талантливого литератора, воскреснет в памяти его земляков, и родятся слова, освящённые вольнолюбием, беззаветной любовью к любезному Отечеству, неизбывным жизненным оптимизмом и творческим даром русской природы.

*Заложешь, бывало, гривастых четвёрку,  
Да выпьешь по-русски и таким чёртом —  
В папахе и бурке — одетый черкесом —  
Летишь ошалело то полем, то лесом.  
Летишь загулявшим с тоски дворянином,  
А мимо Россия, с дымком над овином,  
С крестом над горой и с костром под обрывом,  
С её Костромой, Чухломой, Кологривом...  
Мелькают кусты да столбы верстовые,  
Звенит колокольчик и будит Россию.*

Там, где дорога спускалась под гору, четвёрка гривастых, слыша знакомое «Пошёл!», понесла что есть мочи. Проезжая мосток с выщербленными досками, коляска опрокинулась. С трудом поднялся Павел Катенин с земли, улыбнулся: «Подшутил над нами Никола!» И услышал в ответ голос Всемилы: «Павел, сын Александров, из рода Катениных, честно отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой, в Кульме бился насмерть, но судьба его пощадила. Зла не творил никому, и менее добра, чем хотелось».

Две недели спустя, 23 мая 1853 года, кологривские соловьи отпели свои песни Павлу Катенину, а те слова, как и герб рода Катениных, выбили на чугунном кресте, установив его в селе Борево у Богоявленской церкви. Здесь, между могилами родных, обрёл последний приют тот самый Катенин, который на склоне лет жил надеждой: «Читатель мой! Хотя б всего один нашёлся ты в России просвещённой!»

**ТАКОЙ КАЛАНЧИ У МЕНЯ НЕТ...**

7 октября 1834 года в 5 часов вечера в Кострому из Ярославля прибыл Император Николай Павлович. Его открытая коляска стремительно промчалась сквозь расступившиеся толпы народа и остановилась у Екатерининских ворот Ипатьевского монастыря, где ожидали прибытия Его величества с 2-х часов дня. По окончании осмотра мест, освящённых воспоминаниями о первом избраннике русского народа царя Михаила Фёдоровича Романова, Николай Павлович, сопровождаемый тысячами костромичей, прибыл в дом генерал-лейтенанта Сергея Семёновича Борщова,

где губернатор Александр Григорьевич Приклонский имел счастье встретить Николая Первого у входа в квартиру.

Отличная осенняя погода способствовала тому, что множество народа, заполнившего Сусанинскую площадь и прилегающие улицы, гуляло всю ночь, провозглашая здравицы в честь Его величества.

На другой день, после посещения Успенского собора, Николай Павлович отправился обозревать общественные заведения: острог, лазарет, канцелярское училище, инвалидный дом и везде нашёл порядок и благоустройство.

В 12 часов дня Государь осчастливил своим посещением Костромскую губернскую гимназию. Когда высокого гостя препроводили в 3-й класс, он произнёс, обращаясь к ученикам: «Здравствуйте, дети!», на что услышал в ответ дружное и единодушное восклицание «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству!» Во 2-м классе Николай Павлович, выслушав приветствие учеников, с улыбкой сказал: «Это будущие мои гренадеры!» Ещё большего внимания Императора заслужили первоклассники своей опрятностью и единой форменной одеждой. Обращаясь к графу Бенкендорфу, он с удовлетворением отметил: «Какой бравый народ!»

В 5-м классе граф Бенкендорф доложил Императору, что здесь учится талантливый мальчик-математик Рогозин, о котором прежде доводилось до сведения Его Величества. Николай Первый приказал в своём присутствии провести испытание Рогозина и предложил ему решить такую задачу: некоему лицу следует выдать 78 рублей, имея в наличии 3-х и 5-ти рублёвые монеты. Сколько требуется выдать тех и других, чтобы получить означенную сумму? Дабы не смущать юного математика своим присутствием, Государь заслонил лицо своё шляпою и, обратившись к прусскому полковнику Рауху, на французском языке объяснил ему содержание и трудность задачи. Однако Рогозин разрешил её довольно скоро и весьма удовлетворительно, после чего Его Величество приказал губернатору положить на имя мальчика 1000 рублей, и добавил: «Я возьму его в академию и отдам на руки одному





из профессоров, - а теперь, - обратился он к директору гимназии, - ты возьми этого мальчика к себе и воспитывай... неучёного стыдно представить в академию». Так, согласно Высочайшей воле с 8 октября 1834 года пятиклассник Рогозин поступил на полное содержание директора гимназии.

Вечером весь город был иллюминирован, но особенно красиво и изящно, стараниями архитектора Фурсова, была освещена каланча. Государь долго стоял и любовался ею, после чего сказал: «Такой каланчи у меня в Петербурге нет».

Утром 9 октября Николай Павлович, выходя из своих покоев, милостиво поздоровался с губернатором Приклонским. Затем подозвал графа Бенкендорфа и распорядился: «Скажи Позену (правителю походной Государевой канцелярии), чтобы он вручил губернатору орден прежде, чем тот выйдет из этого дома».

Спустя пятнадцать минут, при выходе Николая Павловича для осмотра Костромского батальона внутренней стражи, статский советник Позен поднёс губернатору Приклонскому орден Святого Владимира III степени, а хозяину Царской квартиры генерал-лейтенанту Борцову Государь подарил золотую табакерку с вензелевым изображением Имени Его Величества.

В 9 часов утра, при громогласных криках «Ура!» и колокольном звоне всех церквей города, Государь Император отправился из Костромы в Нижний Новгород, сказав на прощанье: «Я видел такую приверженность, любовь и усердие народное только в Риге и Костроме».

Спустя десять дней губернатор получил предписание Министра Внутренних Дел, в котором сообщалось, что Государь Император в Высочайшее путешествие по Костромской губернии, и пребывание в Костроме при обозрении богоугодных и прочих заведений, нашёл их, как и сам город, «в порядке и чистоте». Что касается губернской дороги, то находится она «в самом прелестном виде и исправности и, после Московского шоссе, первая в России». По сему Его Императорское Величество соизволил объявить губернатору особенную Монаршую милость.

Пройдут годы, и безвестный костромской стихотворец вспомнит те незабываемые октябрьские дни 1834 года и воскликнет с горячим патриотическим чувством:

*Так пусть растёт Твоя твердыня,  
Как при отцах и дедах, встарь,  
Надежда наша и Святыня,  
Боготворимый русский Царь!*

*Пусть Русь в довольстве процветает,  
И над Отчизною святой  
Пусть Дом Романовых сияет  
Неугасимую звездой!*



## РУССКИЙ ЮВЕНАЛ



1 сентября 1828 года Александр Сергеевич Пушкин писал из Петербурга князю Петру Андреевичу Вяземскому: "Ты зовёшь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее: прямо, прямо на восток. Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец "Гаврилиада", приписывают её мне, донесли на меня и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если князь Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность... Это да будет между нами". Вяземский воспринял письмо Пушкина в том смысле, что следует пустить слух о

принадлежности кощунственно-скандальной "Гаврилиады", ходившей в рукописях, князю Горчакову и даже будто бы поддержал такую версию.

Пушкин же в следственной комиссии его императорского величества от авторства "Гаврилиады" отказался, после чего Николай Первый приказал графу Петру Алексеевичу Толстому:

– Призвать Пушкина к себе и сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но я желаю, чтобы он помог правительству открыть, кто мог сочинить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем.

Поставленный таким образом в чрезвычайно щекотливое положение, Александр Сергеевич пожелал написать государю лично. Письмо тут же запечатал и вручил графу Толстому. Следствием этого необычайного разбирательства стала резолюция Николая Первого: "Мне это дело подробно известно и совершенно кончено. 31 декабря 1828 года".

О содержании того пушкинского письма высказывали разные предположения: мол, поэт от "Гаврилиады" отказался вторично. Другие настаивали: Александр Сергеевич в своём авторстве признался, но признался, как бы лично государю, сделав его тем самым и хранителем своей тайны.

В связи с литературными и журнальными спорами той давней поры, сегодня возникает и другой вопрос: а кто, собственно, князь Горчаков, имя которого с такой привычностью поминалось лучшими умами России пушкинской поры?

Князь Дмитрий Петрович Горчаков родился 1 января 1758 года в Костромском уезде Костромской губернии в семье небогатого дворянина Петра Ивановича Горчакова, принадлежащего к старинному княжескому роду. Будучи единственным сыном в семье, получил прекрасное домашнее образование, владел французским и немецким языками, интересовался философией, есте-



ственными науками. Юношей поступил на военную службу, став адъютантом Павла Сергеевича Гагарина, известного в то время поэта и переводчика. После служил капитаном в корпусе войск на Кубани, заслужив особое внимание и благоволение Александра Васильевича Суворова.

В 1780-м князь Горчаков в чине секунд-майора вышел в отставку и подался в свои костромские и тульские имения, где неожиданно обнаружил незаурядные способности к организации сельского хозяйства, наладив здесь переработку льна во "фламандское полотно". Результаты деятельности князя на сельскохозяйственном поприще были столь успешными, что он скоро стал затовариваться готовой продукцией. Для сбыта её самолично отправился в армию, действующую тогда против турок. Встретив там своего бывшего начальника - полководца Суворова, Дмитрий Петрович махнул рукой на хозяйственные дела, вновь вступил в армию и принял участие в знаменитом штурме Измаила 1790 года. Там получил тяжёлое ранение руки, от которого страдал потом всю жизнь, а так же орден св. Владимира 4-й степени с бантом.

После того князь Горчаков служил таврическим губернским прокурором, правителем дел Мордовской армии при главнокомандующем Михаиле Илларионовиче Кутузове, с которым в 1812-м возвратился в Петербург.

С 1813-го по 1816-й он занимает должности вице-губернатора и исполняющего обязанности губернатора в Костроме. Выйдя в отставку, переезжает в Москву, где и завершает свой жизненный путь 19 ноября 1824 года шестидесяти шести лет от роду.

Внучка князя Елена Горчакова потом вспоминала: дед её не обладал ни терпением, ни выносливостью. Увлекался то военной службой, то сельским хозяйством. Дважды выходил в отставку и, несмотря на личную храбрость и деловые достоинства, кончил службу в чине коллежского советника.

Литературой Дмитрию Петрович также занимался отрывками: от опер переходил к сатирам, писал повести и поэмы, большая часть которых осталась неизданной. Сказались как его беспечность и равнодушие к литературной славе, так и присутствие в стихах приличного количества "прямых и косвенных намёков на известные личности".

Впервые имя Дмитрия Горчакова в печати и на театральной афише появилось в 1785-м, когда были опубликованы и поставлены комические оперы 28-летнего автора "Калиф на час", "Баба Яга", "Счастливая Тоня", в которых, по мнению критиков, нашли отражение "черты аристократического искусства". А если вспомнить, что незадолго до того с небывалым успехом состоялась премьера комической оперы земляка князя Горчакова Александра Аблесимова "Мельник - колдун, обманщик и сват", признанной "прекрасным народным во-



девилем", то станет понятным, почему печатные отзывы были не в пользу князя-драматурга. В одной из рецензий отмечалось: "Екатерина Вторая, князь Горчаков и другие подобные им авторы черпают сюжеты для своих опер в сказках, в современной повествовательной печатной и рукописной литературе. Однако фольклорные мотивы в этих операх лишены подлинности, представляют собой искусственную стилизацию, нагромождение самых диковинных и фантастических приключений, служащих исключительно развлекательным целям".

И всё же оперы князя Горчакова отличались от творений "матушки Екатерины" и других представителей "аристократического искусства" ярко выраженной сатирической направленностью. Вот как пелось в комической опере "Калиф на час" о судьях-плутягах:

*Ваши души будто крюки,  
Попадися к вам лишь в руки, -  
Рады кожу вы содрать.  
Вас не тронут токи слезны,  
И у вас сердца железны  
Любят только взятки брать.*

Особым успехом пользовались сатиры и эпиграммы Дмитрия Петровича. Они редко печатались, но широко распространялись в рукописях, охотно переписывались в заветные альбомы. Наибольшей известностью пользовалось послание "Князю Сергею Николаевичу Долгорукому", в котором Горчаков обвинял русское общество в отсутствии национальной гордости, низкопоклонстве перед иноземными нравами и обычаями, жалея о том, что блестящие представители народа, "сок умной молодёжи" являлись "франтами французского фасона на русской подкладке".

Уже в начале XIX столетия за Дмитрием Петровичем закрепилась репутация "РУССКОГО ЮВЕНАЛА", о чём свидетельствует аттестация, полученная им на страницах "Парнасского адрес-календаря". Запись под номером три за 1818-1822 г.г. гласит: "Кн. Д.П. Горчаков действительный поэт, экзекутор при наказании сатирическим бичём разврата, ябеды и грабительства, имеет в петличке лавровый лист с надписью "За сатиры".

Член Российской Академии по разряду изящной словесности и Общества "Беседы любителей русского слова", Дмитрий Петрович всегда слыл ярким вольнодумцем, побуждая современников присылать ему свои наиболее резкие поэтические произведения, и когда разгорелся спор по поводу авторской принадлежности "Гаврииады", многие сходились во мнении, что Пушкин попытался воспользоваться именем "Русского Ювенала", выдавая свою "Гаврииаду" за со-



чинение не так давно скончавшегося князя Горчакова, с творчеством которого познакомился ещё в лицейские годы. Правда, поэт не знал, что князь присутствовал на публичном экзамене 1815 года, когда юного поэта заметил "старик Державин". Это Горчакову Александр Сергеевич посвятил строки в своём лицейском стихотворении "Городок":

*О, князь, наперсник муз,  
Люблю твои забавы,  
Люблю твой колкий стих  
В посланиях твоих,  
В сатире - знанье света  
И слога чистоту,  
И в резвости куплета  
Игриву остроту...*

В рецензии на сочинения князя Горчакова, изданные единственный раз его внучкой в 1890 году, журнал "Исторический вестник" писал: "Князь Горчаков сыграл довольно видную роль в нашей литературе, при изучении которой необходимо располагать возможно полным собранием его сочинений".

Однако полного собрания его сочинений с тех пор не появлялось, да и "неполное" не переиздавалось. Так что судьба творческого наследия князя сродни не очень удачливой судьбе самого автора. Впрочем, в том никого не винил, в "Исповеди перед смертью" признавался:

*Я пышность и чины считал за вздорный сон,  
В них видел глупости сугубую причину,  
Терзался, слушая вседневно бедных стон,  
И бесконечную зря в мире зол пучину...*

*Свет солнечный теперь в последний видя раз,  
Я к смертному одру спокойно приближаюсь;  
Не страшен для меня, приятен смерти час,  
И я без робости на век уничтожаюсь.*

"Русский Ювенал" жил надеждой, что "уничтожается" лишь на век, после чего имя его воскреснет из небытия. Возможно он прав, и пришло время вспомнить добрым словом князя Дмитрия Петровича Горчакова, старейшего русского сатирика, которого Пушкин называл "наперсником муз", а проще говоря поэтом, заслужившим их особое доверие.



## ПАМЯТНИК, СУСАНИНА ДОСТОЙНЫЙ



В 1834 году, после посещения Костромы Николаем I, среди дворянства и местной интеллигенции зародилась мысль о сооружении памятника Ивану Сусанину – спасителю Родоначальника Царствующего Дома. Монумент предполагалось воздвигнуть на территории Ипатьевского монастыря, но император, узнав об этом, выразил желание, чтобы памятник царю Михаилу Фёдоровичу и крестьянину Сусанину поставили непременно в центре Костромы, и распорядился: "Когда будут собраны деньги и составлен план памятника, тогда представить на

моё утверждение".

На совещании костромского дворянства протоиерей Успенского собора Иаков Арсеньев произнёс пламенную речь, закончив её словами:

– Не угашайте духа вашего, государи, при сём похвальном вашем предприятии; воспламеняйте сию искру, зароненную в благородных сердцах ваших. Пусть она возгорится и к чести вашей, и ко благу потомства вашего...

Поначалу хотели воздвигнуть два памятника: монарху и его спасителю, но в 1838 году было получено высочайшее повеление Николая Павловича предписывающее: "Соединить суммы, собираемые для памятников царю Михаилу Фёдоровичу... и поселянину Сусанину... и употребить для сооружения одного памятника по рисунку, составленному в академии художеств художником В.И. Демут-Малиновским..."

Пять лет спустя, 2 августа 1843 года, произошла торжественная закладка фундамента на площади Екатерининской, получившей название Сусанинской. Купец Ермолин, один из потомков знаменитых костромских кирпичников, специально по этому случаю приготовил 100 000 кирпича-железняка, самого лучшего, доброго и крепкого.

А ещё через восемь лет в Кострому пришло соизволение Николая I открыть памятник 14 марта 1851 года. Ради такого события дворянское собрание постановило: "Дабы драгоценное для каждого гражданина в память незабываемого отечественного события торжество совершить приличным образом, следует произвести расходу из сумм дворянства до 2500 рублей". Сумма эта предназначалась для найма квартир приглашенным в Кострому потомкам Сусанина, крестьянам села Домнина, на иллюминацию, приглашение из Ярославля пехотного полка, хора и оркестра.



Историческая церемония началась 14 марта в 9 часов 30 минут литургией в Успенском соборе, по окончании которой крестный ход направился на Сусанинскую площадь. Крыши окружающих площадь гостиных дворов и зданий, балконы и окна были буквально унижены зрителями, собравшихся было более 3000 человек. Наконец по знаку генерал-губернатора Ивана Васильевича Каменского покров, закрывавший памятник, упал и перед костромичами и многочисленными высокими гостями предстал величественный монумент царю и его спасителю. Военный оркестр заиграл "Боже, Царя храни".

По окончании торжества потомки и земляки Ивана Сусанина были приглашены в дом купца Первушина, где для них устраивался обед. Зал украшали портреты и сложенные из оружия вензеля императора Николая Павловича и царя Михаила Фёдоровича, а также картина, изображающая подвиг Ивана Сусанина. По углам зала в пирамидах высились бархатные шапки, опущённые мехом, с серебряным позументом, на котором вышита дата открытия памятника: "14 марта 1851 года".

Посуда на обеде была вся русская, деревянная. Чашки, тарелки, стаканы, кружки с позолоченными клеймами. Ложки и черенки у ножей и вилок также были вызолочены. По окончании обеда каждому гостю на память преподнесли бархатные шапки, посуду, из которой они ели и пили, и по кульку, сшитому из малинового бархата с золотыми звёздами, наполненному разными сладостями.

Нижним же чинам, находившимся в строю, комиссионером костромского питейного откупа, полковником Шиповым, отпущено было по фунту рыбы и по две чарки вина на человека.

Весь день над городом не смолкал колокольный звон, а сам памятник и улицы города украшала праздничная иллюминация.

Так 14 марта 1851 года костромичи встретили тот знаменательный не только для Костромы, но и для всей России день.

Хотя некоторые считали, что самым надёжным памятником патриоту земли русской будет память народная. В стихотворении "На памятник, сооружаемый Сусанину" поэтесса Евдокия Петровна Растопчина писала:

*"Тебе-ль чугун, тебе ли мрамор ставить,  
Сусанин, доблестный и верный гражданин,  
Святой Руси достойный сын?..  
Тебя ли можем мы чрез памятник прославить?  
Увековечим ли тебя в стране твоей*



*Деяньем рук и грудями камней?..  
Чугун расплавится... полудня мрамор белый  
Раздробят долгие морозы русских зим...  
Есть памятник иной; он твёрд, несокрушим,  
Он силен и велик, как ты, Сусанин смелый!  
Сей вечный памятник давно сооружён  
Тебе в сердцах признательных потомков...  
Вот памятник, Сусанина достойный!*

В 1918 году, в азарте революционной борьбы, тот памятник Демут-Малиновского порушили, и ныне в частном дворе на ул. Горной можно увидеть склонённый до земли гранитный столп, смиренно и безропотно ожидающий своей дальнейшей участи.







## БЕДСТВЕННЫЕ ВРЕМЕНА



1847 год был одним из самых несчастных для Костромы, так как в течение одной недели четыре пожара опустошили лучшие улицы города, оставив многих людей без крова и имущества. Слухи о том, что Кострома скоро сгорит, стали появляться в начале сентября, но поскольку никаких доказательств таким домыслам не было, ни городские чиновники, ни жители на угрожающие вести не обратили внимания. И вдруг с 5 на 6 сентября в 2 часа ночи пожар вспыхнул на улице Никольской во дворах купца Энгерта и крестьянина Литова. Огонь в один час охватил 9 каменных домов и в это же время неожиданно

загорелся склад дров на берегу реки Костромы, находящийся от начала пожара в полутора верстах. Кто-то пустил слух, что загорелась Ипатьевская слобода и Нижняя Дебря, расположенные в совершенно противоположных концах города. Народ, поражённый зловещими сообщениями, стал действовать несогласованно, и опустошительная огненная лава, преодолев Марьинскую, Павловскую и Еленинкую улицы, перекинулась на Пятницкую, Царевскую, Кадыевскую и Спасскую. В 7 часов утра вспыхнуло здание Богоявленского монастыря. Кажется, здесь пожар потерял свою былую силу, но налетевший сильный ветер снова раздул пламя в догоравших зданиях. Меньше чем за 10 часов огонь уничтожил 118 домов и Богоявленский монастырь.

В городе чувствовалось волнение. Многие высказывали предположение, что это дело рук злодеев-поджигателей. Гражданский губернатор Константин Никифорович Григорьев старался успокоить жителей, но 9 сентября вспыхнул флигель и дом Зворыкиных. Подметные письма, грозившие новыми несчастьями, сообщали, что 10 сентября в 8 часов вечера на Русиной улице случится пожар. И действительно, в этот день без четверти 7 часов вечера загорелся дом во дворе Потоцкой. Этот пожар, предсказанный с такой точностью, поселил в сердцах костромичей уверенность в демонической дерзости неуловимых злодеев.

Город опустел. Как доносил губернатор на Высочайшее имя, «уныние, навешенное поджигательством, столь велико, что не только погоревшие, но и жители домов, уцелевших от пожаров, выбрались на берег Волги, где ночуют под открытым небом». Кострому разделили на участки, которые приняли под своё попечительство известные лица города: по ночам каждый из них с патрулем несколько раз объезжал свой участок. К тому же каждый дом охранялся или самим хозяином или его прислугой.

Но тревога не покидала костромичей. Многие стали в открытую говорить, что виновниками настоящего бедствия являются поляки, проживающие здесь. Поводом к подозрениям было то обстоятельство, что за месяц до пожаров в Ко-



строму привезли барельефы для памятника Ивану Сусанину, на одном из которых изображались поляки, убивающие патриота земли русской. Сыскался тут и мальчик Богомолов, который будто бы был свидетелем заговора в кружке местных поляков, где слышал такие слова: «надо же помянуть Сусанина». А так же вопрос: «Когда же начнём поминать Сусанина?» А унтер-офицер Ярошевич, якобы, уговаривал нижних чинов «выжечь» Кострому.

И хотя никаких прямых доказательств эти неясные подозрения не имели, следственная комиссия произвела несколько арестов поляков, подозреваемых в поджогах. Однако император Николай Павлович принял решение командировать в Кострому для принятия участия в следственных делах лиц, «свободных от слухов стоустой молвы и от мелкого мирка глухой провинции». Эти новые лица установили, что польские нижние чины принимали весьма деятельное участие в тушении пожара, к тому же они обнаружили, что «губернатор был сам увлечён молвою», и что некоторые арестованные, чтобы «исторгнуть у них признание», были при допросах наказываемы розгами, а иных водили по городу под конвоем солдат и жандармов.

Получив такие сведения, Государь был крайне возмущен. Во имя справедливости, забыв недавнее польское восстание, Николай Павлович принял сторону поляков и на рапорте из Костромы 28 октября 1847 года положил резолюцию: «Представить сегодня же в комитет министров и послать фельдъегеря арестовать губернатора и привезть сюда, где и отдать военному суду...» В тоже время на управление губернией вступил внук знаменитого Суворова, генерал-адъютант князь Италийский, граф Александр Аркадьевич Суворов-Рымникский, принявший дела 5 ноября.

Скоро призрак мнимого польского заговора рассеялся. Губернатор Григорьев, введённый в заблуждение и, по словам журнала «Исторический Вестник», сильно поверивший афоризму «глас народа - глас Божий», превысил свою власть и очутился под строгим военным судом, окончившимся для него вполне благополучно.

Его приемник граф Суворов-Рымникский предпринял всё возможное, чтобы успокоить жителей Костромы и восстановить нормальный ход жизни.

Отовсюду в комитет для погорельцев поступали деньги, теплая одежда, обувь, другие необходимые вещи. Кинишемский городской голова Поленов пожертвовал 85 мешков, девять пудов каждый, ржаной муки. Известный костромской благодетель Платон Васильевич Голубков пожертвовал 3000 рублей для разорившихся жителей города и 1000 рублей на восстановление церкви Святой Троицы. Наиболее нуждающимся раздавались денежные пособия, пожертвованные Императором Николаем Павловичем, в сумме 7500 рублей.

Как всегда, в самые бедственные и трудные времена, костромичи стояли заодно, помогая и поддерживая друг друга.



## КАК ЛУЧ ИЗ ОБЛАКОВ



Уже первой своей "пьесой жизни" А.Н. Островский околдовал, очаровал и восхитил скупого на похвалы, не очень-то богатого грамотностью, правдолюбиво-сермяжного русского мужика. Именно после знакомства с Островским тот вдруг заговорил языком внятным, требовательным. Александр Николаевич сердцем чувствовал тот требовательный голос и, садясь за письменный стол, волновался, переживал: как бы не обмануть надежд его, не покривить душой, не обмишуриться. Про костромичей и говорить нечего. Они всегда были для него мерилom жизненной крепости, совестливости, трудолюбия. Хотя сами о том ни сном, ни духом не ведали. Никакого представления не имели, что где-то там, в Замоскворечье, родился Саша Островский, надумавший писать пьесы. Он же о них знал. И переживал: признают за своего - не признают.

В первый свой приезд весной 1848 года 25-летний Александр Островский восхитился здешним краем, его "обильными горами и водами", народом этой земли: и сильным, и красивым, и откровенным, и обязательным, с вольным умом и душой нараспашку. "Это земляки мои возлюбленные, с которыми я, кажется, сойдуь хорошо", - записал в дневнике будущий драматург, памятуя о том, что семейная родословная зачиналась на этой земле, в селе Остров, где жили его предки и откуда пошла фамилия Островских. Чувство родства, духовной близости, сопричастности с судьбами героев Островского, зарождённое у "земляков возлюбленных" с первых представлений его пьес на костромской сцене, не оставляло потом их сердца никогда. Спектакли "Не в свои сани не садись" и "Бедность не порок", поставленные в 1855 году, породили у костромичей поистине безмерную и чистосердечную любовь к их автору. Как пояснял "Поволжский вестник" в 1911 году: "Нам, костромичам, должен быть особенно дорог Островский, во-первых, как местный уроженец, во-вторых, потому, что все типы произведений известного драматурга взяты из нашего края, прошлой нашей жизни". Хотя не являлось тайной, что из 47 оригинальных пьес 30 изображают нравы и типы Москвы, а материалом для 17, связанных с провинциальным русским житьём-бытьём, послужили наблюдения жизни не только костромского края.

С появлением "Грозы" костромичи в один голос заявили: это про наших Клыковых. Про тех самых мучных торговцев, в семье которых молодая костромская мещанка Александра Клыкова, доведённая до отчаяния ревностью



мужа и преследованиями свекрови, утопилась в Волге. То дело взволновало весь город, Клыковых арестовали, но позднее освободили. Народ же остался при своём мнении.

Учёные мужи доказывали, что Александра Клыкова покончила жизнь самоубийством 10 ноября 1859 года, а Островский закончил пьесу 9 октября того же года, то есть за месяц до костромской трагедии. Однако ничто не могло поколебать убеждения костромичей. Долгое время при постановке "Грозы" на костромской сцене артисты гримировались под "Клыковых". Автор присутствовал на представлении в феврале 1880 года. Правда, то посещение вызвало жаркие "артистические споры" по совершенно иному поводу.

В ту пору костромской корреспондент пропечатал в столичной газете "Суффлёр", что будто бы на том спектакле актриса, игравшая Катерину, "из уважения к Островскому" придумала оригинальный экспромт, приказав в последнем акте, перед тем как Кулигин выносит на сцену утопленницу, вылить на неё за кулисами ведро воды. И будто бы костромичи пришли в восторг от этого "прохладного" реализма, встретив актрису громом рукоплесканий.

По утверждению корреспондента, "балаганный эффект" не только не возмутил такого чуткого художника, каким являлся автор "Грозы", но Островский будто бы поблагодарил исполнительницу, сказав ей: "Если бы это не вредило здоровью, то я бы просил и в столицах делать то же для полной художественной иллюзии".

Многие такой печатный пассаж восприняли откровенной клеветой и на актрису, и на драматурга, и на костромскую публику.

Александр Николаевич достаточно часто бывал в нашем театре. Прекраснодушные приверженцы старины и теперь утверждают: 8-й ряд, 8-е место в партере – здесь сидел Александр Николаевич, присутствуя на спектаклях и репетициях, а не в гостевой ложе, как о том свидетельствуют несведущие люди.

Автор драматической поэмы "Островский" Вячеслав Лебедев пошел и того дальше: по его мнению Костромской театр является едва ли не колыбелью драматурга Островского. В финале пьесы молодой актрисе Екатерине Кольцовой, терзаемой вопросом: "Кто может объяснить мне власть искусства?.." Александр Николаевич отвечает:

*Мне путь твой ясен:  
завтра же иди в театр...  
Здесь мой театр,  
мне с юности родной.*



*Я плакал в нём, смеялся,  
ликовал,  
в своих твореньях  
правду узнавал...*

После этих слов, согласно ремарке, Катя со своим женихом, студентом Сергеем Курбатовым, хотят проводить Александра Николаевича, но народ, прослышав о приезде драматурга, начинает "стекаться к беседке Островского", густой толпой обступая земляка. Его поднимают на руки и несут к авансцене.

Драматическая поэма, написанная в начале пятидесятых прошлого века (и тогда же поставленная), строго следовала идеологическим требованиям своего времени. Но что незримое присутствие Островского, как мудреца и хозяина русской сцены, в стенах этого театра ощущалось всегда, в том нет никаких домыслов.

Именно с "подачи" костромичей в 1973 году родились и поныне пребывают в добром творческом здравии Дни Островского, ставшие поистине международным фестивалем спектаклей по произведениям Александра Николаевича. Как сказал однажды А.Г. Товстоногов: "Я люблю Александра Николаевича Островского давно и преданно, считаю его современным автором, каким является каждый подлинный классик. Уверен, что Островский никогда не перестанет быть репертуарным автором".

По поэтическому замечанию В.Я. Лакшина, масштаб личности и творчества драматурга сравним со знаменитым ключом в Ярилиной долине, где, по преданию, растаяла Снегурочка. Кажется, до дна здесь рукой достанешь, а попробуй измерить глубину того ключа - трёхметровая жердь не достанет дна. Так же обманчива и призрачна незамутнённая ясность пьес Островского. Их простота видится многим доступной, малоглубокой, но прикоснёшься к ней и увидишь, как трудно вымерить и исчерпать её.

Не нами и не сегодня замечено, что и по сей день не сможет российский человек осознать свой характер и нрав, свой уклад ума, свою родословную, если не откроются ему в свой срок вместе с героями Пушкина, Гоголя, Чехова, Толстого, Достоевского выходцы из России Островского: Катерина Кабанова и Кулигин, Раиса Гурмыжская и Геннадий Несчастливцев, Лариса Огудалова и Карандышев, Куролесов и Хлынов, и многие другие, вобравшие "всечеловеческие чувства и переживания", национальный колорит, опыт и веру поколений.

Но вот какими откроются? – тоже вопрос не праздный. Печально, если нынешние умы и души детей эпохи рекламы и клипов, знающих о великом драматурге понаслышке, до конца дней своих оставят о нём память как о художнике,



герои которого являются всего-навсего привлекательными действующими лицами для создания привычных шоу-представлений о человеке, каких предостаточно нынче.

А ведь Александр Николаевич и такие особенности национальной интерпретации собственных сочинений предвидел. На склоне лет настаивал на том, что русский театр "должен держать искусство высоко, не идти за модными направлениями, не подчиняться указаниям обезьянствующей критики. Он должен стоять указующим маяком во времени шатания вкусов".

Сегодня за этими прозорливыми словами слышится взволнованный голос "земляка нашего возлюбленного". Голос живой, заинтересованный, согретый отеческой заботой и любовью к такой беспокойной, труднопредсказуемой, но милой его сердцу актёрской семье и её родному дому – Театру, ставшему его неустанной заботой, радостью, печалью, мучительной болью и судьбой.

Не потому ли вот уже полтора века имя Островского является как бы негласным паролем для каждого художника, напоминая ему о благородстве, рыцарстве, великодушии, честном служении своему народу. Не потому ли не избывает в народе вера, выраженная одним из безвестных лицедеев в горестные июньские дни 1886 года, после ухода от нас Александра Николаевича:

*Покуда не угас во храме Мельпомены  
Священный жертвенник - сквозь целый ряд веков  
В тех образах живых он будет русской сцене  
В бессмертии сиять, как луч из облаков.*





### «СТАРЫЙ ТЕАТРАЛ» АЛЕКСЕЙ ПЛЕЩЕЕВ



"Рыцарь права и человечности" Алексей Николаевич Плещеев родился в Костроме 4 декабря (22 ноября) 1825 г. в старинной обедневшей дворянской семье, которую оставил два года спустя, переехав с родителями в Нижний Новгород. Имя его нам больше известно как поэта-революционера, прозаика, переводчика, критика, увлекающегося утопическим социализмом, членом кружка М. Петрашевского. После разгрома кружка (1849) он был лишен всех прав состояния и отправлен в ссылку рядовым Оренбургского линейного батальона, где провел около 10 лет.

В 1858 году, выйдя в отставку, Плещеев живет под надзором полиции в Москве, становится активным сотрудником журнала "Современник", а позже переходит к Некрасову в "Отечественные записки", занимая должность секретаря и зав. стихотворным отделом. Его стихотворения звали на "подвиг доблестный" и пробуждали ненависть к "бичам страны родной". Многие лирические стихи положены на музыку русскими и советскими композиторами, а стихотворения для детей вошли в золотой фонд отечественной поэзии.

Как талантливый переводчик, Плещеев познакомил русского читателя с произведениями Гейне, Гете, Байрона, Гюго и других авторов.

Особое место в творчестве Плещеева занимает театральная деятельность. Считая, что театр "может иметь еще более благоприятное влияние на развитие общества, чем возможные романы, повести и ученые статьи", Алексей Николаевич принимал живейшее участие в театральной жизни России. Он со всею страстью, энергией и неподкупностью защищал подлинную русскую драматургию от псевдопатриотических пьес Кукольника и Полевого, французских водевилей, заполонивших репертуар. Защищал не только в критических статьях. Им написано 13 оригинальных пьес, опубликованных в столичных журналах. "Ловкая барыня", "Свидание", "Командирша", "Услуга", "Счастливая чета" и др. ставились в Москве и Петербурге, на сценах провинциальных театров, в том числе и в Костроме.

Еще в ссылке познакомился с творчеством Островского, сразу и бесповоротно покорившим молодого поэта.

Личное знакомство Плещеева с Александром Николаевичем состоялось в Москве в 1859г. и скоро переросло в искренние дружеские отношения. Александр Николаевич очень сочувственно и доброжелательно отнесся к поэту-петрашевцу, только что вернувшемуся из ссылки. Они часто встречались в редакциях "Современника" и "Отечественных записок", вместе выступали в литературных



чтениях в пользу неимущих студентов и учащихся, в Артистическом кружке, где Плещеев, по настоянию Островского, являлся одним из "старшин" этого в своем роде первого частного московского театра. Один из участников кружка потом вспоминал: "Но что более всего нравилось мне в этом кружке, так это его тихий, задумчивый и семейный характер... Бывало, сядешь за общий чайный стол между такими колоссами, как Писемский, Островский и другие, и слушаешь, слушаешь без конца их увлекательную речь, которая что твоя музыка. Остроумию и каламбурам не было конца. По этой части наиболее других отличались Писемский и профессор Усов, оба страстные театралы и беспощадные остряки".

Артистический кружок славился своей благотворительностью. Так, в феврале 1866 г. в его зале состоялось литературное утро в пользу беднейших студентов Петровской земледельческой академии, на котором выступали А.Н. Островский, А.Н. Плещеев, П.М. Садовский.

Алексей Николаевич являлся одним из учредителей Общества русских драматических писателей, созданного по инициативе Островского, председателем и почетным членом Общества сценических деятелей, вместе с Александром Николаевичем принимал участие в Театрально-литературном комитете.

Бывал Островский и в доме Плещеева, где часто устраивались музыкально-литературные вечера. В начале 60-х годов поэт, приглашая драматурга, сообщал: "Завтра (во вторник) у меня соберутся несколько человек, между прочим, жду Салтыкова, просил Жемчужникова и Аксакова. Вы мне сделаете большое удовольствие. Пожалуйста, приезжайте - чай пить; не поздно и не на полчаса, как вы обыкновенно приезжаете".

Узнав о трудных обстоятельствах жизни Плещеева, Александр Николаевич тут же поспешил ему на помощь. Через своего брата Михаила Николаевича, министра государственных имуществ, он добился для Плещеева "места" ревизора Контрольной палаты Московского почтамта, чтобы поэт мог "сводить концы с концами".

Прямота, честность, правдолюбие Плещеева подкупали драматурга, и он не только дорожил мнением Алексея Николаевича о своих произведениях, но и делился с ним творческими планами. Именно Плещеев первым сообщил И.С. Тургеневу в феврале 1861 г. о том, что "Островский пишет драму "Минин". Часто Плещеев являлся и первым критиком пьес Александра Николаевича, посвятив более 30 рецензий его произведениям.

Будучи в ссылке, поэт писал одному своему другу, отзываясь о пьесе "Не в свои сани не садись": "Очень рад, что вам нравится комедия. Я читал ее - и нахожу тоже, что это вещь весьма замечательная".

Появление Плещеева в Москве совпало с чтением пьесы "Свои люди - сочтемся" самим Островским и ее первыми постановками на сцене. "Свои люди" делают





фурор. Их дают каждый день. Садовский в них – верх совершенства”, - с восторгом писал Плещеев после премьеры.

Особенно высоко ценил Плещеев “Грозу”, увидев в пьесе отражение важнейших сторон русской жизни, а прежде всего - “силу”, которая поднимается из тайников русской жизни, означая конец покорности и рождение протеста в душах, придавленных “обстоятельствами”. После бенефиса Прова Садовского, сыгравшего Дикого в феврале 1861 г., критик писал: “Гроза” – вещь капитальная и поэтическая, прелесть ее неотразима и обстоятельно действует как на развитого, знакомого с гениальными произведениями западных драматургов, так и на простые, непосредственные натуры, которых внутреннее чутье подсказывает, что хорошо и где правда”.

Когда Ф.М. Достоевский, состоявший вместе с Плещеевым в кружке петрашевцев и после его разгрома испытавший участь каторжника, заметил, что Островский сказал “новое слово” не в “Грозе”, а в пьесе “Не в свои сани не садись”, где образ Русакова есть “прекрасный тип русского человека”, одной из отличительных черт которого является “всепримируемость” русской натуры, способность простить даже несправедливую, враждебную ему обстановку, Алексей Николаевич тут же воспротивился такому мнению Федора Михайловича. “Достоевский, - писал он в марте 1875 г., - как видно, не поклонник отрицательного направления в нашей литературе и смотрит на нашу действительность несколько с точки зрения оптимиста”. Считая основной заслугой Островского “бичевание самодурства и дикого произвола”, являющихся распространенным явлением в купеческих семьях и не только, Плещеев обращал внимание на слова известного тогда французского театрального критика Сарсэ, писавшего: “Гроза” может выдержать сравнения с лучшими драматическими произведениями, какие есть у нас. В изображении характеров видна необычайная сила, и во всей пьесе есть какой-то букет экзотических нравов. В особенности хорошо задумано и грандиозно лицо деспотки-матери”.

В 1878 г. после премьеры “Бесприданницы” в Москве послышались голоса о провале пьесы, обвинении Островского в пренебрежении им “к требованиям интеллигентной части публики, которая не нашла в его пьесе никаких достоинств”. Критик тут же встал на защиту любимого драматурга, отвечая оппонентам: “Если пьеса действительно не имела особенного успеха, то точно так же не было и никакого позорного провала, но, чтобы она лишена была всяких достоинств - с этим положительно нельзя согласиться”. Полагая, что успеха могло не быть и по причине неудовлетворительного актерского исполнения, Плещеев отметил удивительную закономерность того, что “очень хорошие пьесы не имеют успеха на первом представлении, но потом все больше и больше нравятся публике, как это было с пьесой “Лес”. Дальнейшая сценическая судьба “Бесприданницы” подтвердила правоту критика.



"Лес" Плещеев относил к лучшим произведениям драматурга. Во-первых, сама тема была близка Алексею Николаевичу, еще за 6 лет до появления комедии Островского написавшего оригинальную пьесу "Братья", также повествующую о нелегкой доле людей искусства. Но прежде всего "Лес" был дорог критику своими "крупными достоинствами", раскрытием с демократических позиций большого значения театра для народа, правдивым изображением трудной, полной испытания и лишений жизни русского актера.

Будучи самым "горячим, искренним почитателем Островского", Плещеев тем не менее не всегда был прав и справедлив в оценке новых произведений драматурга. Неожиданностью для многих стал его отзыв о "Последней жертве", которая, по словам критика, "принадлежит к числу слабейших его (Островского) произведений". Признавая, что в комедии видна "рука мастера" и "перо большого таланта", Плещеев был неудовлетворён знакомой коллизией из "Поздней любви", когда молодая женщина влюбляется в красивого франта, лишаясь своих денег, которые тот проигрывает. Дружба Дульчина и Дергачева напоминала критику отношения Расплюева к Кречинскому из "Свадьбы Кречинского" А.В. Сухова-Кобылина. Увидев в Лавре Мироныче Прибыткове "нечто новое", Плещеев тут же замечал, что это "лицо слегка намечено, но недостаточно и нисколько не развито".

И все же высказывая критические замечания, Алексей Николаевич всегда выступал в защиту Островского, "самого яркого из всех современных литературных талантов".

Появление в 1876 г. статьи В.Г. Авсеенко "Комедия общественных нравов", в которой автор объявлял "виновниками падения театра" Гоголя и Островского, до глубины души оскорбило Плещеева. Напоминая о "громких заслугах Островского перед русской сценой", он говорил: "Тот, кто написал "Свои люди", "Не в свои сани", "Грозу", "Доходное место", "Грех да беда", если бы он не написал ничего более, уже заслуживал бы названия великого художника, и, казалось, должен быть навсегда застрахован от тех оскорбительных по своему тону нападок и глумлений, которые позволяют себе в отношении Островского иные органы нашей прессы, при мало-мальски неудачном его произведении".

О многих мастерах русской сцены, которые росли на ролях Островского, Алексей Николаевич писал.

"Я старый театрал, страстно люблю театр, и все, его касающееся, меня очень интересует", - говорил Алексей Николаевич Плещеев незадолго до смерти. И все-таки первый порыв в этой "страстной любви" был адресован Александру Николаевичу, о чем Алексей Николаевич в 1877 году сам признавался: "Никто более меня не уважает талант Островского, не симпатизирует ему и не ценит огромных заслуг, оказанных им русскому театру..."



## ПРЕДАНИЕ О БЛАГОРОДНОМ РАЗБОЙНИКЕ



В 1864 году в журнале «Эпоха», издаваемом братьями Достоевскими Федором и Михаилом, была напечатана пьеса-предание в лицах «Сват Фадеич». Ее автором являлся уроженец Нерехтского уезда Костромской губернии Николай Александрович Чаев. «Сват Фадеич» явно перекликался с «прекрасным народным водевилем» галичанина Александра Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват», в котором впервые на русской сцене вместо слащавой «пастушечьей драмы с музыкой» явились во всем своем естестве крестьянин Анкудин, его жена Фетинья, их дочь Анюта, жених ее Филимон и мельник Фаддей, тот самый колдун, обманщик и сват, хитроумием да смекалкой помогающий Анюте выйти замуж за любимого.

Сват Фадеич писателя Чаева также причастен к такому доброму делу, но сватовство его иного порядка. Кузнец Вакула, работник деревенского старосты и дочь старосты Груня любят друг друга. Но Груню хотят выдать за приказчика Халкедонского. Молодые герои, отстаивая свое право на любовь, после всех мытарств обращаются за помощью к атаману разбойников Фадеичу, грозе деревенских богатеев, заступнике бедных, обездоленных крестьян. Фадеич с готовностью откликается на просьбу Вакулы и Груни, в неурочный час заявляется к старосте, приказывает: «Свадьбе быть!» На том его сватовство и кончается.

Сюжет пьесы Николая Чаева не есть полет драматической фантазии автора, но отголоски были, случившейся на костромской земле в начале XVIII века. В ту пору здесь особенно много бытовало преданий о «благородном разбойнике» Иване Фадеиче, который «не обирал бедных, а грабежи устраивал на купцов и помещиков».

Иван Хабаров родился в 1758 году в семье крепостного крестьянина Фадея Хабарова из села Осенева, что в 25 верстах от Нерехты. Родитель наделил его характером отчаянным, независимым, непримиримым правдоискателем. Даже сам помещик побаивался своего крепостного и от греха подальше решил избавиться от смутьяна, отдав Ивана в рекруты. Оставив дома жену и детей, Иван Хабаров в 1788-м начал служить в царской армии, где скоро проявился его свободолюбивый нрав. Молодой рекрут не мог смириться с рабским положением солдата. В июле того же года Хабаров покидает свою часть, расположенную в Москве, и бежит на Украину, оттуда подался в Польшу, прожив около года в местечке Черное Поле у какого-то пана. Затосковав по родному дому и оставленной семье, Иван Хабаров решает возвратиться в костромские края. Благополучно добрался до Ростова Ве-



ликого, но здесь беглеца схватили и отправили в Военную коллегия. По дороге арестованный бежит и находит пристанище у знакомого пономаря Николая Семенова в селе Подозерье Нерехтского уезда. Некоторое время спустя вокруг Ивана Фадеича собралось еще несколько беглых рекрутов и крепостных. Имя «народного заступника» становится известно в Костроме, Ярославле, Шуе. Все чаще Хабаровова сравнивают с атаманом Степаном Разиным и Емельяном Пугачевым.

Губернские власти всполошились не на шутку. Для поимки атамана Фадеича снаряжали по несколько рот солдат, но он был неуловим: бедные крестьяне помогали скрываться небольшому отряду Хабарова. В декабре 1790 года фортуна Фадеичу изменила. В официальном донесении сообщалось: «Только легли спать, наехало для поимки их многое число народу». Ивана Фадеича, хозяина дома Николая Семенова, других «станишников» взяли спящими. «Разбойников» отправили в Нерехту, оттуда – в Костромской острог. По решению суда всех подвергли наказанию кнутом, после чего выжгли на щеках и лбу клейма и сослали в Сибирь на каторжные работы.

В 1797-м император Павел Первый, проезжая через Нерехту, увидел, что полиция стоит с обнаженными саблями. «Ты встречаешь меня, как Ивана Фадеича», – язвительно заметил император городничему.

В сибирских рудниках «хранить долгое терпенье» Иван Хабаров не стал и скоро бежал из Сибири, тайно обосновав становище в усадьбе Скалозубова в селе Селифонтово Нерехтского уезда. Промышлял, в основном, на Галическом торговом тракте, избегая всех расставленных ловушек. Земскому исправнику А.П. Ягнетеву удалось заслать в его отряд лазутчика. Однажды тот донес, что Хабаров, узнав о проезде по тракту богатого купца из Костромы, будет со своими людьми поджидать его под мостом через речку Буянку, что протекает на одиннадцатой версте из Костромы в Судиславль, сразу за поворотом на Никольское.

Исправник скрытно расставил солдат, а сам, переодевшись, выехал вместе с купцом. Когда повозка купца подъехала к реке, «станишники» выскочили из засады, но солдаты их перехватили. Ивану Хабарову удалось скрыться в вырытой у реки пещере. Исправник приказал развести у входа костер, чтобы «выкурить» атамана. Фадеич выбежал из нее с ножом в руках, но его тут же обезоружили. Снова наказали кнутами и вернули в Сибирь.

Как выяснил краевед Виктор Бочков, Иван Фадеич из Сибири вновь бежал, но в родных местах больше не появлялся. Последний раз видели его на Нижегородской ярмарке в 1838 году. Было Ивану Фадеичу в ту пору 80 лет.

Эта история и легла в основу пьесы Николая Чаева «Сват Фадеич», с успехом шедшей в Александринском и других театрах Российской империи. Заинтересо-



вался «преданием в лицах» и Александр Николаевич Островский, написавший оперное либретто «Сват Фадеич». Глубже и острее, нежели Чаев, он обнажил социальные противоречия между крестьянами и властью имущими, уделяя главное внимание образу благородного разбойника Ивана Фадеича – бывшего крестьянина. Либретто, к сожалению, осталось незавершенным, но в памяти народной долго еще помнились слова простой крестьянки, обращенные к Ивану Фадеичу:

*Фадеич, ты себя поберегай!  
Исправник лют, – смотри не оплошай!..  
Будем мы за тебя господу молить,  
И не страшен тебе будет божий суд,  
Если слезы сирот до неба дойдут.*





## ЧЕРНИГОВСКИЙ ДАР



В июле 1856 года исполнилось двадцать пять царствования Николая Первого, и многие верноподданные задавались вопросом: как выразить чувства преданности, любви и благодарности к монарху? В далеком Чернигове местное дворянство приняло решение ради знаменательной даты изготовить два мозаических образа святого Николая Мирликийского – один для Черниговского собора, другой – для Костромского Ипатьевского монастыря, откуда взошёл на царство русское родоначальник дома Романовых.

Имя Божия угодника, святителя и чудотворца Николая было названо неслучайно. Он славился во многих странах и у многих народов. Русские купцы, мореходы и землепроходцы почитали чудотворца Николая покровителем всех странствующих на суше и на море. Свято чтили угодника Божия и крестьяне, видя в нём милостивого предстателя перед Господом о всех людях в их трудах. Это о нем писал Сергей Есенин:

*В шапке облачного скола,  
В лопаточках, словно тень,  
Ходит милостник Микола  
Мимо сёл и деревень.  
На плечах его котомка,  
Стягловица в две тесьмы,  
Он идет, поёт негромко  
Иорданские псалмы...  
Ходит странник по дорогам,  
Где зовут его в беде,  
И с земли гуторит с Богом  
В белой туче-бороде.  
Говорить Господь с престола,  
Приоткрыв окно за рай:  
«О, мой верный раб Микола,  
Обойди ты русский край.  
Защити там в черных бедах  
Скорбью вытерзанный люд.  
Помолись с ним о победах  
И за нищий их уют...»*



Принимая решение об изготовлении двух одинаковых образов святителя Николая, черниговское дворянство видело в том добрый символ единения двух братских славянских народов.

Мозаические образы были сделаны русским художником Сиверсом. Каждый из них имел в длину 71 см, в ширину 44 см и обложен по краям серебряным окладом, автором которого являлся известный художник Созиков. Уникальный мозаический образ был драгоценен и в материальном отношении - стоил 12 тысяч рублей серебром, деньги по тому времени огромные.

Черниговская депутация со священным даром для Ипатьевской обители прибыла в Кострому 27 июля. На следующий день образ был освящён, после чего Кострома выказала пред южными братьями всё своё радушие, внимательность и хлебосольство.

На дворянском обеде предводители обменялись речами. Костромской губернский предводитель А.А. Миронов в заключении своего выступления сказал: "Отныне между вами и нами, кроме общего всему Российскому дворянству единомыслия, устанавливается ещё общение духовное! Всякий раз, когда мы будем молиться пред изображением принесённого Вами угодника Божия, первая мысль по мольбе будет о вас — мысль любовная и задушевная!.."

Отвечая на эти взволнованные слова Миронова, черниговский предводитель дворянства Н.П. Бороздна признался: "Позвольте, ваше превосходительство, мне, не ожидавшему в эту минуту столь лестного для всех нас привета, выразить как Вам, так и всему предводимому Вами дворянству, чувство глубокой, искренней нашей признательности за радушие и истинно братское гостеприимство ваше..."

Ныне принесли мы... святую икону, смиренный дар наш, в Ипатьевскую обитель, из коей в 1613 году вышел на царство родоначальник императорского дома нашего, призванный своим народом...

В то время предки наши не могли участвовать в священном подвиге Российском! Древний Славянский край наш, силою исторических событий был отдалён от Руси, жил отдельною жизнью...

И вот через два столетия мы, Черниговские дворяне, благодатным внушением приведены ныне в знаменитую обитель... Да будет эта святая икона пред Богом – тёплой молитвою нашею о благоденствии царя и царства... пред вами, костромские дворяне, доброю памятью о нас, древних славянских братьях, хотя и отдалённых, но тесно соединённых с вами несокрушимыми узами веры..."

31 июля депутация Чернигова уехала из Костромы, надолго сохранив в сердцах признательную память о радушии, истинно братских чувствах и гостеприимстве костромичей.



Мозаический образ святителя и чудотворца Николая более 60 лет хранился в святой Ипатьевской обители, однако после революционных событий 1917 года след его теряется... Но вспоминается тот образ всякий раз, когда слышишь строки, рожденные на черниговской земле:

*В часы тревожного и смутного волненья  
Встает в моей душе по временам,  
Как дивный звук святого песнопенья,  
Блаженное и чудное виденье.  
Я вижу город и старинный храм,  
И тополи вокруг него густые,  
Сияющий алтарь, лампы золотые,  
Ряды святых икон, молящийся народ, –  
И купола, над ними звездный свод...  
Святителя с глазами умиленья,  
Свершающего дивное служенье...*







## АЛЕКСАНДР II В КОСТРОМЕ



В конце мая 1858 года по Костроме прошёл слух, что сюда приезжает император Александр II. Весть мигом облетела город, а скоро и всю губернию. Очевидец пишет: "Надо было подслушать говор народной радости, подметить радушие и заботливость костромичей о достойной встрече, чтобы понять и почувствовать всю силу привязанности и любви костромичей к Державному Дому".

Желая достойно принять императора, жители города безо всяких принудительных мер, даже без просьб со стороны начальства, сами поспешили украсить свой город. Уже через несколько дней Кострома стала ещё лучше, ещё краше и приветливее, будто повеял над нею дух возрождения.

Накануне приезда государя по всем трактам, ведущим в город, тянулись вереницы экипажей и толпы пешеходов. В Кострому, где в ту пору проживало 14 834 человека, прибыло около 35 тысяч со всей губернии, которые с местными жителями с самого утра 15 августа заполнили Сусанинскую площадь, Молочную гору и берег Волги, с нетерпением ожидая прибытия высоких гостей. Но только в начале седьмого вечера показался пароход "Эстафет", на котором они плыли из Ярославля, и тут же ударил тысячепудовый соборный колокол. Многие бросились на берег, самые отчаянные кинулись в воду с криками: "Сюда, ребята! Мы их увидим скорее!.." Невесть откуда, точно из-под воды, появилось множество лодок, устремившихся навстречу пароходу. Когда тот причалил к пристани, могучее "ура!" потрясло воздух. Александр II сошёл на пристань, украшенную флагами и цветами, где губернатор Иван Васильевич Романус представил ему положенный в таких случаях рапорт, а чиновник особых поручений при губернаторе Левашёв прочёл собственные вирши, сочиненные им по такому случаю:

*Здравствуй, Царь наш Православный!  
По ликующим волнам  
Наш родимый, наш державный  
Прилетел Ты в гости к нам!  
Здравствуй, Матушка-Царица!  
С Богом, с миром к нам Ваш путь!  
Кострома – Москвы сестрица,*



*Православной Руси грудь...  
Мы, Сусанину родные,  
В незабвенный встречи час,  
Наши гости дорогие  
Хлебом-солью просим Вас!  
С хлебом-солью слово наше,  
Наш сыновний голос: пусть  
Будет всех сильнее и краше  
Царств подлунных наша Русь!..*

На следующий день, осматривая город, Александр II присутствовал при спуске построенного на заводе Шипова парохода. По настоятельной просьбе заводчика государь разрешил назвать новый пароход "Императрица Мария".

После знакомства с Костромой он очень остался доволен всеми заведениями, с удовольствием отметил отличное благоустройство, чистоту и примерный порядок, за что объявил монаршее благоволение всем начальствующим лицам. Нижним же чинам жандармской и полицейской службы Его Величество пожаловал по 25 копеек, а почётному караулу по рублю серебром на человека. Наиболее нуждающимся бедным людям костромской губернии было выделено из царской казны 1 000 рублей серебром.

Во всё время пребывания Александра II в Костроме город выглядел нарядным и праздничным. По берегу Волги горело до 30 смоляных бочек, расположенных в двадцати метрах одна от другой. Гора, на которой находился губернаторский дом, была уставлена огненными пирамидами, со звёздами наверху, против дворцового балкона красовался вензель Их Величеств и надпись: "15 августа 1858 года". Особую необычность придавало городу убранство торговых рядов, которые кроме богатого освещения были драпированы самыми разными материалами, начиная с ситцев и кончая парчой и шёлком. "Надобно думать, - пишет современник, - что подобной иллюминации не было в Костроме с самого её основания".

17 августа, отслушав божественную литургию в Успенском соборе, Их Величества в 11 часов утра отплыли в Нижний Новгород, увозя в душе самые тёплые чувства и воспоминания о проведённых днях в Костроме.





## ПРОШЛОЕ ВСТАЕТ ПЕРЕДО МНОЙ



*Нет, жизнь тебя не победила,  
И ты в отчаянной борьбе  
Ни разу, друг, не изменила  
Ни правде сердца, ни себе,-*

писал Фёдор Иванович Тютчев своей старшей дочери Анне, которая тринадцать лет, с 1853 по 1866 годы провела при дворе сначала Николая I-го, затем - Александра II-го.

Позже советский историк Сергей Владимирович Бахрушин отмечал, что Анна Фёдоровна, «принадлежа к представителям литературно высокообразованной дворянской интеллигенции, любила и умела писать; каждое письмо, выходящее из-под её пера, было шедевром литературного стиля и французского языка, в изящные формы которого она искусно облекала не менее изящную и хорошо отточенную мысль».

Получившие последнее время заслуженную известность дневники и воспоминания Анны Фёдоровны, являющиеся ценнейшим источником познания истории России XIX столетия, далеко не безразличны и жителям Костромы, которую Тютчева впервые увидела в августе 1858 года, когда сопровождала семью императора Александра II-го в поездке по городам России.

Судя по записям фрейлины Тютчевой, края наши в те годы щедро изобиловали не только лесами и горами, но и завидным довольством, о каком в иных местах только мечтали. Так, подъезжая к Ярославлю, Анна Фёдоровна помечает в дневнике: «Местность... очень хороша и даже живописна; здесь видно богатство и благосостояние, каких мы вообще не привыкли видеть в России. Во всех деревнях, через которые мы проезжали, перед каждой избой стоял убранный стол, на нём хлеб-соль и вокруг него вся семья».

Пришёлся по душе Анне Фёдоровне и Ярославль, чрезвычайно красиво расположенный по берегам Волги, а дома «на набережной смотрят так весело, вид из них так красив, что кажется, там могут жить только счастливые люди».

«Следующий день, – пишет Анна Фёдоровна, – был 15-е (августа), Успеньев день. Их величества были у обедни в соборе, и после обедни мы сели на пароход, чтобы по Волге спуститься до Костромы... Высадились у Николо-Бабаевского мужского монастыря, который осмотрели наспех, по обычаю августейших предшественников. Долго обедали на пароходе, а выйдя из-за стола, увидели Кострому, тоже очень живописно расположенную на берегу Волги. Их Величества были



встречены огромной толпой. Они поехали в собор, а я повезла маленькую княжну Марию прямо в дом губернатора Романуса... Нас сопровождало человек двадцать бородачей, которые бежали за нашей коляской и не отставали от лошадей, что очень забавляло маленькую княжну. Дом губернатора был убран с большим изяществом. Императрица посетила собор, в котором находился образ «Феодоровской богородицы», которым был благословлён Михаил Фёдорович при восшествии на престол, и Ипатьевский монастырь, в котором он жил в уединении с матерью, когда был избран в цари гласом народа...»

Пока их Величества осматривали костромские священные места и реликвии, Анна Фёдоровна при дворе губернатора нашла большой сад, в котором могла играть великая княжна. Чтобы посмотреть, как она играет, местные женщины влезали на забор и кричали Тютчевой: «Нянюшка, приведи её сюда, покажи нам её царское лицо». Девочка приветливо поздоровалась с ними, а они по-своему осыпали её выражениями нежности и похвалы, не забывая упомянуть и Тютчеву: «Какая маленькая нянюшка, какая молоденькая». Анна Фёдоровна догадывалась, что она совершенно не соответствовала представлению костромских женщин о «царской мамушке».

Вечером костромским дворянством был дан бал, на который привели очень много детей, а следующим утром государь и государыня принимали депутацию от крестьян деревни Домнино, где проживали потомки Ивана Сусанина. Во главе депутации находился священник, очень развитой человек, который, по мнению Тютчевой, «пишет умные, но чересчур патетические реляции о прогрессе и усовершенствованиях в его приходе. Он... держал речь очень вычурную, с театральными жестами, заставив этих добрых людей в определённый момент пасть на колени. Эти показательные выходки – признается Анна Федоровна – меня мало трогают; я чувствую, что я в таких случаях принимаю выражение, совершенно не соответствующее минуте».

На следующий день после обедни мы уехали из Костромы. Ветер был так силён, что невозможно было оставаться на палубе. Я... спустилась в каюту с великой княжной, так что не могла насладиться красотой волжских берегов».

В ноябре 1880 года в письме к сестре Анна Фёдоровна Тютчева так отзовется о своих дневниковых записях: «Всё прошлое, как живое, встаёт передо мной во всей его яркости, и мне кажется, что после нас эти воспоминания будут интересны для тех, кто будет изучать историю нашей эпохи: в них они найдут в каждой строчке жизнь, как она была во всей её наивности, и именно этот характер непосредственности я старалась сохранить в своём дневнике».

Костромские впечатления в воспоминаниях Анны Федоровны Тютчевой занимают не последнее место.

**«НЕТ НИЧЕГО БОЛЕЕ ОТРАДНОГО...»**

После путешествия по России в 1858-1859 годах великий Дюма-отец написал «Путевые впечатления», предварив их словами: «Я не из тех путешественников, которые высказывают притворный восторг, любят тем, чем проводник рекомендует им любоваться, и делают вид, будто испытали при виде людей и зданий, которыми принято восхищаться, чувство, на самом деле отсутствующее в их сердце. Нет, я перебрал, продумал свои впечатления и описал их для тех, кто прочтёт эти строки. Быть может, сделано это плохо, но я не описывал ничего такого, что бы не пережил».

А пережил Александр Дюма действительно достаточно, побывав в Петербурге и Москве, проплыв всю королеву европейских рек Волгу от её истоков до Астрахани, посетив Кавказ и Закавказье. В том памятном круизе он не обошёл вниманием и Кострому, ступив на её землю в начале октября 1858 года.

На пароход, отправляющийся вниз по Волге, сели в Калязине Тверской губернии 1 октября. Поскольку среди пассажиров женщин не было, капитан, приняв французского писателя чуть ли не за английского посла, выделил ему дамскую каюту.

На подходе к Ярославлю на пароходе появились две женщины, и Дюма обеспокоился, подумал, что его лишат ставшей привычной каюты, но дамы, узнав какой представительный пассажир здесь поселился, попросили его остаться и разделить каюту вместе с ними. На что «великий и курчавый человек» с готовностью согласился, тем более, что попутчицами являлись княгиня Анна Долгорукая и её компаньонка. Впечатление от этого знакомства у Александра Дюма осталось самое благожелательное, и он отметил: «Вообще в России женщины более образованы, более начитаны и лучше говорят по-французски, чем мужчины».

Прибыв в Кострому и высадившись на берег, именитый путешественник обратил внимание на то, что здесь, как и во всей России, у капитанов не спрашивают карантинного свидетельства, а у пассажиров не требуют паспорта. «Вы можете сойти с парохода, – пишет Дюма, – возвратиться, посетить город, погулять в степях – и никто не поинтересуется, кто вы такой и чего хотите».

Ещё на пароходе княгиня Долгорукая сообщила: в Костроме три достопримечательности, которые следует непременно осмотреть – монастырь Святого Ипатия, дом Романовых и памятник Сусанину.

Поскольку Ипатий был самым отдалённым от пристани, туда и отправились на дрожках. Знакомясь со святой обителью, Александр Дюма пришел к



выводу, что монастырей в России столько же, сколько гор в Швейцарии, озёр в Финляндии и вулканов в Италии, а потому ими только любуются, но перестают описывать. По этой причине писать о Ипатьевском монастыре он не стал, а вот домом Романовых заинтересовался необычайно.

Как автор популярнейших исторических романов, он не мог пройти мимо богатых драматических событий, какие пережил это дом, как и вся Россия, и упомянуть о том на страницах своих впечатлений.

После посещения дома Романовых французский писатель пришёл к убеждению, что только духовенство является единственным сословием в государстве, которое сопротивлялось разъединяющим силам тирании. По мнению Александра Дюма: «Благочестие - это особая атмосфера, отличающая духовенство от других сословий, она заставляет его жить, следуя долгу и сохраняя веру; только духовенство... сопротивляется нашествию иноземцев, только оно одно, его герои мученики, утверждают ту великую социальную истину, что никакая борьба партий и каст не может поколебать дух религиозной общины».

Быть может, сказано несколько категорично, но Александр Дюма на том настаивает, напоминая, что объединенные благочестием Минин - из народа, Пожарский - из дворянства, Романов, отец царя Михаила Федоровича - из духовенства в 1612 году, когда повсюду царило отчаяние, спасли Россию от гибельной беды.

Свидетельством благодарности русских человеку из народа, простому крестьянину, спасшему царя Михаила Романова, стал для французского писателя памятник Ивану Сусанину, которой в те годы представлял собой круглую колонну из розового финляндского гранита. На ней возвышался бюст молодого царя Михаила Фёдоровича, барельефы на пьедестале рассказывали героическую историю крестьянина, спасшего царя.

Знакомство с Костромой настолько увлекло любознательного путешественника, что он опоздал и «не без робости возвращался на своё судно». Однако всё обошлось. Капитан, продолжая принимать его за важную политическую персону, проявил терпение, да и княгиня Анна Долгорукая способствовала задержанию парохода.

Уже в каюте Александр Дюма записал: «Нет ничего более отрадного, чем такое знакомство во время путешествия, которое за несколько часов превращается в старинную дружбу... а потом становится ничем не запятанным воспоминанием и остаётся в памяти чистым, как просвет лазурного неба».

Одним из таких воспоминаний для великого Дюма-отца стала Кострома, которой в те годы исполнилось семь веков от роду.



## ИХ ОДНА ЗЕМЛЯ ВЗРАСТИЛА



5 апреля 1866 года костромской губернатор генерал-лейтенант Н.А. Рудзевич от своего петербургского коллеги получил телеграмму следующего содержания: «4-го сего апреля, в четвертом часу пополудни, в то время, когда Государь Император, окончив свою прогулку в Летнем саду, изволил садиться в коляску, неизвестный выстрелил в Его Величество из пистолета. Божие Провидение предохранило драгоценные дни Августейшего нашего государя. Преступник задержан. Расследование производится».

Вечером того же дня поступила новая депеша, гласившая: «Поздравляю костромичей с подвигом бывшего крестьянина Буйского уезда, села Молвитино, Осипа Ивановича Комиссарова, спасшего жизнь царя». Губернский предводитель дворянства Г.В. Карцев от имени костромичей в ответ телеграфировал: «Внезапная весть об угрожающей опасности Царю-освободителю глубоко поразила нас, весть же о спасении породила радостное чувство и подкрепило убеждение, что дух Сусанина живет в сердцах костромичей...»

В один день имя безвестного Осипа Комиссарова стремительно вознеслось к вершинам всероссийской славы. Уроженец торгового села Молвитино, жители которого издавна промышляли шитьем шляп и фуражек в крупных городах, Осип Комиссаров с малолетства определился в учение к петербургскому шляпному мастеру Садову, где скоро достиг звания подмастерья, сулившего по тем временам приличный заработок и жизненную уверенность, что позволило Осипу жениться. Жившие в столице земляки сосватали ему скромную крестьянскую девицу Елизавету Ивановну, одарившую любимого мужа дочерью.

4 апреля, в день своего ангела, Осип решил пойти помолиться в часовне при домике Петра Первого. Подойдя к Летнему саду, увидел стоящий у ворот экипаж, окруженный любопытными. Узнав, что коляска принадлежит Александру II, Осип Комиссаров остался в толпе, желая посмотреть на императора. Вскоре тот появился, и случилось неожиданное: какой-то молодой человек стал грубо проталкиваться мимо Комиссарова к царскому экипажу. Потом Осип Иванович вспоминал: «сам не знаю что, но сердце мое как-то особенно забилося. Когда я увидел этого человека, который поспешно пробивался через толпу; я невольно следовал за ним, но потом, однако забыл его, когда подошел Государь. Вдруг вижу, он вынул и целит пистолет: мигом представилось мне, что коли брошусь на него или толкну его руку в сторону, он убьет кого-либо другого или меня, и я невольно с силой толкнул его руку кверху: затем ничего не помню, меня самого как отуманило».



Случилось же вот что: когда Комиссаров оттолкнул руку неудавшегося убийцы, и раздался выстрел, толпа с яростью набросилась на него. Случайно проходивший мимо генерал Э.И. Тотлебен с трудом предотвратил самосуд, приказал жандармам и полицейским преступника и свидетелей, среди которых оказался Осип Комиссаров, препроводить в ближайший участок для дознания. Здесь выяснилось, что посягнувшим на жизнь императора был студент Дмитрий Каракозов, которого вскоре повесили, спасителем же Александра II стал Осип Иванович Комиссаров.

Весть о «чудесном спасении» государя простым костромским мужиком с невероятной быстротой распространилась по Петербургу. Уже вечером 4 апреля Комиссаров с супругой Елизаветой Ивановной, одетые в костюмы от лучшего портного столицы, присутствуют на приеме в Зимнем дворце. 5 и 8 апреля следуют приемы депутации костромичей, числом более двухсот, где Александр II наградил Осипа Ивановича Владимирским крестом IV степени, дающим право дворянства. Обращаясь к участникам приема, император сказал: «Надеюсь, что вы, господа дворяне, радушно примете в свою среду возведенного мною в дворянское достоинство вчерашнего крестьянина, который спас мне жизнь. Я думаю, что этим он вполне достоин быть русским дворянином». После того объявили о присвоении спасителю двойной фамилии - Комиссаров-Костромской.

Во всех церквях Российской империи служили благодарственные молебны за здравие государя и ангела-хранителя Комиссарова-Костромского. В Мариинском театре, в московском Большом театре срочно сменили объявленные ранее спектакли на оперу М.И. Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин»). По требованию публики все театральные представления начинались и заканчивались исполнением гимна «Боже, Царя храни». Ария Ивана Сусанина в последнем действии, особенно слова «Пускай я погибну, но спасу царя», вызывали у зрителей невероятный экстаз.

Тут сказывалось и то обстоятельство, что спасителем Александра II являлся не просто уроженец костромской деревни. В Осипе Комиссарове зримо узнавалось сходство с русским героем Иваном Сусаниным, родина которого Домнино находилась всего в 12 верстах от Молвитино – родного села Комиссарова.

В самой Костроме, как и в России, подвиг Комиссарова-Костромского переполнял, как тогда писали местные СМИ, «сердца его жителей радостью». Городская управа, желая увековечить в памяти подвиг крестьянина Осипа Ивановича Комиссарова, постановила открыть подписку для сбора средств на содержание бедных граждан Костромы и предложила Комиссарову звание первого гражданина города. Городской голова А.А. Акатов решает за свой счет открыть богадельню, помещик М.С. Борщев оформляет на его имя дар-





ственную на 784 десятины земли. Известный общественный деятель и историк М.П. Погодин, друживший с Ф.В. Чижовым в статье «К соотечественникам» предлагает на деньги, собранные по всей России, приобрести для Комиссарова имение, назвав его «Домнино второе». Даже костромские заключенные не остались безучастными к подвигу Осипа Ивановича. Содержащиеся в отделении арестантской роты, узнав о спасении Александра II, попросили отслужить благодарственный молебен, что и было совершено 7 апреля.

Три недели спустя после того в Петербурге состоялось большое собрание костромичей с присутствием Комиссарова-Костромского, на котором Федор Васильевич Чижов, под общие возгласы одобрения, сказал: «Я не буду говорить, что Кострома желает присоединиться к России: она сама Россия. Есть события, которые важны, потому что в них видна невидимая обыкновенно, неосвязаемая рука Провидения... в этом случае Провидение выставило высоко мою скромную родину. Три раза пришлось ей быть спасительницей России. Первый раз, во время смуты и разладицы, она дала России Царя, нашего костромского боярина Михаила Федоровича Романова... едва он только вступил на престол, как наш костромич спас от смерти уже Царя,- вот другое спасение. Наконец, милостивые государи, на наших глазах совершилось третье чудесное спасение...» Мысль Чижова продолжил секретарь американского посольства Куртин, заметивший: «Теперь, когда Россия приносит благодарственные молитвы за спасение возлюбленного Царя, когда скорбь и ужас превратились в радость и всеобщее ликование, костромичи, уроженцы родины Царствующего Дома, родины Ивана Сусанина и Осипа Комиссарова, собрались сюда чествовать доблестного земляка...позвольте мне предложить совокупный тост за русского Царя, с тостом за Москву, создавшую государство, и за Кострому, давшую и два раза сохранившую Государя».

По окончании собрания открыли подписку на сбор средств для устройства школ в Костромской губернии, а генерал Марков прочел написанную им оду, в которой были слова, обращенные к Сусанину и Комиссарову:

*Я вспоминаю с гордостью всегда,  
Что их одна земля взрастила,  
Что их обоих окрестила  
Родная волжская вода...*

Чествовать царского спасителя продолжали весь апрель. Французский император жалует Комиссарову-Костромскому орден Почетного легиона, австрийский - Командирский крест ордена Франца-Иосифа. Осип Иванович избирается почетным членом Императорского общества сельского хозяйства.



Монетный двор в его честь чеканит золотую медаль. По всей империи идет сбор пожертвований, устанавливаются стипендии Комиссарова, печатаются его портреты, изготавливаются бюсты.

Однако к концу мая «радость и ликование» заметно пошли на убыль. Последний раз появился Осип Иванович на публике в 1867 году - в день открытия часовни на месте выстрела Каракозова. После того имя Комиссарова поминалось все реже и реже. Причем совершенно в ином толковании. Будто бы никакого подвига Комиссаров не совершал. Каракозов тогда сам промахнулся, а версию во спасение Александра II придумал Э.И.Тотлебен. Объявились новые претенденты на роль спасителя государя: учитель русской словесности Артоболевский и приказчик Белов, утверждавшие, что это они отвели руку убийцы. Стали рождаться сплетни и слухи, что Осип Комиссаров, не имевший достаточной внутренней силы и духовной стойкости сохранить свою личность, предался традиционному для российских неудачников пороку - начал бесшабашно кутить, чему способствовала и пожалованная государем пенсия в три тысячи рублей.

На деле судьба Комиссарова-Костромского сложилась иначе. В 1867 году он зачислен юнкером во 2-й лейб-гусарский Павлоградский полк. Через десять лет в чине ротмистра выходит в отставку и поселяется в пожалованном ему имении Константиноградского уезда Полтавской губернии, где развел прекрасный фруктовый сад и устроил образцовую пасеку. Здесь, среди любимых им деревьев и цветников, Осип Иванович и обрел последний приют в 1892 году, пережив всех участников той давней драмы.

Имя Комиссарова и сегодня далеко не безразлично его землякам, пытающимся осмыслить события российской истории прошлого. Как справедливо отмечает историк Валерий Покровский в своей статье «Несостоявшийся Сусанин»: «О кружке Ишутина и выстреле Каракозова достаточно много было написано после 1917 года, а Комиссаров после был совершенно забыт. А человек мужественный и честный, он сумел бы оттолкнуть пистолет, направленный не только в Государя...»

Мог бы. Потому что жил, как и многие его костромские земляки, с врожденным пониманием справедливости, чести и человеческого достоинства.





### ДА ЗДРАВСТВУЮТ АМЕРИКАНЦЫ!



В первых числах августа 1866 года в Петербург приехало посольство Вашингтонского конгресса с поздравительным адресом к Государю Императору Александру II, по случаю его чудесного спасения костромским гражданином Осипом Комисаровым от руки злодея. Посольство выразило желание посетить коренную Русь, а прежде всего Кострому, как родину Царствующего Дома Романовых, а также родину Ивана Сусанина и Осипа Комисарова.

21 августа в 11 часов утра пароход «Депеша» под американским флагом доставил в Кострому американское посольство, под начальством товарища министра Северо-Американских Штатов капитана Густава Вазы Фокса. В Костроме гостей ждали не ранее 2-х часов дня, а потому не были готовы к визиту подобающим образом. Тем не менее, их встретил губернатор Николай Александрович Рудзевич, а буквально через несколько минут вся пристань и берег Волги были расцвечены флагами и множество костромичей приветствовали драгоценных гостей.

После посещения господина губернатора, губернского предводителя дворянства Н.П. Карцова, городского головы А.А. Акатова, который от лица всего городского общества поднёс посольству хлеб-соль, посланцы из Америки расположились завтракать на палубе своего парохода. Между тем на набережной собралось множество народу. Пароход окружили лодки, с которых дамы бросали на палубу цветы, а одна местная прелестница взошла на борт и поднесла г. Фоксу изумительный букет из георгинов. С барок, окружавших «Депешу», в которых находились преимущественно крестьяне, раздавались громкие приветствия и добросердечные пожелания.

Г. Фокс, видя такое всенародное воодушевление и восторг, сказал, поднимая бокал: «Пью за здоровье г. губернатора и за священный город Кострому с ея святынями!» Слова его присутствующие встретили дружными криками: «Ура!» и «Да здравствуют американцы!»

После того высокие гости осмотрели памятник Ивану Сусанину, посетили Ипатьевский монастырь, механический завод Шиповых, а затем их пригласили в дворянское собрание. Прекрасная зала собрания была убрана деревьями и гирляндами из зелени, меж которыми в глубине залы находился портрет Государя Императора Александра II во весь рост, а под ним бюст его спасителя-костромича Осипа Ивановича Комисарова, также убранный свежей зеленью.



Дети Костромы поднесли г-ну Фоксу и его спутникам большие букеты цветов, перевязанные лентами, разрисованными под американский флаг. Губернский предводитель дворянства Н.П. Карцов приветствовал заокеанских визитёров словами: «Нам дорого внимание наших гостей к Костроме, в которой они чтут олицетворение русского патриотизма... Имею честь приветствовать г-на Фокса и предлагаю тост за здоровье президента Соединенных Американских Штатов и за благоденствие великой и дружественной нам Северо-Американской нации!» На что Густав Фокс с искренней добросердечностью ответил: «Кострома со всех сторон окружила нас приветами. Вне этих стен густая толпа народа распевает свои вдохновляющие русские песни. Сливаются мелодии двух наций и сочетаются славные флаги, освящённые победами. Наше собрание благословляют своим присутствием ангелы. Странники из «Нового света» мы молим Всевышнего, чтобы семена, брошенные сегодня, давали непрерывную жатву взаимного братского чувства между нашими великими нациями на веки и веки... Провозглашаю тост за весь народ города Костромы!..»

По случаю пребывания в городе высоких гостей из «Нового света» вечером на главных улицах была устроена иллюминация. Перед дворянским собранием высился большой щит с вензелями президентов Вашингтона, Линкольна и Джонсона, а также с изображением гербов Костромской губернии и её уездов. А когда американцы стали спускаться к пристани, на Сусанинской площади и на берегу Волги вспыхнули бенгальские огни, ярко и красиво озарившие реку, пристань и стоящие здесь пароходы. В полночь «Депеша» под звуки русского гимна и гимна Соединенных Штатов Америки отчалила от берега.

А спустя три дня представитель северо-американского посольства Густав Вазы Фокс, по постановлению Костромской думы, был избран почётным гражданином города Костромы.





## ЭТА ЛЮБОВЬ — КОСТРОМСКАЯ



Как-то Павел Александрович Флоренский писал Василию Васильевичу Розанову: «Вот, дорогой Василий Васильевич, наше сходство глубочайшее... это острая до боли любовь к конкретному, к сочному, и скажу определённо, к корню - к корню личности, истории, бытия, знания. Думается, что эта любовь - костромская, ибо нет во всей России, а может быть и на земном шаре, никого более коренного по вкусам, по укладу, по организации души, чем костромичи».

Любовь костромичей к знанию всегда была притягательно-неодолимой и глубоко уважительной. С особой почтительностью наши предки относились к книгам, которые в те давние времена часто жертвовались монастырям. Почти каждый такой вклад сопровождался слёзной мольбой о вечном поминовении родных жертвователя. На тех же кто похитит книгу, призывался гнев Божий, о чём делались такие грозные надписи: «А не имеет ея никто из тоя Божественныя церкви николя взять да продать, или заложить... а ежели кто похочет ея взять из того святого храма в свою мощь силою,- и великий позор тому будет от Создателя Господа Бога... и будет осуждён, и молитва его буди в грех... да будут сынове его сиры и жена его вдова... »

С середины XVII столетия наши земляки становятся одними из самых заядлых книголюбцев России. Более 70 костромичей покупали книги непосредственно в книжной лавке Московского печатного двора. Были среди них люди не только родовитые, богатством не обойденные, как «боярин и ружничий» Григорий Гаврилович Пушкин, но люди самых разных сословий и достатка; «Иванис Иванов сын Карцов из Костромы», «костромитянин подьячий кабацких дел» Сила Ивлев и прочие. Покупали в основном «Азбуку», стоившую одну копейку, первый печатный свод российских законов «Уложение», статьи для назидательного чтения, Библию.

Среди покупателей Библии был и «костромитянин Гурий Никитин», росписи которого в Троицком соборе и сегодня восхищают наших современников. К слову сказать, стоила Библия в ту пору недёшево — «5 рублёв серебром», что равнялось цене 70 пудов ржи либо 19 бычков.

А скоро и в Костроме началась торговля книгами, зачинателем которой стал бывший приказчик Московской книжной лавки Василий Сопиков. Он был самоучка из купеческой семьи, с молодых лет пытавшийся понять значение книги в жизни людей, познать историю их рождения. Именно здесь у Василия Сопикова пробудилась страсть не только к собирательству русских книг, но и к их описанию.

Оставив в 1788 году Кострому, Сопиков уехал в Петербург, где поступил на службу помощником библиотекаря русского отдела Петербургской публичной библиотеки под началом знаменитого баснописца Ивана Андреевича Крылова. С ним он проработал до конца дней своих - до 1818 года, оставив пять томов главного труда, в котором воплотилась история русской книги. Называлось сочинение пространно:



«Опыт российской библиографии, или Полный словарь сочинений и переводов, напечатанных на Славянском и Российском языках от начала заведения типографии до 1813 года с предисловием, служащим введением в сию науку, с историей о начале и успехах книгопечатания как в Европе вообще, так и особенно в России, с примечаниями о древних редких книгах и их изданиях и с краткими из оных выписками. Собранный из достоверных источников Василием Сопиковым».

Эта уникальная книга есть и в фондах Костромской научной областной библиотеки нашего города, где автор её делал первые шаги, как в книжной торговле, так и в области книговедения и библиографии.

В 1855 году в Костроме открылась первая публичная библиотека, на Кинешемской улице в доме г-жи Колычевой. «Костромские губернские ведомости» по этому поводу писали: «Мы, признаться, были очень приятно удивлены, найдя её выше ожидания. Помещение удобное, мебель изрядная... выбор книг делает честь вкусу содержатели библиотеки, здешнего мещанина и переплётчика И.В. Солониковского... Книги по преимуществу русские, почти все в щегольских переплётках и состоят из творений многих наших поэтов и беллетристов, немало книг и учёных. Сверх того есть очень много переводов творений лучших романистов Запада... С 1856 года при библиотеке откроется зала для чтения газет. До сего времени, к сожалению, в Костроме, где до 12 тысяч жителей... не было публичной библиотеки...»

Скоро работа библиотеки Солониковского была признана одной из лучших в российской провинции и стала известна за пределами губернии. Её деятельностью заинтересовался известный поэт Иван Савич Никитин, решивший сам открыть подобную библиотеку в Воронеже, о чём писал своему другу, служившему в Костроме. Кстати и ссуду на открытие своего заведения - 3 тысячи рублей - Иван Савич тоже попросил у костромича, известного предпринимателя и мецената В.А. Кокорева, с желанием откликнувшегося на просьбу воронежского поэта.

С тех пор Кострома претерпела немало невзгод и лишений, но справилась с ними, выстояла, ибо в самые неласковые времена костромичи жили «острой любовью» не только к «корню личности, истории, бытия», но и к источнику знания - книге, находя в ней духовную опору, о чём поэт в минуту откровения сказал:

*Какие письмена! Склонясь, немею  
Над судьбами, что слово обрели.  
Я долгую историю земли  
Читаю и от горя каменею.*

*Пред каменным терпением людей  
Бледнеют статуи бронзовые слитки.  
Бесстрастные, бесчувственные свитки  
Ещё хранят былой накал страстей.  
На полке древний том - нетленен, вечен –  
Стоит, закладкой памяти отмечен.*



## НАРОДНАЯ ЧИТАЛЬНЯ



В 1883 году Кострома получила разрешение от попечителя Московского учебного округа на проведение в городе народных чтений. С тех пор они велись в здании уездного земства, в зале съезда мировых судей. Зал вмещал 250 человек, а поскольку интерес костромичей к чтениям был велик, их приходилось повторять и два и три раза. Но в сентябре 1884 года Костромская уездная управа уведомила заведующего читальней Евгения Мильевича Микифорова, что чтения в доме Костромского земства возобновиться не могут, так как зал съезда мировых судей отделан заново и портить его, имея в виду множество посетителей на чтениях, управа находит неудобным. Другого подходящего места для проведения народных чтений в Костроме не было и им грозило закрытие, если бы на помощь не пришёл командир стоявшего в то время 140-го пехотного Зарайского полка, который с согласия городского головы В.И. Чернова предложил для чтений здание городского манежа, вмещавшего до 800 человек слушателей. Чтения в манеже велись почти в течение семи лет, и когда в 1891 году это здание понадобилось для военных нужд, тогда в среде членов комиссии по устройству народных чтений утвердилось решение построить для чтений особое каменное здание, связав его с памятью писателя-костромича Александра Николаевича Островского. На постройку начали поступать частные пожертвования. В списке жертвователей можно видеть лиц всякого сословия, звания и состояния, начиная от простых рабочих до высокопоставленных лиц, жертвовавших от 15 копеек до 3000 рублей. Городская дума для постройки читальни отвела место на бульваре, возле церкви Петра и Павла.

6 апреля 1895 года последовало Высочайшее соизволение Его императорского Величества на устройство в Малом театре в Москве спектакля, сбор от которого поступил бы в Кострому. Спектакль, состоящий из пьес Островского «Таланты и поклонники», «Лес» и «Волки и овцы» был представлен 25 апреля 1895 года, доход от которого в сумме 1689 рублей 65 копеек перечислен на строительство народной читальни.

В мае того же года Его Преосвященством Виссарионом Епископом Костромским и Галическим совершилась торжественная закладка доски с вырезанными на ней словами: «В царствование императора Николая II мая 5-го дня 1895 года заложено сие здание для народных чтений в память писателя-костромича Александра Николаевича Островского».

Потомственный почётный гражданин города П.Г. Колодезников объявил, что сочувствуя делу народных чтений, он обязуется, когда будет построено здание, отапливать его на свои средства и содержать сторожа, что впоследствии и исполнил. Фабрикант А.А. Зотов высказал желание основать при читальне народную библиотеку, а жена тайного советника П.Д. Антипова получила разрешение на продажу в здании народных книг и картин.



Позднее, 6 ноября при содействии писателя-костромича Алексея Антиповича Потехина и по инициативе артистки Марии Гавриловны Савиной императорским Александринским театром в Петербурге был устроен благотворительный спектакль по пьесе Островского «Волки и овцы», давший на постройку читальни 888 рублей 36 копеек.

Таким образом, к весне 1896 года скопилась необходимая сумма в размере 9400 рублей, и старания комиссии сводились к одному: как можно скорее закончить постройку. Благодаря энергии архитектора Брюханова и заведующего читальней Микифорова 22 сентября состоялось освещение здания и открытия чтений в присутствии губернатора Шидловского, вдовы Островского Марии Васильевны и двух его сыновей – Сергея Александровича и Александра Александровича.

В 12 часов дня в просторной высокой зале читальни Его Преосвященство Виссарион совершил водосвятный молебен пред иконою Феодоровской Божией Матери, по окончании которого сказал речь, выразив в ней желание, чтобы новооткрытое и освящённое просветительное учреждение было проводником истинного просвещения, чтобы лица, взявшие на себя труд сообщать здесь народу сведения о разнообразных предметах из области истории и естествознания, питали народ здоровым учением, и не давали ему камня вместо хлеба...

По окончании богослужения директор народных училищ Костромской губернии В.А. Петровский произнёс речь, в которой указал на то, что возникновением народных чтений и устройением особого для них здания Кострома весьма много обязана энергичной и самоотверженной деятельностью Евгения Мильевича Микифорова: он не жалел ни труда, ни времени для любимого им дела и не останавливался ни перед какими трудностями.

Учитель классической гимназии Н.И. Коробицын прочёл очерк об А.Н. Островском и его произведениях, во время чтения которого на экране появился портрет писателя и изображение некоторых сцен из его пьес.

2 июня 1898 года при читальне была открыта бесплатная народная библиотека, и начались работы по сооружению сцены для представления народных спектаклей. Для этой цели товариществом артистов Московского Малого театра, с Михаилом Прововичем Садовским во главе, было отчислено 96 руб. 30 коп., а местными фабрикантами братьями Зотовыми и Н.К. Кашиным было пожертвовано 600 аршин полотна, благодаря чему к концу года здесь была поставлена сцена и нарисовано несколько декораций. В читальне работали три учреждения, тесно сотрудничавшие со школой: народная читальня, народная библиотека и народный театр.

По решению городской думы в зрительном зале установили мраморную доску со словами: «Здание настоящей народной читальни имени А.Н. Островского устроено старанием и заботами Евгения Мильевича Микифорова».

После революции Алексей Дмитриевич Попов организовал здесь театр студийных постановок, уступивший в последствие место театру юного зрителя. С 1936 года в здание располагается областная театр кукол, как бы продолжая служить делу народного просвещения, ради чего задумывалась и строилась читальня имени А.Н. Островского.





## О ЧЕМ НЕ ПОПЛАЧЕШЬ — О ТОМ НЕ СПОЕШЬ



«Полиция гораздо строже смотрит на песни, чем на грабежи», - заметил как-то большой знаток и любитель народной песни Александр Николаевич Островский, для которого песня являлась, прежде всего, источником познания жизни народа и его духовной культуры. А костромская земля во все времена была краем песенно-богатым, щедро одарившим людей подлинно народными песенными творениями. Многие писатели-костромичи не только часто использовали их в своих произведениях, но и сами занимались собирательством, чтобы сохранить для потомков.

Тесно связана с народно-песенной традицией лирика Юлии Жадóвской, которая не раз признавалась в своей любви к «сладким песнями старины»:

*Как мне вечером скучно одной,  
Да при том же не в шутку больной!  
Я б охотно послушала сказки,  
Дождалась бы и глупой развязки;  
А уж если бы песню кто спел,  
Мой недуг бы как раз отлетел!..*

- признавалась Юлия Валериановна.

Страдая тяжелым недугом, Жадовская, тем не менее, делала попытки записывать народные творения. Записывала, только для себя, но когда представился случай, она передала записи в Собрание Петра Киреевского, где они были опубликованы в середине XIX столетия, а впоследствии переизданы в научном издании «Литературного наследства». Песни эти сегодня мало кому известны, но они дают представление нам, ныне живущим, о чувствах, переживаниях, самобытности песенного слога молодых людей, живших на нашей земле более двух веков тому назад.

*Не сиди, красна девица  
Поздно вечером одна...  
Ты не жди, не жди, девица,  
До полуночи меня:  
Завтра еду я в моря,  
Во чужие города.  
Уж мне с тобой не спáти,  
По твоим белым грудям не трепáти,  
Твои сахарны уста не целовати.  
Уж мне спать-ночевать*



*На Чёрном море,  
Мне трепать да трепать  
По синю морю веслом,  
Целовать-миловать  
Мёрску горькую волну.*

Алексей Феофилактович Писемский, горячий поклонник самобытных форм русской народной жизни и поэзии, также постоянно обращался к русскому фольклору, выступая против его формального истолкования. «Самой живой сценой, – писал он, – бывает, когда какой-нибудь мальчишка покатится вдруг колесом и врежется в самый хоровод, причём какая-нибудь баба, посерднее на лицо, не упустит случая, приговаривая: «Я те, пёс, баловник этакой!», толкнёт его ногой в бок, а тот повалится на землю и начнёт дрыгать ногами, девки смеются...»

Занимался Алексей Феофилактович и собирательством. Записанные им «Костромские, городские и деревенские» народные песни говорят об интересе Писемского преимущественно к фольклору обрядовому – к хороводным, свадебным песням и приговорам.

Из 12 песен Писемского, переданных Петру Кириевскому, особенно выделяется одна под номером “Четыре” с необычным шуточным зачином-приговором:

*Жил я в Польше,  
Не было меня больше,  
Только пришёл я в Русь,  
Всякий меня в ус.  
Прислан указ из Польши,  
Нет его больше.  
Другой из Костромы –  
Из блудливой стороны!..*

После такого лихого зачина следует песня-веснянка, с пожеланием «красной весны», тёплого лета, богатого урожая и всяческого довольства. За веснянкой читаем эпическое повествование о птицах, где под именами пернатых изображаются представители разных социальных сословий. Эпический слог сменяют детские потешки... Но главная примечательность этой песни, заинтересовавшей Писемского, в том, что многие её поэтично-шуточные откровения не имеют аналогов в русском фольклоре. Она родилась здесь, на этой земле, под этим небом, среди костромичей, всегда доверявшим поэтическим словам веселье и слёзы, горести и радости простого человека.

Старинные народные песни, собранные и сбережённые писателями-костромичами, дороги нам не только тем, что воскрешают многие моменты жизни наших предков, но и тем, что по сей день они остаются образцами высокого поэтического мастерства. Ведь не случайно в стародавние времена в народе говорили: чего не увидел - о том не расскажешь, о чём не заплакал – о том не споёшь. И не напрасно полиция в те времена гораздо строже смотрела на песни, чем на грабежи.



## ДЯДЯ ГИЛЯЙ НА ВОЛГЕ



В мае 1883 года «Первое товарищество русских актёров», созданное известным мастером сцены Василием Николаевичем Андреевым-Бурлаком, отправилось в гастрольное путешествие по Волге от Ярославля до Астрахани. Василий Николаевич восторгался своей актерской «коммуной», жившей законами артели. А «коммуна» действительно была славная, именами знатная: сам Андреев-Бурлак, Модест Писарев, Горин-Горайнов, Глама-Мещерская, молодой Владимир Гиляровский... Да и репертуар был отменным: «Лес» и «Светит да не греет» А.Н. Островского, «Господа Головлёвы» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Горькая судьбина» А.Ф. Писемского, «Кручина» драматурга-волгаря В. Шпажинского.

О том, что известный писатель Владимир Алексеевич Гиляровский посещал Кострому и оставил о том свои воспоминания, как-то не очень распространено. А связь эта началась ещё в юношеском возрасте, когда 17-летний Гиляровский, по примеру своего любимого героя романа Чернышевского «Что делать? «Рахметова, надумал бежать на Волгу и стать бурлаком, чтобы «послужить угнетённому народу». Оставив родной дом в Вологде, он добирается до Ярославля, но здесь бурлаков не оказалось, и он направляется в Кострому, где повстречался с ними.

Молодой, ловкий, косая сажень в плечах молодец с надеждой смотрел на сильных, видом суровых и неразговорчивых людей, ожидая их решения. Глава бурлацкой артели, окинув Гиляровского оценивающим взглядом, сказал всего одно слово:

— Сдержись!

Положили новенькому за путь от Костромы до Рыбинска три рубля, и стовор состоялся. Так для Владимира Гиляровского начались скитания, длившиеся девять лет. Меняя профессии, он за это время обошёл всю Россию, не раз возвращался на Волгу и в Кострому. В 1874 году плыл на пароходе из Рыбинска до Костромы и в пути познакомился с итальянцами, которые ехали сюда торговать ювелирными изделиями: 31 мая в городе начиналась, так называемая «Девятая» ярмарка, на которую отовсюду съезжалось много торговых людей. Итальянцев удивило знание Гиляровским французского языка, и они пригласили его к себе помощником. Поработав некоторое время продавцом, Гиляровский махнул рукой на прибыльное дело и отправился вниз по Волге, на Нижегородскую ярмарку.

Позже в книге «Мои скитания» Владимир Алексеевич напишет: «Весной, 1883 года известный провинциальный актёр и антрепренёр Бурлак пришёл ко мне и пригласил меня поступить в организованное им товарищество для летней поездки по Волге». Гиляровский поначалу колебался, размышлял, как повлияет эта поездка на его работу в газетах и журналах, но всё решил зычный голос Андреева-Бурлака: «Гиляй, на Волгу зову!..»



Владимир Алексеевич был принят в Товарищество помощником по режиссерской части, администратором и артистом. Во время поездки он вёл дневник, в котором сделаны записи и в Костроме, отмечающие характерные черты провинциального быта. Особенно Гиляровскому запомнился день 23 апреля 1883 года, когда костромичи готовились к встрече только что спущенного на воду парохода «Амазонка». «Вся Кострома,- пишет Владимир Алексеевич,- высыпала посмотреть новый пароход, плоскодонный, с одним колесом, принадлежащий Зевеке... Вдали, на темном фоне берега, светлым пятном белел высокий корпус этого гиганта-американца, созданного на русской Волге предприимчивым пароходчиком... Пристань была набита народом. Впереди у самого края толпилось костромское купечество, молодёжь, дальше дамы и их спутники - офицерство, здешние сердцееды... Всё ближе и ближе обрисовывался корпус «Амазонки».

— И что это ён не свистит? - вопрошает пальто с барашковым воротником своего соседа - толстого купца.

— Эти пароходу без свисту, потому они мериканские, им воспрещается.

— Почему же? - любопытствует сосед.

— Потому что мериканские, и никак не возможно.

Как бы в ответ на это раздаётся оглушительный свист «Амазонки».

— А вот свищет, дядя! - заговорило пальто.

— Дурак! Это не свист, а шип!..

Костромская публика приняла столичных артистов тепло и радушно. 7 мая 1883 года в дневнике Гиляровского появилась запись: «Вчера в Костроме шла «Кручина». Роль жены Недыхляева на этот раз играла Свободина. Пьеса прошла блестяще. Приём такой, какой мне ещё не снилось видеть... По окончании пьесы вызывали всю труппу и поднесли адрес от публики, который был прочитан учеником гимназии Никифоровым. Вызовам не было конца».

Пройдут годы, но Владимир Алексеевич Гиляровский ещё не раз добрым словом вспомнит Кострому, где впервые надел лямку бурлака, и которой посвятил первые стихотворные строки:

*Всё-то мне грезится Волга широкая,  
Грозно-спокойная, грозно-бурливая,  
Грезится мне та сторонка далёкая,  
Где протекла моя юность счастливая.  
Помнится мне, на утёсе обрывистом  
Дубы высокие, дубы старинные,  
Стонут они, когда ветром порывистым  
Гнутся, ломаются ветви их длинные.  
Воет погодушка, роца колышется,  
Стонут сильнее всё дубы громадные,  
Горе тяжелое в стоне том слышится,  
Слышится грусть, да тоска безотрадная...*



## НА ЧТО СПРОС – НА ТО И ЦЕНА



Кострома во все времена любила торговать. Любила и умела. Многие её обитатели имели к торговле большое душевное влечение и навыки своих прародителей. Торговали не только с Англией, Голландией, Персией, прочими заморскими странами, но, прежде всего, с Москвой белокаменной, бескрайней Сибирью, многими иными городами Российской империи, и земляков-костромичей не забывали. Уже в 1628 году здесь имелось 489 торговых лавок и амбаров, пятьдесят лет спустя их насчитывалось более семисот, а к началу XX столетия на 42 тысячи жителей одних крупных торговых заведений было 555. Здешние торговые

люди отличались расторопностью, неутомимостью, к тому же большой выдумкой на оригинальные “новые фантазии” для привлечения покупателей. Газета “Костромская жизнь” о них отзывалась так: “Вдруг откуда-то подбегают к вам торговцы или их приказчики, наперебой стараясь утащить покупателя к себе в лавку... Вас буквально разрывают на части, осыпая при этом друг друга бранью, от которой невольно хочется зажать уши. А когда покупателю не нравится товар и он уходит из лавки, эта брань уже адресуется покупателю”.

Но главными торговым событием Костромы являлась ярмарка, официально утверждённая в 1789 году. Она шумела на Сусанинской площади дважды в год: в марте - трёхдневная Фёдоровская, и летом - двухнедельная Девятая, поскольку проводилась с 9-е по 12-е воскресенье после Пасхи.

Сюда спешили все: и кто хотел выгодно продать и кто подешевле купить, кто запастись всем необходимым, чего нельзя было достать в обыкновенные дни, а кто просто поглазеть: других посмотреть - себя показать. Здесь оставлялись капиталы, делались годовые запасы, заключались сделки на будущее, встречались давно не видевшие друг друга знакомые.

Крестьяне костромской губернии задолго готовились к этим ярмарочным дням, и в заветный срок, завязав в узелок свою лучшую летнюю одежду, перекинув через плечо кожаную обувь, босиком шагали до городских окраин, где умывались у ближайшего колодца или водокачки, надевали обувь и праздничное платье и на несколько дней окунались в атмосферу беззаботности, веселья, разгульного времяпровождения.

Утром в день открытия ярмарки в церкви Спаса в рядах служили молебен, в центре Сусанинской площади поднимали флаг.

Первое ярмарочное воскресенье называли гулящим. В этот день не столько торговали, сколько развлекались. А развлекаться было где. За Мучными рядами ставились многочисленные увеселительные балаганы, карусели, цирк-шапито, “волшебный фонарь” с туманными картинками. Здесь показывали свои фокусы иллюзионисты и шпагоглотатели. Непременным участником ярмарки являлся ку-



кольный Петрушка. То и дело слышались зычные голоса зазывал в разноцветных пёстрых одеяниях:

— Заходите, заходите, на потеху поглядите!.. Пятачок не пожалеешь – на великое чудо поглазеешь!.. Расскажешь бабке про чудеса в шапке!..

Торговые будни начинались с понедельника. На ярмарке чего только не было. Глянешь — глаза разбегаются: хлеб и лён, сохи и бороны, книги и открытки, рыба и грибы. На некоторый товар существовали “цены с запросом”, то есть можно было торговаться. Это было своеобразным ритуалом, подразумевающим определённую долю развлечения и азарта, обязательными для продавцов и покупателей.

Торговали как местные, так и приезжие из Ярославской, Владимирской и Вологодской губерний. С красным товаром приезжали торговцы из Москвы Саратова, Иваново-Вознесенска. Гости из Ташкента продавали ковры, парчу, шёлковые ткани. Костромской листок про них писал: “Кой-где ленивые азиаты сидят, подобрав ноги, с шёлковыми и коврами товарами и равнодушно посматривают на окружающих...”

Местные мастеровые предлагали кадки, вёдра, ушаты, деревянную и глиняную посуду. Несколько лавок были заняты хрустальной, фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посудой.

Торговцы с Кавказа в небольших ларьках на глазах покупателей делали сахарную вату, в особых печках пекли вафли, пышки и пончики.

Персы, армяне, грузины, таджики, узбеки торговали орехами, изюмом, рисом, “дивьим мёдом” и всякими восточными сладостями. Костромичи с удивлением и любопытством смотрели на персидских купцов, одетых в причудливые национальные костюмы и с бородами, окрашенными в красный и синий цвета.

По заведённому обычаю в первом ряду на ярмарке торговали детскими игрушками: куклы, сабли, барабаны, деревянные матрёшки, гармошки, настольные игры... Толпы ребят с утра до вечера стояли перед этим “магазинами”, завидуя счастливицам, которым родители имели возможность купить дорогую красивую игрушку.

В большом ходу были воздушные шары ярких цветов, резиновые надувные “чёртики”, которые, выпуская из себя воздух, издавали пронзительный писк, набитые опилками шарики под названием “тёщин язык”, запаянные в стеклянные трубки “морские жители”, прыгающие пауки, многие другие диковинки.

Более двух недель в Костроме не смолкал ярмарочный шум, гам, музыка и смех, плач детей и голоса балаганых зазывал.

Но наступал день, когда ярмарка стихала. Разбирались балаганы, ларьки и павильоны, площадь пустела до следующего года.

И когда сегодня слышу песню “Ехал из ярмарки ухарь-купец”, почему-то думаю, что ехал он непременно из Костромы, для которой ярмарочные дни всегда были не только днями торговыми, но и по-настоящему желанными, праздничными, приносящими людям душевную радость.



### ЗИМОГОР – СЛОВО НАШЕНСКОЕ



В далёком XIX веке, да и в начале ушедшего XX-го, во всех волжских городах людей без определённого места жительства, пробавляющихся случайными заработками, называли «босьяками», а вот в Костроме – «зимогорами»? Откуда произошло название, что обозначает? Бог весть. Даже в словаре Владимира Ивановича Даля нет толкования этого слова. Правда, у костромских старожилов на этот предмет есть своё разумие. Так, по мнению Леонида Колгушина, слово «зимогор» истинно костромское, а родилось оно из сочетания слов «зима» и «Молочная гора», либо – «зима» и «горевать». Ну, последнее понятно. Кто зимами не горевал не только в отдалённые времена, да и нынешние, ежели у тебя ни кола, ни двора, а в кармане – вошь на аркане? Но почему «зима» и «Молочная гора»? В чём тут сокрытый смысл? Видимо, Молочная гора, ведущая от центральной части города к Волге, имела какое-то своё притягательное объединяющее начало в жизни людей, ряды которых пополнялись, в основном, покинувшими окрестные деревни отходниками, завлечёнными в круговорот большого торгового города, да так и не сумевшими найти своего «доходного места».

Летом зимогоры работали грузчиками на пристанях и вокзале, переносили разные тяжести покупателям с базара или из магазинов, выполняли поручения торговцев. Зимой, же занимались колкой дров, расчисткой снега и вообще не отказывались ни от какой работы, лишь бы заработать на кусок хлеба да на мятежную «косушку». Часто зимогоры «паяли», то есть пили в складчину, ссорились и дрались, но чтобы дойти до убийства – до такого редко когда доходило. Полиция относилась к ним снисходительно и даже иногда призывала на помощь, когда требовалась крепкая физическая сила. Любили они и пошутить. Иногда прохожие видели спящего на земле зимогора, у головы которого лежала дощечка с корявой надписью мелом или углем: «Без дела не будить!» или «На любую работу за пять копеек!»

Но это была так называемая «золотая рота», в которую попадали не деревенские искатели удачи, а люди из «привилегированных» классов: спившиеся чиновники, разорившиеся купцы, церковные певчие, отчисленные студенты... Обычно такие люди держались особняком от коренных зимогоров, подчёркивая тем своё некоторое превосходство над ними. Физический труд они не любили, а бродили по учреждениям-управам, судам и почтовым отделениям в поисках неграмотных клиентов, которым писали прошения, снимали копии, заполняли почтовые переводы, за что получали пятаки и гривенники. Не стеснялись они и попрошайничества, афишируя при этом свои прежние, часто придуманные, заслуги и достоинства: «Господа, подайте бывшему студенту на хлеб!», «Окажите посильную помощь



бывшему политическому ссыльному!», «Поддержите пострадавшего за справедливость поборника истины и честности!..»

А вообще-то костромские зимогоры честью своей дорожили, замечались в кражах редко. Многие годы костромичи помнили случай, когда уважаемый в городе учитель Виктор Никанорович Лаговский, проснувшись однажды ранним весенним утром, увидел стоящих у кровати трёх дюжих мужиков в довольно экзотических одеяниях. Не на шутку испугавшись, он крикнул: «Что вы тут делаете?», на что один из них спокойно ответил: «Не пугайтесь. Мы ждём, когда вы проснётесь. Мы хотели просить работы. Увидя вас, не хотели уйти до вашего пробуждения, боясь, что вы могли бы подумать, что мы что-нибудь у вас взяли. Соболаговолите нас отпустить и не откажите в двугривенном».

Успокоившись, Виктор Никанорович побеседовал с неожиданными гостями несколько минут, посоветовал им и в будущем быть такими же честными, а на прощание подарил целый рубль. Позже выяснилось, что супруга учителя, уйдя на базар, забыла запереть квартиру.

Чтобы облегчить участь зимогоров, местный торговец хлебом и пароходчик Чернов построил на берегу Волги ночлежный дом, в котором каждый, не имеющий постоянного пристанища, мог бесплатно переночевать, а утром получить горячий кипяток, фунт хлеба и кусок сахара. В настоящее время в этом доме располагаются офисы муниципального предприятия «Костромагорводоканал», но на чугунных плитах у входа сохранилась надпись:

«Сей ночлежный дом построен костромским купцом Фёдором Ивановичем Черновым на свой капитал для нуждающихся в бесплатном ночлеге, без различия всякого сословия, обою полу и передан на вечные времена в костромское городское общество. Открыт 1890 года».

Пользовались зимогоры ночлежным домом только в зимнее время, а с наступлением тёплых дней предпочитали свободу волжского берега, штабеля дров брёвен и досок, где над ними никто не властвовал, где сами себе были господами и хозяевами. Часто вечерами оттуда доносилась негромкая раздумчивая песня:

*Вниз по матушке по Волге,  
По широкому раздолью,  
Разыгралась погода,  
Погодушка верховая,  
Верховая, волновая...*

И слышалась в той мелодии затаённая печаль, невысказанные думы о семье и доме, светлая надежда на лучшую долю этих бесшабашных и вольнолюбивых людей, именуемых в народе зимогорами.





### СКАЧЕТ КЛАД ПО СКОШЕННОМУ ЛУГУ



Заповедный, таинственный мир сказаний и легенд седой старины костромского края воскрешает книга этнографических очерков Василия Смирнова "Клады, паны и разбойники", изданная в Костроме в 1921 году. В ней приводятся многочисленные варианты народных преданий и поверий, записанных на рубеже XIX и XX столетий, когда костромичи ещё помнили о временах татарских набегов, о литовских людях, здесь бродивших, об удалых шайках разбойников. В дремучих лесах и на могучих реках рождались и передавались из поколения в поколение поэтические легенды о скрытых в те времена в земле несметных кладах, заклятых страшными заклятиями. История кладов, как история самой страны, часто полна драматизма, окружена загадочностью. Клад, в народном представлении, не просто скрытые в потаённом месте деньги, он есть что-то одушевлённое, живущее своей зачарованной жизнью. Он движется, принимает иной облик, "отводит глаза" человеку глупому да жадному, а открывается лишь перед людьми праведными, честными, справедливыми.

Особенно часто знающие люди рассказывали о кладах, которые появляются ночью то тут то там огоньком. У Чернопенья клад скачет огоньком по скошенному лугу у Волги обычно летом после сенокоса. А вот у Караваево такое загадочное явление имеет свою особенность. По воспоминаниям тамошней скотницы Бараничевой в тех краях как-то заблудились в лесу пять солдат. Наступила ночь. Идут они и вдруг видят: горит впереди огонёк, а никого вокруг нет. Стали приближаться, а тот от них дальше уходит. Испугались солдаты, а один, что похрабрее был, пошёл прямо на огонёк, нагнал его. Смотрит, а около самого огня в земле дыра. Заглянул в неё, а там всё так и светится. И страшно солдату идти, а хочется. Наконец перекрестился и пошёл. Вниз лестница ведёт. Смотрит — пещера, и стоят в ней кувшины да мешки. Открыл один кувшин — золото, открыл другой — брильянты... Стал думать, что делать теперь? И тут видит в углу на полотенце икона, а перед ней свечка горит. И вдруг слышит голос: "Возьми икону и иди вперёд, а весь клад за тобой пойдёт!" Так солдат и сделал. С тех пор он и разбогател.

Особенно часто клады "чудились" в виде животных - собаки, лошади, телёнка, барана, петуха и курицы. А в деревне под Костромой он выходил поросянком. Раньше свиньи здесь большой редкостью были. А тут один крестьянин заметил - прибегают во двор эта скотина: похрюкает, пороет и пропадёт. Рассказал соседу про диво, а тот и говорит: "Да ведь это не свинья, а клад ходит. Иди,



ищи его. Как зацветёт папоротник, сорви его и принеси. Принесешь, выжди да накрой им свинью. Коли не рассыплется сама тут же деньгами, рой на этом месте во дворе клад. Какой тебя страх не будет смущать, ничего не бойся, только не оглядывайся". Набрался духу мужик, пошёл в лес добывать папоротник. А по дороге-то черти его хватают, и мяукают, и орут. Взял терпенье в зубы, не оглянулся, добыл. Как стал копать, такие страхи видел, что хоть брось, а всё-таки дорылся до целого чугуна с золотом. Так и разбогател...

По признанию наших далёких предков на присутствие клада в известном месте очень часто указывают разные явления и вещие сны. Как рассказывал один пастух из деревни Алексино: "Сам своими глазами видел. А было мне тогда тринадцать лет. Как-то варил я кашу в маленькой печке. Сварилась каша и вылезла из горшка... Я и закричал: "Смотрите, каша из горшка лезет!" Тут она сразу и остановилась. Эх, не надо было бы кричать. Она бы покатила из печи на то место, где клад лежит, тут и ищи его".

А вот одна женщина три ночи подряд видела во сне, как некий незнакомец, явившись к ней, открывал клад, но с условием: если она пойдёт за ним со своим кровным племянником или племянницею вдвоём. Во сне было обозначено и место, где тот клад находится. Баба сну поверила и обратилась к племяннику, пригласив его с собой для отрывания клада. Племянник согласился, но пожелал взять с собой ещё кого-нибудь, кто посмелее. Уговорили двоих смельчаков и, вооружившись дубинками, отправились в путь. Время было полуночное. Ветер холодный так и свищет, так и гудит. Сажень пятнадцать осталось идти, как видят: над тем заветным местом огонёк сверкает, скачет. И вдруг чудища стали показываться, плясать и скакать пред огнём. "Глядим, – вспоминала потом кладоискательница, – а провожатые-то бегут от нас только пятки сверкают. Не выдержали и мы с племянником, за ними следом припустили, не помним, как с ужасу-то до домов добежали, потому что очень уж страх обуял... Так ни с чем и вернулись".

Обычноклады давались людям простодушным, некорыстным. Рассказывают такой случай: копают двое в известном месте клад. Докапываются до него, уж заступ ударил во что-то железное, показался угол кованого сундука. В это время невдалеке появился прохожий. Искатели клада, не желая с ним делиться добычей, прячутся в кустах. Когда прохожий скрывается из виду, они выходят и принимаются за работу. Но как не стараются, ничего уже нет – клад скрылся. Так никто до сих пор не может воспользоваться зарытым богатством.

Казалось бы, что особенного, необычного в подобных "бабушкиных сказках"? Но они, по словам этнографа Василия Смирнова, "дают немало отдельных черт для характеристики древнего и современного костромича, служа лучшим отображением человека, их создавшего". Через эти простые, бесхитростные рассказы и легенды к нам приходит память народа, житейская мудрость и нравственные идеалы наших далёких предков.



## ДЕЛА РАЗБОЙНИЧЬИ



Костромская земля, щедрая на дремучие леса, потаённые урочища, непроходимые дебри да болота издревле являлась для разбойников, гулявших когда-то по Волге, Унже и Ветлуге, местом желанным, притягательным.

Однако многие дошедшие до нас сказания о лесных людях не называют их имён, или, называя имена, не указывают время, когда они жили, а потому трудно определить, исторические ли это лица, либо порождённые народной фантазией.

По рассказам бывалых людей в 7 верстах от села Троицкого, что на Ветлуге, находится деревня Городище, а невдалеке от неё утёс, который называется Бабьей горой. И существует про него такая легенда: будто бы в стародавние времена была здесь разбойничья стоянка, жило 12 разбойников, а атаманом у них являлась баба Степанида. Долго она ими верховодила, на разбой вместе выезжала, пока не поссорилась со своими молодцами. Те убили атаманшу и закопали тут же в землю. Теперь в осенние глухие ночи слышен здесь стон умершей без покаяния разбойницы, а по временам, говорят, будто бы показывается она на этой скале и сидит на краю утёса, пригорюнившись.

В народном представлении образ разбойника есть олицетворение протеста против существующего порядка, человеческого бесправия, несправедливостей. Но когда разбойник начинает обижать "своих" - бедных да захудалых, - симпатии народные резко меняются.

Вот в одну деревню, находившуюся в лесу в 15 верстах от ближнего человеческого жилья пришли разбойники и остановились у крестьянина с целью сорвать с него свой разбойничий куш. Хозяева их угощают, задабривают, чтобы они не так уж обирали начисто. В это время входит молодая сноха и, не поклонившись гостям, прошла за перегородку. "Ах ты, свинья такая! Ты нам не хочешь и кланяться!" - закричал один из разбойников. "От свиньи и слышу!" - получил он в ответ. "Как ты смеешь с нами так разговаривать! Да ты знаешь, кто мы?.. Ну, так я тебе сейчас покажу!" - вспыхнул разбойник и выхватил нож. Но, несмотря на все усилия, встать с места не мог. Семейные перепугались, а молодка кричит: "Ну, чего вы перетрусили!.. Ступай, батя, зови народ, да вяжите их... Нечего с ними церемониться!». Собрался народ, стал разбойников связывать, но какая-то невидимая сила мешала - оковы спадали. "Ткните булавкой им в ноги-то! - посоветовала молодуха, - пустите кровь, тогда свяжите". Сделали так и, действительно, удалось связать разбойников. Рассадили их в телеги и отправили в уездный город, где давно их дожидались.



Особенно много на костромской земле бытовало рассказов о подвигах "благородного" разбойника Ивана Фадеича, который "не обирал бедных, а грабежи устремлял на купцов и помещиков". Иван Фадеич Хабаров родился в 1758 году в селе Осенева Ростовского уезда, что по соседству с Нерехтским. За неповиновение властям был сдан в рекруты и отправлен в Москву, откуда бежал в Польшу, потом на Украину, но, затосковав по родине, вернулся в Ростов, где его схватили и отправили в Военную коллегию. После очередного побега тайно обосновался в селе Подозерье Нерехтского уезда и некоторое время спустя Хабаров командовал целым отрядом. За два месяца "станишники", как их звали в округе, совершили три нападения на помещичьи усадьбы, действуя по призыву и при помощи самих крестьян.

Власти всполошились. Начались поиски становища отряда Хабарова. Наконец всех схватили спящими и заточили в острог в Костроме.

В 1791 году состоялся суд. Ивана Фадеевича и его друзей постановили бить нещадно кнутами, выжечь калёным железом знаки на лбу и щеках и отправить в Сибирь на каторгу.

В 1797 году Павел I проезжал через Нерехту. Увидев, что полиция стоит с обнажёнными саблями, император язвительно бросил городничему: "Ты встречаешь меня, как Ивана Фадеевича!"

Скоро Хабаров из Сибири бежал и обосновал становище в усадьбе Скалозубова и селе Селифонтово Костромского уезда. Промышлял в основном на оживленном Галическом торговом тракте, избегая всех расставленных ловушек. Костромской земский исправник А.П. Ягнетев заслал в его отряд лазутчика. Однажды тот донёс, что Хабаров, узнав о проезде по тракту из Костромы богатого купца, будет поджидать его под мостом через речку Буянку, что течёт на одиннадцатом километре дороги из Костромы в Судиславль, сразу за повороткой на Никольское.

Исправник скрытно расставил на опушке леса две роты солдат, а сам выехал переодетым вместе с купцом. Когда повозка подъехала к реке, "станишники" выскочили из-под моста. Солдаты перехватили их, но Хабаров скрылся в вырытой им у реки пещере. После того как у входа разожгли костёр, Иван Фадеевич выбежал с ножом в руках, но его обезоружили. Снова наказали кнутами и вернули в Сибирь.

Как выяснил краевед Виктор Бочков, Хабаров через некоторое время из Сибири вновь бежал, но в родных краях больше не появлялся. Последний раз его видели на Нижегородской ярмарке в 1838 году. Было Ивану Фадеевичу в ту пору 80 лет.



Четверть века спустя в издаваемом братьями Достоевскими журнале "Эпоха" печаталась пьеса писателя-костромича Николая Александровича Чаева "Сват Фадеич", с успехом поставленная в театрах, в которой с глубоким сочувствием изображён "народный заступник" Иван Фадеевич Хабаров.

А вот разбойник по прозвищу Валуй из Буйского уезда силы был необыкновенной: один против 14 человек выходил. В своих деревнях никого не трогал, по сторонам больше добычу искал. Бывало торопится куда-нибудь, а навстречу бедный мужик на лошади. Останавливает: "Давай лошадь, на тебе расписку!" А немного погодя является к мужику в гости, спрашивает: "У тебя, слышь, Валуй лошадь отнял?" Мужик отнекивается от греха подальше: "Нет, не видал я Валуй!" – "Не видал? Так на тебе!" – и приводит мужику мерина что ни на есть наилучшего.

Запомнился старожилам и некто Серапион из села Красного Костромского уезда. Тот фальшивые деньги делал. Очевидец событий кровельщик Михаил Ерунов вспоминает: "Такой специалист был – в казначействе не могли отличить его деньги от настоящих. Наградил он ими все Красное да и Кострома-то от него разбогатела. Как сейчас помню домик его на углу в три окошка. Мы пришли работать, а его забрали в то время в тюрьму. Так потом ушёл – умел глаза отводить. Нарисовал на стене лодочку – и уплыл. Народу-то он был люб, а начальство его не любило".

"Русский народ в песнях вспоминает разбойников не укоризной, а добрым словом, питает к ним не отвращение, а сочувствие. Такая проникнутая симпатией память объясняется неотразимой привлекательной силой и удалью", – писал один из исследователей народных песен о разбойниках.

Такой симпатией проникнуты и многие старинные песни, легенды и сказания о разбойниках, рождённые на костромской земле.





## НАРОД ЧЕКАННОЙ ПРОБЫ



*Вот они какие,  
Костромские –  
Женщины, подростки, мужики;  
Деревенские и городские,  
Волгари, волжане, земляки.  
Плотники, солдаты, хлебоборбы –  
Костромской народ чеканной пробы,  
Звонкий, да калёный на углях,  
Тёртый, как зерно на жерновах,  
Разумом прямой, а не в объезд,  
С ним водить хлеб-соль не надоест, –*

писала наша землячка поэтесса Мария Комиссарова. Писала искренне справедливо, ибо народ костромской во все века был работающим, душой щедрый, в делах отчаянный, но скромный. Не зря Александр Николаевич Островский как-то обмолвился: «Вот наш костромич Иван Сусанин не шумел: выбрал время к ночи, завёл врагов в самую лесную глушь; там и погиб с ними без вести...»

Однако помимо имён звучных, знатных, памятными деяниями прославленных, богата была костромская сторона и большими оригиналами, натурами незаурядными, какие без шутки и с лавки не свалятся. Шутки, порой громогласной, своеобразной.

«Нашему ндраву не препятствуй!» — таков был девиз купечества и костромские купцы в этом деле от прочих не отставали. Местные старожилы помнят случаи, когда за несколько часов карточной игры люди лишались десятков и даже сотен тысяч рублей, по тем временам деньги огромные. Так, каменный двухэтажный дом на Русиной улице (ныне Советская, 55) владелец его вместе с тройкой лошадей проиграл в карты за одну ночь.

В начале XX века в Костроме широко было известно имя богатого купца и парходчика Углечанинова. Проживал он больше в Нижнем Новгороде, но в Костроме имел предприятия и часто навещался сюда, проводя время в шумных кутежах. Его приезда с нетерпением ждали владельцы гостиниц и буфетчики, так как визит купца всегда сулил внушительные доходы. Зная буйный нрав Углечанинова, к его приезду из залов и кабинетов гостиниц убиралась вся ценная обстановка и зеркала, которые заменялись дешёвыми. Буфетчики в бутылки из-под шампанского наливали лимонад, а в винные - подкрашенную воду.

Входящий в хмельной кураж купец непременно бил зеркала и оконные стёкла бутылками, хватая их с буфетной стойки, куда буфетчики предварительно и ставили фальшивые. После похмелья он щедро оплачивал предъявленные счета, в которых лимонад фигурировал как лучшее шампанское, а дешёвые зеркала выдавались за уникальные образцы.



А вот другому купцу не давал покоя Богоявленский женский монастырь. Некоторые молодые монахини, в особенности послушницы, ходившие по городу и окрестным селениям с кружечным сбором на «благолепие храма Божьего», вызывали у него какое-то смутное подозрение. Желая подшутить над ними, купец, не долго думая, однажды приобрёл у крестьянина Шунгенской волости целый воз плетёных люлек для укачивания младенцев и направил их в монастырь с запиской на имя игуменьи. Случай этот вызвал в городе большие толки, а игуменья вынуждена была расстаться с монастырём.

Примечательной личностью являлся и костромской помещик А.А. Кологривов, большой любитель сценического искусства, содержавший свой театр, который со всеми актерами, музыкантами, певчими и собаками каждой зимой выезжал в Петербург. По свидетельству академика Ф.Г. Солнцева, все они были подстрижены на один манер и окрашены чёрной краской. Когда Кологривова спрашивали: «Зачем он привозит в столицу свою «труппу», ведь здесь так много хороших театров?», – помещик отвечал: «У меня на сцене, как я приду посмотреть, все актёры и певчие раскланиваются, и я с ними раскланиваюсь. К вам же придёшь в театр, никто меня не заметит и не раскланяется».

Не прошёл мимо внимания костромичей и майор Евстафий Семёнович Жадовский, проживавший в этих краях в XVIII столетии. Евстафий Семёнович имел слабость беспрестанно курить. Однажды по какому-то случаю, он должен был представиться императрице Екатерине Великой. Явился во дворец, приказал о себе доложить и стал ждать выхода государыни. Ждёт полчаса, час, а она не выходит и не выходит. У майора от долгого воздержания от курева даже под ложечкой засосало. Наконец, не вытерпел, сел и закурил. Тут-то государыня и появилась. Увидала его с трубкой и говорит: «Ничего... ничего, кури себе, Евстафий Семёнович. Покурила бы с тобой и я, да голова что-то болит».

— Вот какая, она была добрая матушка наша, – вспоминал потом майор.

А в другой раз с ним произошёл такой казус. Ехал Евстафий Семёнович на снях через Волгу. Дело было ночью. Кучер Селифан не доглядел и налетел на прорубь. Майор едва успел выскочить из саней, а лошади, кучер и сани скрылись подо льдом. Пожалел Евстафий Семёнович их, стал перебираться на другой берег. Перебрался, глядь, а там уже кучер Селифан его с тройкой дожидается.

— Какими судьбами? – удивился майор.

— Подо льдом переплыли, – пояснил кучер, – да ещё рыбы с собой захватили.

Посмотрел Евстафий Семёнович в сани, а они действительно полнёхоньки рыбой.

Вот что в старину-то бывало. И знатными делами предки наши славились, да и бесшабашной удалью, дерзким озорством и находчивостью их Бог не обидел.



## ПАМЯТЬ О ТЕБЕ ОСТАЛАСЬ С ПОХВАЛАМИ



Неласковым мартовским днём 1894 года в село Ильинское с местного погоста возвращалась многолюдная траурная процессия.

Костромской священник Александр Говорков, поотстав немного, вновь и вновь воскрешал в памяти образ Александра Андроникова, свое давнего знакомого, с которым учился в духовной семинарии и какого только что проводил в последний путь. Из глубокого раздумья его вывел мужичок, неслышно подошедший к Говоркову.

– Нет, уж не нажить нам такого доброго отца, каким был Александр Степанович,- сказал тот негромко со слезами на глазах.

Говорков обрадовался неожиданному собеседнику, спросил:

– Чем же он был особенно дорог для вас?

– Как же! - удивился мужичок. - Ведь он у нас образовал приход-то: в храм наш прежде мало ходило народу, а при нем всё полна церковь. Стоят все тихо, скромно, как за обедней. Отец Александр почитался человеком строгим, но ласковым, сердцем любвеобильным, доступным для прихожан во всякое время дня и ночи. Оттого и смерть его лёгкой стала.

– Лёгкой? - полюбопытствовал Говорков.

– По нашему разумению, очень даже, - подтвердил собеседник. - Чувствуя близкий конец, он подозвал супружницу свою Александру Васильевну, сказал ей: "Мне что-то хочется спать, но это будет, кажется, не простой сон... Прими благословение, и простимся в последний раз". А с заходом солнца страдальца нашего не стало...

"Страдальца нашего...", – мысленно повторил Говорков слова мужичка. И подумал: "Как метко подмечено. Именно страдальца. Всего ничего пожил человек - 25 лет, а сколько претерпел. Говорят, что на роду написано, того не миновать". Оно конечно, рассуждал сам с собой Говорков, собственную судьбу на лихом коне не объедешь, да ведь и сам человек что-то значит. Тут главное – не сколько прожить, а как. Тот же отец Александр, в миру – Александр Степанович Андроников, отменно знал про это, как никто другой...

Родился он в 1869 году в Пыщуге Ветлужского уезда в семье псаломщика, у которого было 12 детей. Не столько по настоянию родителя, сколько по велению сердца поступил в Костромскую семинарию, где и сложился у него тот идеал, к какому стремился потом всю свою кратковременную жизнь. То был





идеал скромного сельского пастыря, призванного просвещать простой народ. В семинарии Александр спешил обогатиться самыми разнообразными знаниями, проводя свободное время за чтением книг по философии, естествознанию, медицине.

Выбрав по сердцу себе подругу жизни, дочь священника села Левашово, молодой пастырь по окончании семинарии, в ноябре 1888 года, отбыл в самое отдалённое село Медведиху Варнавинского уезда, где стал трудиться вторым священником.

Дальняя дорога в слякотную погоду, дышащая на ладан избушка, не приспособленная для жилья, холодный, пронизанный сквозняками храм – всё это самым губительным образом действовало на слабое от рождения здоровье вчерашнего семинариста. Надо было лечиться, но лечиться было не у кого, да и не на что: ни аптеки рядом, ни средств на лечение.

Однако и в этих тяжёлых условиях Александр не забывал своих обязанностей: проповедовал, изучал быт местных жителей, занимался их духовным просвещением, даже выкраивал время для литературного труда, способность к которому проявил ещё в семинарии. Здесь же, в Медведихе, он загорелся желанием вести записки предрассудков и суеверий, бытовавших в приходах Костромской и Нижегородской епархий.

Как-то при встрече Говорков спросил Александра:

– При твоём небогатом от природы здоровье, при занятости твоей, жизненных неудобствах, что за нужда ходить по таёжным углам ради познания дремучих языческих обрядов?

Андроников посмотрел на друга долгим взглядом, раздумчиво ответил:

– Нужда есть. В дедовских обрядах мне видится не одна темнота и слепое доверие крестьян к старине, но и их живая душа, целая жизненная философия. Сохранить память о том - дело, Богу угодное. Потому и веду эти записки...

И всё же невозможность "свить своё гнездо", неимение определённого прихода, а прежде всего тяжёлая неизлечимая болезнь вынуждали Александра искать место, где бы он мог пользоваться хотя бы самой скромной медицинской помощью. Как писал другу: "А годы уходят, все лучшие годы", – вспоминаются мне исполненные горечи стихи Лермонтова, и как они согласны с моей постоянной думой! Уходят непроизводительно именно лучшие годы светлых надежд, юношеской энергии, честных порывов, ещё не забрызганных житейской грязью".

Говорков понимал сложность положения Александра, но лишь через два года явилась возможность Андроникову перейти сюда, в Ильинское. Приход



был небогатый, но близость врачей и аптеки укрепляли надежду на улучшение здоровья. С каким рвением и старанием взялся он за новое дело! Уже через год с помощью прихожан он устроил приличный церковный дом, подновил храм, заново расписал его.

Поучения и наставления отца Александра стали популярными в округе, отличаясь простотой и понятливостью. Во время его проповедей Говорков видел, как светлели лица людей, как каждое сказанное им слово пробуждало в душах молящихся осмысленность своего пребывания на этой земле, под этим небом.

Здесь, в Ильинском, он также не оставлял литературных занятий, проявляя, по отзывам многих, хорошие задатки писательского таланта. Но заботы, связанные со службой, необеспеченность, отсутствие связей и, наконец, такая ранняя смерть не дали ему возможности выступить на литературном поприще, к которому так стремился.

Говорков печально вздохнул, мысленно сказал своему ушедшему другу: "Память о тебе на земле осталась с похвалами. У тебя не было врагов, одни лишь друзья, которые будут верными носителями твоих идей и исполнителями твоих заветов".

Скоро после того скорбного дня Говорков попытался заполучить, и, по возможности, пристроить к печати написанное Александром Степановичем, но, увы. Вдова его, оставшись с четырьмя малолетними детьми, куда-то выехала и след её затерялся. Попавшие в чужие руки дневники и рукописи Андроникова были утрачены.

Тем неожиданной стала для Говоркова встреча с почившим другом, когда на склоне лет ему попала тоненькая книжечка в неказистом картонном переплёте, озаглавленная: "Народные сказки Костромской губернии, записанные в 90-х годах XIX столетия священником Александром Андрониковым". Алексей Говорков с волнением раскрыл первую попавшую страницу, прочел название одной из сказок: "Давши слово, держись..." И за этими немудрёными словами ему вновь во всей ясности увиделся тернистый путь Александра Андроникова, "не имущего ни пиры, ни посоха, ни двух одежд". В юношеские годы дал он слово посвятить жизнь свою просвещению простого народа и, прожив двадцать пять лет, даже в мыслях никогда не изменял ему.

Как выяснилось недавно, жена Андроникова, Александра Васильевна Парийская, после смерти мужа возвратилась с детьми к родителям в Левашово, где учительствовала в сельской школе. Оставшиеся в живых дочери Наталия и Анастасия также стали учителями, а сын Дмитрий – военврачом в звании полковника.



Дочь Анастасии, Татьяна Валентиновна Христофорова, долгие годы заведовала отделением онкологического диспансера в Костроме, где и вышла на пенсию.

На заслуженном отдыхе находится и сын Дмитрия Евгений, работавший врачом-рентгенологом областной больницы. Его дочь, Наталья Евгеньевна Добротина преподаёт в городской классической гимназии. Подрастают и правнуки Александра Степановича Андроникова.

В семье Евгения Дмитриевича и Зои Николаевны Андрониковых хранится тетрадь со стихами Александра Андроникова костромского периода.

*Когда отрада упования  
В тебе угаснет без следа,  
И будут тяжелы страдания,  
И за бедой придёт беда,  
Тогда бери ты книгу эту!  
Здесь, на её страницах, ты  
Найдёшь призыв к добру и свету!.. -*

писал Александр Степанович летом 1888 года. К сожалению, книги такой не случилось. А ведь он всегда так верил, что "есть сила могучая в мире искусства..."





## ГОРДЕЙ ОТ СЛОВА "ГОРДЫЙ"



В 1895 году Максим Горький, говоря на страницах "Самарской газеты" о самобытности русского купца, писал: "Будучи типично русским человеком, добродушным и грубым, способным в один час этому нищему дать в ухо, а этому – подать тысячу рублей милостыни – как это делал Гордей Чернов".

Писатель не случайно упомянул имя Гордея Ивановича, одного из известных представителей костромской семьи пароходовладельцев Черновых, который стал первым перевозить нефть в специальных баржах и на этом сказочно разбогател. После чего переехал в Нижний Новгород, оставив в Костроме семью, к которой часто наведовался. Был Гордей нрава яркого и не обузданного, а потому память о нём костромичи хранили долго.

Один из них, Сергей Михайлович Чумаков, в середине XX столетия в своих воспоминаниях отмечал, что Гордей Иванович имел невероятную коммерческую хватку и в торговых делах преуспел необыкновенно. Накопив огромные деньги, Чернов считал, что ему дозволено всё, что душевнике угодно, жил на широкую ногу, часто с компанией отправлялся по Волге на своих пароходах, желая отдохнуть от трудов праведных. Будучи не в духе мог и пошутить по-своему, по-купчески. Ему ничего не стоило ни с того ни с сего перекупать гостей в холодной воде, а то и высадить кого-нибудь на берег. Однажды под горячую руку Чернов выкупал какого-то околоточного в полной парадной форме. Правда, протрезвившись, во избежание нежелательных последствий, заплатил ему за испорченную форму и за нанесённое "бесчестие".

В другой раз зимой Гордей Иванович на лошадях помчался из Новгорода в Кострому. Подъехав к дому и увидев, что в дом ворота заперты, он посчитал, что "так не встречают хозяина", и до того рассвирепел, что тут же не заходя в дом, развернул тройку и помчался обратно в Нижний. Фигура эта была столь своеобразна и своеобразна, что явилась для Горького прототипом его Фомы Гордеева.

"Особенно значительной была для меня повесть о Гордее Чернове, – писал Алексей Максимович в 1930 году в статье "Беседы о ремесле". – Он славился как знаток всех капризов и хитростей Волги, он сам, стоя на капитанском мостике, проводил свои буксирные пароходы с караванами барж, обходя перекаты, и, конфузая казённых инженеров-гидротехников, возбуждая стыд и зависть капитанов, которые "паузились" на перекатах, разгружал баржи, низко сающиеся в



воде. Он, Чернов, был неизменно удачлив во всех своих предприятиях, а неудачи как будто нарочно сам создавал... Сконструировал баржу невероятной грузоподъемности, ему указывали, что она окажется непригодной для плавания даже в "полную" воду.

— Потажим, так пойдёт,- отвечал Чернов и не прогадал".

Гордились диковинными поступками Гордея Ивановича и другие купцы. "Капризен человек, - говорили они. - Чуден! Вон Гордей Чернов бросил всё своё богатство и дело на ходу и в монастырь сбежал, да ещё на Афон, в самую строгость".

На деле так оно и было. Этот человек, счастливый в делах, силач и кутила, в один прекрасный день исчез, не сказав ничего ни сыну, ни дочери. Его долго искали, но не нашли. Решили, что убит.

По торговым законам того времени было учреждено так называемое конкурсное управление, под началом которого судоходное дело Чернова продолжалось нормальным порядком.

Три года спустя, в 1896 году, во время Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде Гордей Чернов неожиданно объявился монахом. Оказывается, что он в пору исчезновения вообразил, будто разорён, и не может оплатить своих обязательств, после чего тайком подался в монастырь на горе Афон, где и постригся в монахи. Теперь приехал "посмотреть праздник".

Посмотрел, пожертвовал крупный бриллиант в пользу Нижегородского собора, благословил своего сына, серьёзно кутнул со старыми приятелями и снова отправился в монастырь, изумив таким поступком всех родных и знакомых. Там, на Афоне, Гордей Чернов и покинул сей суетный мир в 1900 году.

Как потом выяснил краевед Виктор Бочков, последний из Черновых в мужском потомстве, племянник Гордея и сын брата его Василия Ивановича Александр Васильевич умер в 1946 году. Доктор медицинских наук, он был очень популярен в Костроме. И как специалист, и как человек во многих отношениях замечательный, экстравагантный и необычайно остроумный, способный таким припечатать словом, что долго его потом не забудешь. Но на доктора Чернова не обижались - он считался достопримечательностью города. "Что с ним поделаешь, ведь то племянник самого Фомы Гордеева", - посмеивались и разводили руками старые костромичи.





## ПЕЧАЛЬНИК НАШЕЙ СТАРИНЫ



*Любить Отечество – велит природа, Бог,  
А знать его – вот честь, достоинство и долг, –*

такими словами наш земляк Павел Петрович Свиньин сопровождал каждую книжку издаваемого им журнала "Отечественные записки".

Припомнились они после знакомства с жизненной судьбой другого нашего земляка, "печальника Костромской старины" Иона Дмитриевича Преображенского, завершившего свой земной путь 25 июня 1915 года. Путь трудный, полный нужды и горя.

Этого скромного, безобидного и симпатичного человека в Костроме знали многие, пользуясь его услугами и советами при собирательстве всяческих древностей, рукописей, книг, мебели, сказок, песен. Он, как никто другой, обладал огромными познаниями и чутьём при определении "настоящей" вещи и "поддельной", мог прочитать любой старинный документ. Правда, назвать художественную и научную ценность следов минувшей жизни, делать из них выводы, строить теории Иона Дмитриевич предоставлял другим.

— Моё дело, – говорил он, – найти старинную вещь и спасти её, а уж там пусть профессора изучают её... Моё дело маленькое.

Хотя без его "маленьких" дел профессорам нечем бы было и заниматься.

Преображенский служил на скромной должности письмоводителя у тогдашнего предводителя дворянства Авдея Ивановича Шипова и в то же время заведовал музеем губернской Архивной Комиссии, получая за свой труд гроши. Собственно, этот музей был его детищем, а после стал ему памятником, ибо не в последнюю очередь был обязан своим рождением Ионе Дмитриевичу.

В конце XIX века, российское общество ещё не переживало эпохи "возрождения искусства" и связанного с ним увлечения стариною. То была пора безвременья, время чеховских героев. Дорубались последние "вишнёвые сады", предавались забвению последние дворянские усадьбы, стремились "В Москву, в Москву..."

Увлечение стариною пришло в начале XIX столетия, которое скоро превратилось в моду, а коллекционирование старины стало признаком хорошего тона и вкуса. Появилось множество антикваров, рыскающих по стране и наживающих на старине огромные деньги. Спекулянты насильно отрывали старинные вещи от своих мест и переносили их в места чуждые. Опустошали ризницы старых церквей



и монастырей, растаскивали по белому свету семейные реликвии, семейные архивы и фамильные коллекции.

Иона Дмитриевич полюбил старину в те годы, когда её не замечали, не ценили, не интересовались. Она была для него не товаром, не рыночной ценностью, а вещью без цены, ибо для памяти прошлого нет цены. Он спасал её от уничтожения, от забвения собирая для будущего музея. И многие посетители, глядя на его любование этими вещами, слушая его живую, страстную речь, в которой было столько выражений "костромского говора", не могли остаться равнодушными, безразличными к человеку, казавшемуся чужаком, "не от мира сего".

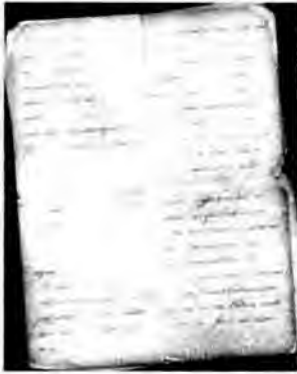
В 1904 году Преображенский вышел в отставку и, по собственному признанию, "в виду козней отказался от заведывания музеем". Единственным источником его существования с семьёй в шесть человек стала пенсия в размере 9 рублей 90 копеек. Для Иона Дмитриевича настали бедственные времена. "Пенсии, – писал он в 1905 году одному своему доброму знакомому, – не хватает с детьми даже на хлеб". Он "слёзно" просил помочь ему поступить на службу в губернскую земскую Управу. Ему обещали, но места так и не нашлось. Он ходатайствовал о повышении пенсии за службу дворянству. Ему все сочувствовали, но из этого сочувствия так ничего и не вышло. В 1907 году Иона Дмитриевич писал: "Средств нет. Нужда заставила продать дом и съехать на квартиру. Впрочем, нужда чего не делает..." Утешал себя бедняк и благодарил Бога за те крохи, которые падали ему со стола других.

Так и бедствовал Иона Дмитриевич до конца дней своих, а ведь мог бы разбогатеть и жить безбедно, если бы воспользовался своими знаниями, способностями, энергией и умением отыскивать "старину". Сколько столичных антикваров предлагали стать посредником в этом прибыльном деле. Но коммерческий дух был чужд Преображенскому вообще, а в любимом деле - особенно. Оставаясь в крайней бедности, он продолжал обогащать родной музей, находясь в постоянных разъездах по деревням и заброшенным "дворянским гнёздам" губернии.

В 1913 году в Костроме широко праздновались юбилейные Романовские торжества, был открыт Романовский музей, где многие экспонаты помнили тепло рук и сердечное волнение своего спасителя. Но и тогда "печальник Костромской старины" остался в стороне от праздничного благолепия, ибо казался слишком "мелким" этот "скромный безобидный человек". Спустя четыре года после его смерти на страницах костромского "Исторического сборника" можно было прочесть: "И никто не вспомнил, что это он, Иона Преображенский, собрал почти всё то, чем гордился музей, что это он, невзрачный с виду и бедно одетый человек, в течение нескольких десятков лет, почти без всяких средств, добывал все эти сокровища "Костромской старины"... А что дала ему жизнь? Ничего, кроме горькой нужды и унижения. Да будет же, по крайней мере, незабвенно в Костромском крае имя первого и ревностного собирателя родной старины".



## НЕИЗДАННАЯ РУКОПИСЬ



Доктор медицинских наук, профессор Александр Сергеевич Дурново родился в Костроме в 1876 году. Написанные им воспоминания, рукопись которых хранится в областной библиотеке, воскрешают жизнь Костромы конца XIX - начала XX столетий. Особый интерес представляют страницы, на которых рассказывается о том, чем наши земляки увлекались в те далёкие времена, как проводили, говоря нынешним языком, свой досуг. И не только в домах богатых, состоятельных, но и в бедных, как это было в семье Саши Дурново. Отец его, Сергей Александрович, являлся канцелярским служащим, жалованья которого хватало на содержание квартиры из двух маленьких комнат и

миниатюрной кухни, где проживало пять человек.

Но обычно семья вечерами собиралась вместе. Особенно поздней осенью, когда на пустынной улице была непроглядная тьма, за окном выл холодный ветер и шёл снег с дождём пополам. Тогда отец брал в руки гитару, на которой играл по слуху, и в тесной квартире слышалась песня на пушкинские слова:

*Прибежали в избу дети,  
Второных зовут отца:  
«Тятя! тятя! наши сети  
Притащили мертвеца...», –*

либо французская песня про разбойника, которого казнили за то, что он «дуб большой срубил и с дуба желудями карман себе набил».

Исполнение отца было так выразительно, что в воображении четырёхлетнего сына рисовались жуткие картины берега реки Волги, на которых в рыболовных сетях лежал необычный улов, и печальная судьба «рыболова, взятого волнами» или «хмельного молодца»...

До глубины души потрясало мальчика исполнение отцом «Камаринского» - песни о погубленной жизни Касьяна, олицетворяющего одну из трагедий русской жизни - пьяную удаль и отчаяние от неизбывного горя и тоски.

Со временем мальчик до самозабвения увлекся городским театром, в который с трудом пробирался один раз в неделю. А когда родители самую маленькую комнату сдали актёру Егорову, бывшему на выходных ролях, знакомство со сценическим искусством стало более тесным. Дело в том, что если Егоров позволял себе выкупать рюмку-другую, а то и третью, он быстро хмелел и проникался уверенностью в своём большом артистическом будущем, и его обуревало желание тут же исполнить какую-либо сцену из классической пьесы. Особенно часто он с завыванием, с шепотом, со зловещими паузами читал монолог Отелло, завершая его трагическим





возвращением «Я взял его за шиворот, собаку, и поразил его вот так!» При этом актёр ударил себя в груди столовым ножом и падал на пол.

Мальчик с братом Лелей были потрясены, а мама их говорила, обращаясь к Егорову: «Как это у вас страшно выходит... не ушиблись ли?»

Однажды поздним вечером после спектакля «Мария Стюарт» Егоров спросил отца:

— Что вы скажете о сегодняшнем спектакле?

Сергей Александрович ответил, что, по его мнению, при недостатке средств лучше бы избегать ставить пьесы, требующие обстановки и хорошей сыгранности.

— Да, – подтвердил Егоров, – Но что вы скажете обо мне?

Он в этот вечер играл посланника, который должен передать королю какие-то важные вещи. А короля играл прекрасный комик и характерный актёр Вальяно.

— Вы, Василий Фёдорович, должно быть, не успели выучить роль, – ответил отец – Почему-то в одном месте неожиданно замолчали, на что Вальяно заметил, что королеве следовало бы прислать к нему «кого-нибудь поумнее вас». В чём дело – публике было непонятно...

— Да, – согласился Егоров, – не хорошо вышло... не успел доучить роль. Вальяно разозлился, по окончании акта налетел на меня с кулаками... попомни, говорит, сегодняшний день Егоров... я тебе этого не прощу...

Спустя некоторое время в театре поставили «Князя Серебряного». Вальяно играл Митьку, вступающим в единоборство с каким-то окольниковым, которого играл Егоров. Митька вступал в борьбу с дубиной, а его противник со шпагой. По ходу действия Митька одолевает противника, охаживал его увесистой дубиной.

Эта сцена прошла очень живо. Публика была довольна игрой и Вальяно и Егорова.

А вечером вдруг прибежала мать, испуганным голосом говорит:

— Там в сенях кто-то ворочается, охает и стонет.

Вооружившись поленом и кухонным ножом, все выбежали в сени и увидели Егорова, который поглаживал рукой поясницу. Когда актёра привели в комнату, он трагически заявил: "Как Вальяно меня сегодня бил... от души... публика хохочет, а он бьёт... публике весело... и убежать нельзя... пьесу испортишь... бьёт и приговаривает... вот тебе за посланника, не порти чужих ролей!.."

Несколько дней Егоров жаловался на боль в пояснице, а затем всё вошло в обычное русло.

Пройдут годы, и профессор Александр Сергеевич Дурново вспомнит детские годы, проведённые в Костроме, родных и знакомых, первые театральные впечатления, сыгравшие исключительную роль в его приобщении к сценическому искусству на всю оставшуюся жизнь. О чём с теплотой, любовью и нежностью напишет в своих, до сих пор неизданных воспоминаниях



## УСЛЫШАННЫЙ ГОЛОС



1 мая 1848 года Александр Николаевич Островский, подъезжая к Костроме, записал в дневнике: «А народ здесь и рослый, и сильный, и смелый, и красивый, и обязательный, и вольный ум, и душа нараспашку...» Тут так и хочется добавить: к тому ж талантливый во всяком деле: что дом срубить, что собор вознести, что песню спеть. Да и стихи сложить – недорого возьмёт. Так что «могучей мысли семена рассыпали» не только люди славные, именитые, ставшие гордостью Костромы, но часто безвестные, а за давностью лет и совсем позабытые.

Ну, кому и что говорит сегодня имя учителя Костромского духовного училища Аполлоса Благовещенского, жившего в конце XIX века? Никому и ничего. А ведь был он человеком очень даже не бесталанным. Его книга «Степаныч-старичок» выдержала два издания, одобрена Учебным при Святом Синоде Комитетом и Училищным при Святом Синоде Советом. Быть может, никаких особых открытий книга Благовещенского читателю не дарит, но каждая её страница освящена мудростью человека искреннего, совестливого, радеющего о духовном и нравственном здравии человека.

Написанный стихами под явным влиянием Некрасова, «Степаныч-старичок» повествует о жизни дьячка 40-60-х годов XIX столетия. Человека скромного, нуждой придавленного, счастьем обойдённого, вражды не любящего, никому не льстившего, а потому почитался он и старыми и малыми, бедными и богатыми, гостем родным привечался в каждом доме.

И когда Степаныча провожали в последний путь, не только прихожане прощались с ним. Дом родной «стонал, сокрушался и скрипел», черёмухи душистые печально шептали листьями: «Прости, наш добрый дедушка, Навек теперь прости!..» И даже церковный колокол, потеряв верного друга, не звонил радостно, а «уныло завывал...»

В стихотворении «Сыновняя признательность» автор являет нам исповедь благодарного сына, который «в посмертную годину» над могилой отца «высказывает» тому свою душу. Вспоминая жизненный путь и каждодневные тяготы родителя, он описывает первые впечатления от увиденной им Костромы.

Тут следует заметить, что в середине XIX века переправа через Волгу производилась не пароходом, а на вёслах и шестах. Переправа, по свидетельству очевидцев, очень неторопливая и не особенно безопасная. Приходилось подолгу дожидаться, особенно в базарные дни и в ветреную погоду. Люди состоятельные шли в трактир, а бедняки стояли на берегу, дрожали от холода и мокли под дождём.

Автор книги пишет об этом так:



*На третий день уже не рано, –  
«Смотри, сынок!» - ты мне сказал;  
Губернский город перед нами  
В своём величии стоял.*

*Дома все каменные, храмы;  
Повсюду здесь и там кресты;  
Дома сплотились рядами:  
Громадно всё и всё блестит...*

*Мы долго ждали перевозу:  
– Ей ты, кутейник, осади! –  
Кричал хозяин. - Видишь, возы  
С товаром едут впереди.*

*– Да мне, почтенный, к сроку надо, –  
Ты, снявши шапку, умолял.  
Ну, вот ещё, своё заладил;  
Ступай назад, тебе сказал!*

*И ты отвёл в сторону чалка,  
Сенца ему подбросил, ждал...  
Тебя ,отец, мне было жалко,  
Как ты весь мокрый, ждал, дрожал.*

*Сумерки, помню, наступили,  
Как нас впустили на паром;  
Все сняли шапки и крестились,  
Гребцы работали веслом...*

Исповедь и книга Аполлоса Благовещенского завершается благодарными словами сына своему родителю, за которыми слышатся думы и мысли многих молодых людей, его сверстников, живших здесь в середине XIX столетия:

*Прими привет мой и незримо,  
Как прежде, нас благословляй;  
Детей своих, внучат любимых  
Ко благу в жизни направляй.*

*А мы сыновнею душою  
Молиться будем за тебя,  
Чтоб Царь небесный упокоил  
Твой дух в селеньях у Себя.*



## СКОРО СКАЗКА СКАЗЫВАЕТСЯ



О сказочном городе Костроме написано немало прекрасных стихов и прозаических откровений. Как признаётся поэт:

*Есть город на свете. Зовут Кострома.  
Там крепко из брёвен сидят терема.  
Там лес бородастый, как дед Зимогор,  
Сосновой дрючиной стучится во двор.*

*Там рыжие лоси в большой снегопад  
На дровнях по школам развозят ребят  
Там царь берендей на проспекте живёт,  
А сказки, что бабки, сидят у ворот.*

Сказки здесь почитались издревле. Их не только любили, но сами создавали, поверяя этому бессмертному народному жанру свои потаённые думы и чаяния, боли и радости, мечты и раздумья. Отмеченные глубокой мудростью, народным складом да ладом, самобытным говором, усмешливой иронией, а то и ядрёным словцом, многие века бытовали они на костромской земле, передаваясь изустно из поколения в поколение. Правда, издавались редко, а потому немногие из них дожили до нынешних времён. Те же, которые удостоились печатного слова, как-то скромно затаились, затерялись среди более почитаемых да именитых сказочных названий и многие о них и слыхом не слыхивали, и видом не видывали.

Одно из таких народных сказаний называется «Сказка о Лукерье и Иване «Медвежьи уши». Записана она со слов костромича Артёма Рябкова и издана в Санкт-Петербурге в 1911 году. Издатель, выпустивший её в свет, имел, по собственному признанию, единственную цель: «возбудить интерес у современников к нашей родной старине, богатой и сложной, милой и дорогой».

Чем же эта сказка могла вызвать такой интерес у читателей начала XX века, для которых старина не являлась чем-то запредельным, её живое дыхание чувствовалось повсеместно. Видимо тем, что повествует о духовном и нравственном самочувствии наших предков, живущих своими понятиями о добре и зле, правде и несправедливости, любви и злобе, честности и корысти. «Всяким счастьем не прельщайся», – наставляет Лукерья сына Ивана, отправляя того в чужие края на поиски невесты.

И всё же «Сказка о Лукерье...» выделяется из многих, ей подобных, своим необычным зачином, да и самим героем, образ которого мог быть навеян только жизнью лесного северного края. Хотя всё начиналось привычно, буднично. «Первая баба» на деревне Лукерья, «взявшая и красотой и всем», пошла в лес по



грибы-ягоды. Тут-то на неё и насел «медведь мохнатый» и утащил в свою берлогу. А скоро полюбил Лукерью Мишка, «как иной-какой парнишка». И хотя к подобной дружбе у Лукерье «всё же было недоверье», но после того, как односельчане вызволили её из плена, она неожиданно «принесла сына».

*Только всем казалось странным:  
Оттого ль, что муж был пьяным,  
Иль совсем не оттого...  
Мальчик был с одним изъяном:  
Уши шерстью обросли, –  
Ну, скажи, как у медведя!*

Новорожденный, которого нарекли Иваном - «Медвежьи уши», «начал в первый день ходить, на другой стал говорить, а на третий — без заботы с отцом вышел на работы». Да таким удалым богатырём оказался - дубы с корнем вырывал. А как на девок поглядел – так жениться захотел. Не найдя себе пары в деревне, Иван отправляется искать невесту в чужие края.

Похождения Ивана и его приключения - встречи с лешими, Дубовиком и Лесовиком, Ягой Бабой, вызволение из заточения девушек, спасение птенцов и необычная благодарность их матери, – здесь безымянный автор-костромич следует традициям русских народных сказок. Но за авантурным сюжетом постоянно читается тема любви героя к родной земле, отчому краю, постоянная дума о нём. Здесь Яга-Баба не привычный персонаж, творящий добрым людям зло, но «подземельная девица», которая не может терпеть Русь и всё русское. Иван же жизнью своей готов пожертвовать –

*Только быть бы поскорей  
На Руси родной своей.*

Как многие народные творения «Сказка о Лукерье и Иване «Медвежьи уши» завершается счастливым финалом. Герой, наконец, встречает «неземной красоты девицу», льётся колокольный звон.

*Вышли люди, их встречают,  
В песнях славу величают,  
Поднесли ему венец,  
Повели их во дворец...  
Тут и сказочке конец.*

Так сказочная мудрость, порождённая самой жизнью много веков тому назад, напоминает нам сегодня о высоких душевных устремлениях, живых человеческих чувствах, удивительной талантливости и жизнелюбии наших далёких предков.



## МИР ПРАХУ ТВОЕМУ



*С душою скорбной семена рассей,  
И ты пожнёшь их с песнею весёлой,-*

слова эти с полным правом можно оказать про Матрену Петровну Мыльникову, жизнь которой была столь необычной и добродетельной, что более трёх десятилетий имя её не сходило с уст многих россиян, нуждающихся в помощи, участии, сердечном заступничестве. И потому не случайно «Костромские Епархиальные ведомости» в 1916 году со своих страниц рассказывали об это удивительной русской женщине, заслужившей милость Всевышнего и благодарение мирян.

Матрёна Петровна Мыльникова являлась мещанкой Костромы, и была в замужестве за костромским мещанином Егором Тихоновичем Мыльниковым. Они имели свой домик на Сергиевской улице и бакалейную лавку.

По мнению обывателей, знавших Матрёну, замужество её было неудачно, и принесло молодой женщине много огорчений и страданий. Когда в 1877 году началась русско-турецкая война и мужа призвали в действующую армию Матрёна Петровна отправилась на войну вместе с ним, хотя ей в ту пору было 58 лет. Она поступила сестрой милосердия, и получая на этой должности жалованье по 25 рублей в месяц, себе не оставляла ничего, раздавая деньги бедным солдатам и раненым.

Когда муж на войне погиб, Матрёна Петровна возвратилась в Кострому и решила всю оставшуюся жизнь посвятить служению Богу и оказанию помощи бедным, больным и обездоленным. Продав своё имущество и раздав деньги, она стала подвергаться всевозможным лишениям и невзгодам. Матрёна Петровна, призванная в миру Матрёнушкой, очень любила путешествовать по святым местам России и Палестины, всегда ходила пешком и босиком. Иногда рассказывала сама о себе: "Бог сподобил меня побывать четыре раза в Иерусалиме, поклониться Гробу Господню и другим святыням. Была я и в Соловках, и на Валааме, и у Троицы Сергия, и в Сарове... Везде какая в обителях благодать Божия и сколько в них утешения!.."

Ведя строгий, аскетический образ жизни, Матренушка во время своих странствий по святым местам в течение 33 лет не надевала никакой обуви и даже в жестокие зимние морозы ходила босой. Не имела она и теплой одежды, всегда носила лёгкую летнюю, причём белую, как эмблему ангельской чистоты, и в то время, как одетые в тёплые шубы мерзли от холода, она не чувствовала стужи в самые лютые морозы.

В начале 1880-х годов Матренушка появилась в Петербурге, сняв небольшую квартиру вблизи часовни и церкви в честь чудотворной иконы Скорбящей Божи-



ей Матери. К ней многие заходили попросить её молитв и наставлений по случаю различных обстоятельств, чаще всего связанных с жизненными неудачами. Некоторые почитатели и почитательницы жертвовали денежные суммы, порой весьма внушительные. Так некая госпожа пожертвовала 500 рублей, а один купец ежемесячно посылал Матрёнушке по 25 рублей. Все пожертвования она употребляла на благотворительные дела: раздавала милостыню беднякам, оказывала помощь их семьям, рассылала пожертвования в монастыри и храмы, в бедные сельские приходы. Одного масла для лампад при иконах она рассылала по русским монастырям и приходским церквям свыше 50 пудов в год.

Особую популярность и уважение имела Матрёнушка среди петербургского бедного люда, который обращался к ней за советами и утешением в трудные и горестные минуты своей жизни. Но кроме бедных, у неё было много почитателей из интеллигенции и людей высшего круга. Матрёнушка-босоножка имела доступ в дома лиц высокопоставленных, прибегавших к ней за духовной помощью, поскольку она обладала даром чудной прозорливости.

В начале XX столетия много ходило рассказов о дивных способностях и даре Матрёнушки проникать в тайники человеческой души, предостерегать обращающихся к ней от грозящих опасностей и несчастий, и часто слова её оказывались пророческими.

Когда Матрёнушка-босоножка скончалась, весть о том быстро распространилась по всему Петербургу, и скоро около её квартиры собралось столько желающих поклониться праху усопшей, что для поддержания порядка был назначен наряд полиции, а в квартиру стали допускать по очереди. На её гроб, очень дорогой и красивый, был возложен крест из белых живых роз присланный одной высокопоставленной дамой. Почти непрерывно совершались панихиды, на которых, по отзывам столичных газет, перебивало до 25 тысяч человек.

Последний свой покой Матрёнушка обрела в ограде, позади величественной часовни, где пребывает чудотворная икона Скорбящей Божией Матери. Могилку убрали ельником, на ней водрузили большой белый деревянный крест с надписью: «Здесь покоится тело рабы Божией старицы Матрёны Петровны Мыльниковой (Матрёнушки-босоножки), скончавшейся 30 марта 1911 г. на 98 г. Мир праху твоему».

*Сколько веры, сколько силы!..  
Духом плоть побеждена...  
С этой верой тьма могилы  
Человеку не страшна!  
Благодатные примеры –  
Эти светочи земли...  
О, хотя б частицу веры  
Их нам, Господи, пошли!*



## ПАСТЫРЬ-МУЧЕНИК



*Словно с кручи взмывающим к небу  
По преданию издали видится нам  
Пятиглавый изящно-возвышенный храм  
В честь святых страстотерпцев Бориса и Глеба.*

*Старожилы охочи порой и доньне  
Вспоминать о почётном своём гражданине,  
Кто служил в этой церкви на благо людей:  
Долгий век в благочестии праведно прожил,  
Прихожан укрепляя всегда словом Божьим,  
Удивительный пастырь отец Алексей.*

Эти строки костромской поэт Вячеслав Смирнов посвятил светлой памяти Почётного гражданина Костромы протоиерея Алексея Васильевича Андроникова, который отдал служению в одном церковном приходе 64 года жизни.

Имя отца Алексея мало что говорит нашему современнику, но его подвижническая жизнь, полная духовной красоты и назидания, исключительное дружелюбие и благожелательство и сегодня вызывают искреннее восхищение и душевный восторг, чувство глубокой сыновней благодарности.

Родился Алексей Васильевич 13 октября 1831 года в Чухломе в семье священнослужителей. По окончании Костромской духовной семинарии епископ Филофей, ставший впоследствии митрополитом Киевским, давал Андроникову, как лучшему ученику, рекомендацию для поступления в Духовную Академию, но тот от заманчивой карьеры отказался и в 1854 году был рукоположен в священники и назначен настоятелем Борисоглебского храма, расположенного на высоком холме Муравьёвки. С тех пор не было ни одного дня, чтобы здесь не свершались Богослужения, что являлось редкостным примером безупречного и образцового выполнения пастырем своего долга. Отец Алексей начал служить ещё при крепостном праве, при Николае I-м, служил при Александре II-м и Александре III-м, не оставлял прихода в царствование Николая II-го, годы Временного правительства и ушёл из жизни при Ленине. При нём сменилось 15 губернаторов, являвшихся прихожанами Борисоглебской церкви.

Алексей Васильевич пользовался почитанием и уважением всех знавших его. Писатель Всеволод Иванов, в детстве живший на Нижней Дебре, в воспоминаниях о Костроме начала XX столетия, о настоятеле храма Бориса и Глеба говорил: «Седенький отец Алексей, возглашая во время службы обычное «Мир всем!» всегда добавлял, поглядывая в сторону губернатора: «И вашему превосходительству».





Во всякую погоду, днем и ночью, Алексей Васильевич спешил на помощь человеку в любой конец города, чтобы подкрепить таинством болящего, напутствовать в жизнь вечную умирающего, подавая тем самым высокий пример для подражания своим духовным детям.

Часть своего скромного жалованья он расходовал на благотворительные цели. Костромичи знали, что в доме №8 по улице Крестьянской в отдельной комнате всегда стояли лавки и стол с едой, где любой нуждающийся и малоимущий могли найти приют и доброе участие.

Все юбилеи службы отца Алексея – 30-летие, 40-летие, 50-летие и 60-летие в самом начале первой мировой войны — отмечались очень торжественно. На праздничное богослужение привозили главную святыню костромского края - икону Федоровской Божьей Матери, в церкви пел архиерейский хор, на службу прибывали архиерей, губернатор с супругой, прихожане подносили юбиляру подарки.

В приветственном адресе от 13 сентября 1914 года, подписанном костромским губернатором Петром Стремуховым и 41-м представителем общественности, говорилось: «Собрались мы сегодня сюда, чтобы в скромном своём приветстве выразить Вам чувства глубочайшего своего уважения, самой искренней признательности и сердечного своего расположения. Да и как могло быть иначе! Как нам было не откликнуться, несмотря на великие исторические, исключительные события, переживаемый всей Россией, на Ваш тоже исключительный в своём роде и единственный не только в жизни прихода нашего, но и во всей костромской губернии, а, может быть, и во всей России шестидесятилетний юбилей священнослужителя при одном и том же храме».

В апреле 1915 года по высочайшему повелению отец Алексей был награждён одним из главных орденов того времени св.Анны I-й степени. Наградой, которой удостаивались только высшие чины духовенства.

А три года спустя, 3 мая 1918 года, в ночь на Страстную пятницу он пал от руки убийц, нанесших ему 23 ножевые раны. Страшное злодеяние взволновало весь город. Протоиерей Пётр Красовский в статье «Пастырь-мученик» писал: «Несмотря на последние дни Страстной седмицы и первые дни Святой Пасхи, у гроба почти постоянно совершались панихиды... Выражениям чувств любви к покойному и негодования перед злодействам, казалось, не было границ: все объединились в одном беспредельном чувстве скорби: плач и рыдания у гроба слышались постоянно». Под напев пасхальных молитв прах покойного был предан земле в ограде Борисоглебского храма, после чего народ долго «не расходился с дорогой могилки, исполненный горячей любви к покойному и глубокой по нём скорби...»



Статья Петра Красовского, отправленная в начале мая 18-го года в Петроград в редакцию «Церковных ведомостей», так и не увидела света. Только в 1996 году её напечатали в альманахе Костромской епархии «Светоч».

Останки пастыря-мученика ныне покоятся на старом кладбище, куда были перенесены перед тем, как разрушить Борисоглебскую церковь. На могилу отца Алексея костромичи и сегодня приносят цветы, но время неумолимо. «Сбережём ли святыню?» - тревожатся потомки Алексея Васильевича Андроникова – внучка, участница Великой Отечественной войны Татьяна Владимировна Андроникова, правнук Вячеслав Петрович Андроников, правнучка Нина Петровна Чихалова, разбросанные по разным городам России. И живут надеждой, что сбережём, ибо чувство исторической памяти, благодарности, деятельного участия всегда было присуще костромичам, имевшим таких человеколюбивых и добросердечных наставников, как отец Алексей.





## ГДЕ РАБОЧАЯ КРОВЬ ПРОЛИЛАСЬ



Ночами над Костромой ретиво стучат колотушки ночных сторожей, с колотушками наперебой то тут, то там подымается собачий брѣх. В полночь запевают петухи и до утра поют ещё два раза.

А утром над городом слышатся фабричные гудки. Истошно ревет механический завод Шипова. Бархатно, вальяжно, по-богатому вступают гудки льняных мануфактур – Михинской, Зотовской, Кашинской. И рѣв их так громок, так потрясающе властен, что, кажется, ничего другого, кроме него и нет на свете. Это голос хозяина, требующего своих рабочих к машинам, станкам, а не вышедшим на работу

– сулящий голодную смерть.

Труд тот был изнурительный, непосильный, по одиннадцать с половиной часов в сутки. И не стерпели костромичи, поднялись на защиту своих прав, своего человеческого достоинства. Появились листовки "Ко всем костромским рабочим", начинающиеся словами:

*На голод и на стоны  
Голодных русских масс  
Один ответ у трона —  
Лунить нагайкой нас!*

Забурлил, зашумел, заволновался город. 6 июля 1905 года со всего фабричного района на Михинском сквере собралось около 5 тысяч рабочих, избравших своих представителей в первый Совет депутатов-стачечников Костромы. Остановились все фабрики и заводы. Газета "Костромской листок" была тревогу: рабочая дружина и народная милиция находятся в полной боевой готовности, а войска местного гарнизона вышли из повиновения начальству.

Предприниматели и власти города вынуждены были считаться с Советом, как с реальной силой. Мало того, губернатор Князев 15 июля 1905 года выдал документ в котором говорилось: "Сим удостоверяю, что собрания депутатов бастующих фабрик могут беспрепятственно происходить в указанном ими месте".

Однако "политика невмешательства" оказалась временной уловкой. С 16 июля жестокие репрессии и преследования стали постоянным явлением, положение бастующих с каждым днём становилось безысходнее и 27 июля рабочие Костромы вышли на работу. Отступившие, но не сломленные, открыто заявившие: "Мы не будем робеть и смиряться... Из нас будут брать наиболее передовых товарищей, но мы собственной грудью будем отстаивать их, собственными руками будем отбивать их. И в то же время будем готовиться к народному восстанию..."



И они готовились. С 1912 года в Костроме начался новый подъём рабочего движения, а в июне пятнадцатого рабочие Большой льняной мануфактуры потребовали: увеличить заработанную плату, снизить цены на продукты, ввести 8-часовой рабочий день. В ответ администрация объявила о закрытии фабрики на неопределённый срок. Десять лет спустя старая ткачиха, участница тех событий вспоминала:

*Тут, точно роща, мы все зашумели:  
"Будет!.. Довольно терпели!  
Вышли на площадь... Пошли мы толпою  
Михинских тоже с работы снимать,  
Сняли... вывели всех за собою,  
К Зотову двинулись...Глядь:*

*В облаке пыли летят, что есть мочи,  
Конные стражники, как саранча...  
И заходила по спинам рабочих  
Вдруг, без разбора, нагайка сплеча.*

*Точно овец, нас загнали к забору,  
Смешилась стражников дикая рать.  
– Все расходитесь! Без разговору!..  
Будем стрелять!..*

И открыли огонь по безоружным рабочим. Четверо убитых, более пятидесяти раненых. Этот расстрел вызвал гнев возмущения по всей России.

В 1925 году на этом месте поставили обелиск, который в 1959-м заменили скульптурным памятником, посвященным рабочим-костромичам, расстрелянным в июне пятнадцатого года. Михинский сквер стали называть площадью Борьбы. Старая ткачиха, приходя сюда, мысленно говорила сама с собой:

*Там, где рабочая кровь пролилась –  
Сквер зеленеет. Трава разрослась...  
Дети рабочих резвятся, а птички  
Весело с ними кричат в переключку.*

*Дети! резвитесь пока без забот –  
Детство весёлое скоро пройдёт...  
В жизни своей вспомните подчас  
Тех, кто боролся и умер за вас...*



## ДЕЛО О ФОНАРЯХ



В народе бытует выражение: "Положение хуже губернаторского", свидетельствующее о нелёгкой доли человека, наделенного немалой властью. Но, как это часто бывало на просторах российских, заполучив высокую должность, иные местные правители собственным поведением либо служебным рвением порождали проблемы, стоившие им заветного кресла. И Кострома здесь не являлась исключением.

В начале 50-х годов XIX столетия костромским губернатором стал статский советник Валериан Николаевич Муравьёв, о котором Александр Николаевич Островский обмолвился: "преумнейшая голова, одна из тех голов, кои только и могла иметь Россия". Злые языки распускали о нём немало анекдотов и довольно язвительных. Будто бы Муравьёв, ревностный попечитель просвещения, посетив однажды Университетскую библиотеку, окинул взором императора шкафы с книгами и распорядился:

- Это что за беспорядок? Поставьте книги в порядок: малые к малым, большие к большим. Да и на кой чёрт даёте вы студентам книги из среднего шкапа. Пусть начинают брать с краёв, небось ведь не перечитают всего.

Подобным образом Валериан Николаевич повёл себя и в Костроме, отчего местное дворянство было "возбуждено против губернатора его нелепо-солдатскими ухватками", и Муравьёв, пробыв в губернаторской должности год с небольшим, оставил Кострому, благоустроив спуск с теперешней улицы Дзержинского на улицу Кооперации, который и поныне называется Муравьёвкой.

Осталось в памяти старожилов и имя губернатора Алексея Порфирьевича Веретенникова, служившего в 1906-1909 годах. Был он человек неглупый, окончил военно-инженерную академию, но из-за нетактичностей, мелких придилок к некоторым общественным деятелям у части костромского общества популярностью не пользовался. Алексей Порфирьевич часто досаждал городской думе, не утверждая или опротестовывая её постановления. Городской голова и член Государственной думы Геннадий Николаевич Ботников, имея свободный доступ к Столыпину, не раз заводил разговор о непригодности Веретенникова к губернаторской должности, но для Петербурга не было достаточных оснований для снятия Алексея Порфирьевича и он продолжал оставаться в Костроме, пока в 1909 году не издал постановление, обязывающее домовладельцев повесить у своих ворот фонари с обозначением улицы и номера дома. Дело это было никому не нужное, ибо город в те времена был тихим, сонным и всяк знал,



где кто живёт и без фонарей. Многие советовали Веретенникову отменить распоряжение, вызывающее дополнительные расходы без какой-либо пользы, но Алексей Порфирьевич на уговоры не поддавался и требовал исполнения.

Член окружного суда Власов в установленный срок фонарь не повесил, на неоднократные предписания полиции отвечал отказом. Его оштрафовали на 50 рублей, но Власов их не внёс, после чего была описана часть имущества и назначены торги. Веретенников, почуяв недоброе, лично поехал к Власову и уговаривал того уплатить штраф, только не доводить дело до публичной продажи имущества, принадлежащего члену окружного суда. Власов ни на какие компромиссы не пошел, была назначена продажа с аукциона описанной мебели, чтобы выручить 50 рублей на покрытие штрафа. Нарастал крупный скандал. Кто-то из присутствующих на аукционе сразу дал за пепельницу необходимую сумму, после чего тут же подарил её Власову. На этом торги прекратились.

Но Власов не успокоился и подал жалобу на действия губернатора. В сенате решили, что Веретенников не имел права издавать постановления о фонарях, которые обязательны для городов с числом жителей, превышающим фактическое их количество в Костроме. Постановление пришлось отменить.

Вскоре после истории с уличными фонарями Веретенников неожиданно получил от министра внутренних дел уведомление, в котором сообщалось, что просьба его удовлетворяется, и он освобождается от должности Костромского губернатора. Алексей Порфирьевич не знал, что и подумать, поскольку никакой просьбы об освобождении от должности не писал. Тут же отправился в Петербург, где ему показали подписанное им самим заявление с просьбой об отставке.

Потом по городу ходили слухи, что заявление об отставке было заготовлено одним из чиновников губернской канцелярии и очень ловко подsunуто Веретенникову вместе с другими бумагами. Некоторые даже утверждали, что это рискованное дело организовал городской голова Ботников, который к тому же тихо и незаметно сумел собрать с некоторых зажиточных костромичей деньги для уплаты чиновнику, сумевшему оформить заявление Веретенникова об отставке по всей форме.

Как бы там ни было, но Алексею Порфирьевичу пришлось оставить губернаторскую должность и переехать в Петербург, где у него был свой доходный дом. Будучи военным генерал-майором, он по приезду обязан был явиться к военному министру, но отлучение от губернаторства так на него подействовало, что Веретенников своевременно этого не сделал, и после не очень любезного объяснения с министром, подал в отставку. После чего, как свидетельствуют знающие люди, Алексей Порфирьевич стал заниматься в городской петербургской управе делами, связанными с водопроводом.



## ГУБЕРНАТОР-ИЗОБРЕТАТЕЛЬ



Костромичи — народ особенный. Неспешный, рассудительный, душой открытый, себе цену знающий. Да и другим тоже. Войти к нему в доверие, завоевать симпатии — дело не из простых. За восемь с половиной веков здесь много было людей званых, да мало признанных. Но уж если признают — за благодарным словом не постоит, доброй памятью не обойдут, пусть даже у приглянувшегося человека будут свои неожиданные причуды. Как это случилось с костромским губернатором Петром Петровичем Шиловским, служившим здесь в 1910-1912 годах.

Столичная газета о нём писала: "Богато одарённый, с огромным честолюбием, он с детства мечтал выдвинуться. В среде, где он воспитывался, выдвинуться значило сделать чиновничью карьеру. Природные способности толкали его пытливый ум в сторону знаний, а привитые средою взгляды влекли к карьере, и из этих двух сложилась вся его жизнь".

Чиновничья карьера Шиловского сложилась отменно. Перед ним открываются двери к высшим административным должностям: Петр Петрович — энергичный вице-губернатор в Уральске, Екатеринославе, Симбирске. Назначая Шиловского в Кострому, высшие российские власти надеялись, что в преддверии 300-летия Романовских торжеств новый губернатор установит в городе "добрые отношения между администрацией и обществом", испорченные перед тем его предшественником — Алексеем Порфирьевичем Веретенниковым. И не ошиблись.

Юрист и правовед Шиловский был человеком культурным, вежливым, очень недурственно играл на скрипке, но в случае надобности мог и власть употребить. Поскольку его имя-отчество было Петр Петрович, местные чиновники прозвали Пепешей, согласно начальным буквам, но безо всякого злого умысла.

По приезду в Кострому Пепеша никаких гонений и притеснений не производил, нанёс всем визиты, раз в неделю у себя дома устраивал музыкальные вечера, с приглашением местных музыкантов. К обеду, к удивлению многих, надевал смокинг на английский манер. Эту странность губернатора отмечали не только костромичи, но даже газета "Русское слово" откликнулась на сей счёт. "В Костроме, — писала она, — П.П. Шиловский увлёкся англоманством. Весь строй своего дня он поставил на английский лад. От начальника своей канцелярии требовал, чтобы тот говорил с ним по-английски, и последний даже жаловался на это в Петербург".



Странности странностями, но все видели: работать Шиловский умел. При нём городское хозяйство пошло в гору. Благодаря его стараниям начали строить Романовский музей и памятник 300-летию Дома Романовых.

Супруга губернатора, Мария Николаевна, занялась организацией в городе детских больниц и амбулаторий, возглавила местное отделение Союза по борьбе с детской смертностью.

По этой причине авторитет губернатора рос, достаточно быстро. Рос бы он и того быстрее, если бы костромичи знали, что их Пепеша является страстным изобретателем и уже несколько лет с успехом работает над любопытным проектом, который назывался "Устройство для сохранения равновесия повозок или других, находящихся в неустойчивом положении, тел". Этот чудо-поезд для гироскопической, то есть однорельсовой железной дороги, был им запатентован в Англии, Франции, Германии, Соединенных Штатах Америки.

В апреле 1911 года по случаю 75-летия строительства в России первой железной дороги в Петербурге устроили юбилейную выставку. Самым неожиданным её экспонатом была, конечно же, действующая модель гироскопической железной дороги, по которой по одному единственному рельсу резво бегал состав из трёх маленьких вагончиков.

"Как ни странно, – писала "Петербургская газета", – но изобретатель русской гироскопической дороги не получил никакого специального технического образования. Он юрист и занимает очень видный административный пост в одной из губерний средней России".

Когда Петра Петровича спрашивали: почему он не желает опубликовать своё имя, он отвечал, что не хочет сенсаций. Потому костромичи о изобретательских талантах своего губернатора ничего не знали, относились к нему с должным почтением и уважением, как к активному и деятельному администратору. Его выбрали почётным гражданином Костромы и почётным мировым судьёй, а когда пришла весть об отставке Шиловского, восприняли её с неудовольствием и непониманием.

По свидетельству одних, причиной тому послужил казус, случившийся в конце 1912 года в Бонячках Костромской губернии, где проводилось большое торжество в связи со столетием хлопчатобумажной фирмы Коновалова. Сюда были приглашены гости из Москвы и других городов, а также местные губернские власти. Когда утром на станцию прибыл отдельный вагон с Шиловским и его свитой, присланные от Коновалова люди попросили гостей проехать с ними в коляске. По словам очевидца, тут Петр Петрович сделал нетактичность, спросив: "Почему меня не встречает сам хозяин?" И услышал ответ: "Хозяин на освещении церкви". Пепеша вдруг заартачился: "Пока хозяин не





приедет встретить меня на вокзал, я никуда не поеду". После чего забрался в вагон, где и просидел до вечера, когда вагон прицепили к проходящему поезду. "После этого казуса, – пишет очевидец, – ему неудобно было оставаться в Костроме... "

Думается, ближе к истине другая версия, согласно которой вскоре после приезда в Кострому у Шиловского начали портиться отношения с петербургским начальством, чей формализм и некомпетентность его раздражали. Скоро он впал в немилость и в конце 1912 года был переведён губернатором в карельские края в Олонецкую губернию.

Тепло и сердечно прощались костромичи со своим губернатором. 30 декабря 1912 года газета "Поволжский вестник" писала: "Давно ходившие слухи об отставке нашего губернатора, к сожалению, подтвердились... Мы глубоко опечалены, и на прощание говорим: наконец-то у нас был губернатор, пришедшийся по душе всем – и консерваторам, и либералам, и того в последнюю минуту взяли от нас. Сердечный, низкий поклон Вам, всеми уважаемый Пётр Петрович!"

Накануне Романовских торжеств Шиловский получил приглашение костромичей участвовать в празднике. Обратился к министру за разрешением, но получил грубый отказ. После чего заявил: "Немедленно я сделал то, что должен сделать уважающий себя служащий: я подал в полную отставку".

В один из майских дней 1914 года на улицах Лондона появился странный автомобиль, имеющий всего два колеса, как велосипед. Это был первый в мире гироскопический автомобиль Шиловского, гирокар, как называли его англичане. За рулем сидел сам Пётр Петрович. Ехал он нарочно как можно медленнее, чтобы доказать всем: устойчивость его автомобиля совсем не зависит от быстроты движения. Пассажиры на ходу менялись местами, сходили и снова садились, но машина продолжала сохранять равновесие.

Видя удивление и восхищение лондонцев, Пётр Петрович Шиловский с тихой грустью вспоминал далёкий город Кострому, где так азартно и многообещающе начиналась его деятельность на губернаторском поприще, и где местные чиновники мягко, по-семейному называли его Пепешей. Называли секретно, только в разговорах между собой, хотя он об этом прекрасно знал.





## ЮБИЛЕЙНЫЙ ПЕНЬ



20 мая 1913 года император Николай II, прибывший в Кострому на празднование 300-летнего юбилея Дома Романовых, посетил открытие губернской выставки, приуроченной к такому знаменательному событию.

Правда, при подготовке этого масштабного мероприятия случались и казусы далеко не юбилейного свойства, о чём поведал позже в своих воспоминаниях буевлянин Павел Михайлович Друлис, работавший в ту пору лесничим и принимавший участие в изготовлении экспонатов.

Будучи как-то в лесу молодой лесничий наткнулся на порубки мачтовых сосен внушительного диаметра. На срезе одной из них он насчитал 320 годовых слоев. Пригласив напарника, начали осторожно срезать кружок за кружком, а когда допилились до 300-т лет, сказали себе: "Будет". После чего гигантский обрубок сосны загрузили в сани и отправились в город.

Оказывается, лесников-умельцев посетила прекрасная мысль: сделать из этого обрубка календарь-родословную Романовых. Для чего отполировали поверхность громадного пня и окрасили его по числу слоев года царствования Дома Романовых, и все в разную краску. Прямо настоящая радуга получилась. А против имени Николая II написали цифры: 1894-1913. Из еловых и сосновых шишек сделали корону, подбив её красным сатином, после чего необыкновенный экспонат привезли в Кострому и сдали в Управление Государственных Имуществ.

Лесничий Друлис, по его собственному признанию, был наверху блаженства, прямо-таки плавал от удовольствия от своей затеи.

Когда же на следующее утро ему приказали явиться немедленно к управляющему Государственным имуществом, он почувствовал что-то неладное. И не ошибся. Сам управляющий нервно ходил по кабинету, а в кресле сидел вице-губернатор Хозиков. Увидев лесничего, последний гневно воскликнул: "Ты чего такое делаешь? Да разве царская фамилия кончается в 1913 года? Выскоблить немедленно!.." Не понимая в чём дело, Павел Друлис молчал, застыв, как тот юбилейный пень. А вице-губернатор гневался пуще прежнего: "Да разве наши цари носят деревянные короны?.. Убрать!.. Я тебя за эти проделки в Нарымский край упеку... Пшшё-ёл!.."

Пришлось необыкновенную корону из еловых и сосновых шишек забросить на шкаф, где она и провалялась больше года, а на злополучном 300-летнем после чего обрубке выскоблили цифру "1913", закрасив это место краской, по-



сле чего обрубок обернули Георгиевской лентой и поместили в лесохозяйственном отделе.

В день открытия выставки лесничий Павел Друлис пришёл в семь утра, одетый по форме: беленькая тужурка и фуражка, перчатки и носовой платок в кармане. Он занял место у косяка, разделяющего два отдела: лесной и лесохозяйственный, где красовался небывалых размеров юбилейный экспонат вместе с другими, более скромными, торцовыми обрезками всех пород деревьев Костромской и Ярославской губерний.

И вот настудил волнительный момент. Император Николай II подошёл к своему именному дереву, двумя пальцами щёлкнул по цифре "1894" и пошёл дальше. Остановился возле можжевельового обрубка, прочёл по слогам: "Можже-вель-ник" и продолжал шествие.

За императором следом шли две его дочери. Они посмотрели на необычный экспонат, укутанный Георгиевской лентой, непонимающим взглядом и поспешили следом за родителем. Одна из императорских дочерей ненароком наступила лесничему Друлису на носок сапога. Он невольно отдернул правую ногу и нечаянно свалил грудку обрубков юрьевецкого лесничего Соловьёва. Поправил левую ногу и свалил другую грудку. Торжественную тишину нарушил весёлый смех. Лесничий чувствовал себя кругом виноватым.

Когда Николай II и его свита покинули павильон, все набросились на Пашу Друлиса, укоряя его в медвежьей неуклюжести и непочтении к Его величеству и Особам Императорской Фамилии. Лесничий был так смущен, что не знал, куда ему деваться.

Однако, все тревожения оказались преувеличенными. Многие экспонаты удостоились Высочайшего одобрения. А выставочная комиссия весьма доброжелательно оценила работу молодого лесничего Павла Михайловича Друлиса по лесному хозяйству (естественно, кроме злосчастного юбилейного обрубка) и наградила его большой серебряной медалью с изображением дуба и с надписью: "За труды по лесному хозяйству".





## ДОНСКОЙ КАЗАК ИЗ МАКАРЬЕВА



Как-то в вечерней передаче радио «Россия» услышал удивительную мелодию, неведомо каким хором исполняемую. Она была торжественна и чудна, уносила в такие горные выси, где душе просторно, светло и отрадno, где всем существом воспринимаешь сияющую космическую безбрежность и понимаешь: ты частица этого божественного мира, малая, но с ним нерасторжимая, ему подвластная. По окончании передачи диктор объявил: «Мы передавали выступление Донского казачьего хора под управлением Сергея Жарова».

Поскольку сам я из тех краев, захотелось хоть что-то узнать о неизвестном коллективе и его руководителе. Но не тут-то было. Сведения о них отсутствовали совершенно. Даже в областной научной библиотеке про них – ни слова. Но вот совершенно неожиданно в журнале «Губернский дом» за 1997 год встречаю очерк научного сотрудника госархива Татьяны Войтюк, посвященный Сергею Алексеевичу Жарову, основателю и бессменному руководителю всемирно известного казачьего хора.

Оказывается, Сергей Алексеевич наш земляк, родился в Макарьеве в 1896 году. С малых лет пел на клиросе в соборе, поскольку обладал прекрасным голосом и слухом, а в десятилетнем возрасте был зачислен воспитанником Московского Синодального училища церковного пения. Как потом вспоминал: «Никогда не любил учиться. Любил сам учить, руководить и воспитывать».

Видимо это врожденное стремление к лидерству не прошло мимо внимания воспитателей и с началом Первой мировой войны Жарова назначают руководителем хора военных инвалидов, с которым много выступал по военным госпиталям и даже удостоился чести петь молебны в Храме Христа Спасителя.

По окончании училища он назначается учителем пения Макарьевской женской гимназии, где создает прекрасный хор. Но после упразднения гимназий в 1918-м Жаров покидает Макарьев и попадает в Донскую дивизию, с которой прошел всю гражданскую войну, а 15 ноября 1920 года вместе с последними казаками оставил Россию. Как оказалось, оставил навсегда.

В Константинополе их определили в лагерь Чилингир, о котором Жаров говорил: «Там нам было суждено провести несколько тяжелых месяцев, быть может самых тяжелых в моей жизни. Казаки сотнями умирали от истощения и болезней, началась эпидемия холеры... Но крепла вера – вера в справедливость и милосердие Всевышнего. Казаки молились и пели. Так родился Донской казачий хор».



Весной 1921 года казаков из лагеря расселили. Донскую дивизию перевели на один из островов Эгейского моря, где греки уступили русским для Богослужения старую церковь, в которой и пел созданный Жаровым хор. Чтобы как-то прокормиться, все занимались подработками. Сергей работал на картонажной фабрике, мыл бутылки на пивоваренном заводе, преподавал пение в гимназии.

Настоящее признание пришло год спустя, когда казаки дали концерт духовной музыки в соборе Александра Невского в Софии и с того времени могли зарабатывать концертами, полностью посвятив себя творчеству.

Добрая молва о необыкновенном хоре распространялась с завидной быстротой. 4 июня 1923 года жаровцы выступают в Вене в роскошном зале «Хофбург». По воспоминаниям Сергея Алексеевича, хористы в своих потертых, заштопанных гимнастерках разного цвета и покроя представляли жалкое зрелище. Это много позже они станут появляться на эстраде необычайно эффектно. Как писала одна эмигрантская газета: «Вдруг появляются в темных шароварах с красными лампасами Войска Донского, в черных рубашках военного образца, опоясанных темными кожаными поясами с набором из серебра, певцы, как сказочные богатыри». А в том двадцать третьем году Сергею Алексеевичу, глядя на хористов, хотелось убежать, спрятаться от всего света. Но, поборов стыд и робость, он вышел на сцену. Хор замер. В зале наступила тишина. И вот запели. Не просто голосом, но кровью души. «Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодарим, и молимся, Боже наш!..»

Слышавшие то пение, сравнивают его со звучанием органа. Вся горечь скитаний, выстраданное право на жизнь и творчество трепетали в его звуках, переливались волшебными аккордами. На глазах хористов заблестели слезы радости и волнения, заглушенные аплодисментами. Так начиналась слава.

После Вены хор выступал в Австрии, Чехословакии, совершил триумфальное турне по городам Европы и США. Знакомил за границу не только с духовным пением, но и с русскими народными песнями, фольклорными произведениями. В его составе кроме донских казаков позже появились костромичи, ярославцы, киевляне, петербуржцы. За 55 лет существования хор дал около 10000 концертов. В 1939 году его участники, получив американское гражданство, остались в Америке, куда перевезли свои семьи. Здесь Сергей Алексеевич и нашел последний приют в октябре 1985 года. Став мировой знаменитостью, он до конца дней своих не порывал связи с родным Макарьевым, с живущей там сестрой Варварой Алексеевной.

В 1981 году президент США Рональд Рейган, по случаю введения Жарова в Русско-Американскую Палату Славы, приветствовал его словами: «Сергей Алексеевич Жаров основал хор донских казаков, который с этого скромного



начала превратился во всемирно известного исполнителя хоровой музыки. Америка приняла членов хора с открытыми объятиями, и к 1939 году все они стали гражданами нашей великой страны. Конгресс русских американцев достоин похвалы за это важное событие и мы шлем ему наши поздравления. Искренне Ваш Рональд Рейган».

Но когда Сергея Алексеевича спрашивали, какова его самая заветная мечта, он неизменно отвечал: «Я хочу, чтобы мой хор на нашей Родине, перед нашим народом, на русской сцене, забыв годы изгнания, спел: «Верую!!!»

На сцене не довелось. Но вернулись в Россию записи концертов его хора, возвращается из Америки архив Жарова, которым занимается Музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки, издаются монографии о нем и проводятся международные научные конференции о Казачьем хоре Жарова и его значении в мировой музыкальной культуре XX века. В Макарьеве, на родине дирижера, на здании собора Александра Невского установлена мемориальная доска, увековечивающая память Сергея Александровича Жарова.

Так сбываются его слова, сказанные президенту Америки Рональду Рейгану в ответ на его поздравление: «Не наша с вами вина, что мы собрались здесь, а не в России, но я верю, что это не навсегда».





## "ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ ЕСТЬ ПЕРВАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ"



25 июня 1914 года "Костромские губернские ведомости" печатают Высочайший Манифест императора Николая II об объявлении Австрией войны России. "В грозный час испытаний, – говорилось в том Манифесте, – да будут забыты внутренние распри. Да укрепится ещё теснее единение Царя и Его народа, и да отразит Россия, поднявшаяся, как один человек, дерзкий натиск врага..."

С того времени по всей империи Российской всё чаще и чаще на стенах домов и на заборах заперестрели лиловые и голубые листики с двуглавым орлом и словами: "Призвать на военную службу..." "Поволжский вестник" обращается к костромичам с призывом: "Объединяйтесь на деле! Во имя Родины, её победы и свободы! Лишь великими общенародными усилиями враг будет побеждён... Мы должны дать нашей доблестной армии то, чего ей не хватает. Мы должны дать покой и уход выбитым из строя бойцам. Семьи товарищей воинов - пусть будут нашими семьями! Пусть найдут работу, пищу и кров те, кто лишён всего, гонимый войной... С открытым сердцем, но сомкнутыми рядами, встретим бедствия!..."

Общая беда объединила костромичей самого разного роду-племени, звания и достатка, живших единым желанием: выстоять и победить. В городе организовывается общество "Помощь семьям воинов", в августе проводятся "Дни флажков", о чём сообщали расклеенные афиши, нарисованные учениками семинарии и реального училища. Были установлены 233 кружки, в которые жители опускали деньги, получая на память флажок – небольшую копию российского флага. При вскрытии этих эксклюзивных копилочек оказалось: костромичи пожертвовали 5374 рубля и 68 с половиной копеек, 4 золотых обручальных кольца, золотые крестики с серебряными цепочками, серьги и перстни, иностранные монеты.

Каждый раненый солдат, поправивший здесь своё здоровье, отбывал на родину в краткосрочный отпуск в меховой шубе и шапке от Кинешемского комитета Великой княгини Марии Павловны.

В это время в Кострому поступил запрос: нельзя ли здесь закупить некоторое количество кислой капусты для армии? Заказ передали шунгенским кооператорам, которые, сами бедствующие, а трудом наскребли по сусекам свыше 400 пудов и отправили на фронт.

Костромские художники Большаков, Колесов, Захаров Коражинский, Шлеин, Музилевский, Горский и другие организовали выставку, сбор от которой



поступал в пользу Красного Креста. Губернская Учёная Архивная Комиссия издаёт капитальную, богато иллюстрированную книгу "Празднование 300-летия Царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19-20 мая 1913 года", составленную Н.Н. Виноградовым. Деньги от её продажи перечислялись в пользу раненых.

27 сентября четырнадцатого года Костромской драматический театр открыл очередной сезон. На афише значилось: *"ЧАСТЬ СРЕДСТВ СБОРА ОТ СПЕКТАКЛЕЙ ПОСТУПАЕТ В ОБЩЕСТВО КРАСНОГО КРЕСТА В ПОЛЬЗУ РАНЕНЫХ. В АНТРАКТАХ ИГРАЕТ СТРУННЫЙ ОРКЕСТР ПОД УПРАВЛЕНИЕМ И.П.САХАРОВА"*.

На сбор труппы антрепренёр Дмитрий Семёнович Семченко явился, как всегда деловитым, собранным. Намётанным глазом окинул собравшихся, сам себя подбодрил: "Славная актёрская братия подобралась". Братия, и впрямь собралась в тот сезон отменная. Из Московского Малого театра прибыла небызвестная Анна Николаевна Медведева, наделённая благородной сценической внешностью, завидным темпераментом, голосом необыкновенно приятного тембра. На следующий сезон продлили контракты уже полюбившиеся костромской публике исполнительница гранд-дам и драматических старух госпожа Стрелкова, молодых героинь – Майская, "актриса на роли инженеру с комедийным уклоном" – Ангелина Андрэ, их менее опытные коллеги Лидия Орская, Леночка Сосновская.

Особым вниманием и почитанием городского дамского сословия пользовались "первые" и "вторые сюжеты" мужского состава труппы, как-то: господа Листов, Шамардин, Колесов, Руданов, Костромской, Травин, Орлов-Романовский, которое, как и актрисы, имели склонность к приятному пению, что позволяло Дмитрию Семёновичу разбавлять репертуар лёгкими водевилями, шутками, фарсами, до которых местный зритель был весьма охоч.

Печалила же антрепренёра Семченко иная дума. Прежде сбор труппы начинался праздником для коллектива, нынче жизнь Костромского драматического, как и всех прочих театров России, пошла "без нечаянной радости". Казалось бы, всё обстоит вполне благополучно, но радости – такой, чтобы ощущать себя молодым, а зрителя потрясти, увлечь, озарить свежестью чувств и мыслей – такой радости у артистов не было. И это Дмитрия Семёновича беспокоило.

Попытался он отвлечь их невесёлые мысли напоминанием о достойном и славном пути русского театра, во все времена жившего пониманием того, что любовь к Отечеству есть первая добродетель. Не обошёл вниманием и Волгу, которая является урожайным местом для произрастания всяческих талантов. Тем более театральных.





Чувствовалось, Дмитрия Семёнович сел на любимого конька. Горячо и увлечённо поведал о том, что первый отечественный театр родился в Ярославле, благодаря земляку нашему Фёдору Волкову. После того волжские города Казань и Нижний Новгород обрели своих лицедеев. А уж Ярославский с Костромским слюбились как голубь с голубкой. Театры эти часто содержало одно лицо, актёры попеременно выступали на обоих сценах. В Отечественную войну 1812 года театры эти содержал ярославский помещик Александр Константинович Глебов, после того явился сын петербургского купца Михаил Яковлевич Алексеев, за ним – костромич Николай Иванович Иванов. Ещё в те давние времена, вспоминал антрепренёр Семченко, "явились на сцене костромской таланты, какие были бы не последними и на столичных театра". А откуда являлись таланты эти? Из нашей безбрежной, щедрой даровитыми людьми провинции: из Нижнего и Казани, Саратова и Астрахани, других губерний России.

— Вот такой пасьянс вытанцовывается, – улыбнулся антрепренёр привычной добродушной улыбкой. И, будто бы, только что вспомнив, воскликнул: – Ах, да. Намедни в театр доставили телеграмму. Подписана – "благодарный зритель". Позвольте зачитать...

Труппа позволила и Дмитрий Семёнович прочёл: "Шлю горячий привет костромским сценическим талантам с театра военных действий. Созидания и радости вам! Пусть в наступающем новом театральном сезоне с ещё большей силой звучит лозунг "БОРЬБА И ТВОРЧЕСТВО!" Да здравствует творчество в борьбе и борьба за творчество! Верный поклонник наших талантов".

Слова эти, как и пылкая речь антрепренёра Семченко, для каждого присутствующего являлись близкими и понятными. С началом войны сцену заполонили "американцы" Витольд и Глара Сименс, виртуозы-исполнители чудес "Египетских и Тибетских тайн", так много "нашумевших во всех городах Европы".

Французско-русская каскадная певица Ольга Юрьевна Эс Дэк пела "по теории прибавочной стоимости":

*Карлу Марксу я читаю,  
Батюшки!  
Ничего не понимаю,  
Матушки!..*

В Пале-театре показывали весёлый фарс "Бой баба" из серии американской жизни "В стране золотого проклятья", а сверх того – наступление пехоты под прикрытием артиллерии, снег, белой пеленой покрывавшим трупы германцев, "отдых наших славных сынов Руси Великой после ожесточённого боя".



Гремели пушки, а драматургическая муза молчала. В этих непростых репертуарных условиях театр старался, говоря словами поэта, "превратить драматическую воду в театральное вино". Получалось не всегда, но старался. Около 70 названий пьес появилось на афише в тот первый сезон Первой мировой. Из современных авторов ставились А. Косоротов, В. Крылов, В. Рышковой, И. Шпажинский, А. Чириков, С. Сабуров, В. Трахенберг, многие иные, о которых нынче мало кто и слышал. Среди этой комедийно-мелодраматической жанровой разноголосицы особым уважением театра и зрителей пользовались произведения отечественных драматургов. За один сезон здесь поставлено 8 пьес Островского, "Ревизор" и "Женитьба" Гоголя, "Дворянское гнездо" и "Месяц в деревне" Тургенева, "Мещане" Горького, "Три сестры" Чехова, "Горе от ума" Грибоедова, а так же произведения А.К.Толстого, Лермонтова, Сухова-Кобылина, Фонвизина. Не забывал театр и юных зрителей, приглашая их на детские утренники "Золотая рыбка" (по сказке Пушкина), "Мороз - Красный нос" Некрасова, "Конёк-Горбунок" Ершова.

Поскольку современных пьес на патриотическую тему написано ещё не было, коллектив обращается к исторической хронике Островского "Козьма Захарыч Минин-Сухорук", инсценирует роман М. Загоскина "Юрий Милославский, или Русские в 1612 году". С началом театрального сезона все актёры и актрисы выходили на сцену в скромных костюмах и туалетах, отказывались от показа драгоценностей, чтобы не вызывать в зрительном зале нежелательных ассоциаций.

Помимо отчисления части средств в пользу раненых, как о том сообщала афиша накануне открытия сезона, многие спектакли игрались в пользу Императорского Человеколюбивого общества, разорённых вражеским вторжением героической Сербии и Бельгии, семейств запасных воинов.

С появлением "военных новинок" "На поле брани", "За кулисами войны", "Лейтенант фон Пляшке", "Под прусским ярмом" и другие, многие нашли место на сцене Костромского театра. Но "превратить драматургическую воду в театральное вино" коллективу не удавалось. То были постановки, отмеченные приметами военного времени, но лишённые художественных достоинств, ощущения трагичности мировой бойни. По свидетельству "Поволжского вестника" "солдатский спектакль" "Василий Рябов" воспринимался незатейливым рассказом о подвиге рядового Рябова, расстрелянного немцами за то, что он не желал открыть место и план расположения его отряда. Расстреляв Василия, враги сами сообщают русскому командованию о его подвиге. В финальной картине появляется чиновник из Петрограда, специально откомандированный к родителям героя в деревню, чтобы сообщить им о подвиге сына и щедрых царских



милостях по этому случаю. Завершался "солдатский спектакль" Российским гимном.

В это время в Костроме с успехом проходят гастроли артиста Императорского театра Константина Варламова – дяди Кости, совершавшего гастрольное турне по волжским городам. Примечательно, что явленный им сценический образ Русакова в комедии Островского "Не в свои сани не садись", воспринимался костромским зрителем через призму мужественности, стойкости, духовной, крепости русского человека. Как свидетельствует "Поволжский вестник": "Появление на сцене Варламова воскресило дивные образы героев Островского, всколыхнуло красивую и крепкую русскую самобытность, русскую мощь, и то, чем жива и могуча русская психика, чем силен ещё дух русского человека".

Не забывал театр и об ушедших писателях и драматургах, принесших русскому сценическому искусству заслуженную славу. В январе пятнадцатого года здесь проводятся "Тургеневские дни", а летом отмечали одиннадцать лет со дня смерти А.П. Чехова, поставив к этой дате "Три сестры". В адрес Московского Художественного театра коллеги-костромичи направили письмо, в котором говорилось: "Сегодня, в День Памяти Антона Павловича, мысль невольно обращается к людям, ближе других стоящих к нему, глубже проникшим в его психологию, и хочется послать из далёкой Костромы труженикам Чеховского театра слова приветия и благодарности за любовное отношение к светлой памяти любимого писателя".

Очередной театральный сезон с труппой Д.С. Семченко открылся 26 сентября 1915 года пьесой Б. Владимирова "Безправная". Чтобы привлечь зрителей в театр, наряду с пьесами Островского, Л.Н. Толстого, М. Горького, А. Потехина, других известных отечественных и зарубежных драматургов, видное место в репертуаре занимали спектакли музыкальные, с песнями и танцами; "Поташ и Перламутр" Глясса, "Шпанская мушка" Сабурова, былина Урванцева "У белого камня", оперетка Куликовского "Русские песни в лицах", боевой фарс "Ах, какой нахал!" и им подобные.

Состоялись бенефисы актёра и режиссёра Л.А. Орлова-Романовского (спектакль "Человек без квартиры" Сабурова с представлением на сцене живой лошади), актрисы А.П. Андрэ (в комедиях "Девушка с куклой" и "Горничная с французским языком"), артиста Н.А. Листова (комедия А.В. Амфитеатрова "Дон Жуан в Неаполе"). Это позволило антрепренёру Д.С. Семченко привлечь публику в театр и получить небольшую прибыль. Валовый сбор сезона выразился в сумме 28000 рублей.

Предреволюционный сезон открылся 28 сентября 1916 года спектаклем "Без вины виноватые" Островского. В это время работала труппа русских драматиче-



ских артистов под управлением И.В. Погуляева. За сезон поставлено более 40 спектаклей. Как и в прежние годы отечественная и зарубежная классика соседствовала с фарсами и мелодрамами не очень высокого художественного достоинства. Рядом с "Тремя сёстрами" Чехова – фарс "Две на одного", с "Ветераном и новобранцем" Писемского – "Бес в ребро", с "Живым трупом" Толстого – "999 рогоносцев"...

Надо признать, актёры пользовались у зрителей доброй популярностью, а потому сезон отмечен очень многими бенефисами: М.Н. Рустана (игралась "Ревность" Арцыбашева), И.Н. Иванова-Вронского ("Бешеные деньги" Островского), М.С. Колобовой ("Последняя воля" Немировича-Данченко), Т.Е. Дмитриевой ("Бракоразводные сюрпризы"), М.И. Поповского ("Братья Карамазовы" по Достоевскому)...

В январе семнадцатого года состоялось заседание городской театральной комиссии, рассмотревший вопрос о будущем театральном сезоне. Переговоры вели со "старым любимцем костромичей" Н.Ф. Костромским. Николай Федосиевич откликнулся на такое предложение. Приезжал в Кострому, чтобы принять окончательное решение стать художественным руководителем театра. Сыграл в благотворительном спектакле "Правда хорошо, а счастье лучше" в пользу приюта Императорского Человеколюбивого общества. Но февральские события помешали ему возглавить Костромской театр,

Вместо Н.Ф. Костромского антрепренёром его стала М.А. Светланова, выступавшая и в роли актрисы. Сезон открыли 26 сентября 1917 года. Уже первые постановки показали, что театр находится в растерянности, репертуар случаен, актёры на сцене равнодушные. Премьеры, состоявшиеся в начале сезона "Ресторан I-го разряда" С. Константинова, "Анфиса" Л. Андреева, "Псиша" Ю. Беляева вызвали активное неприятие публики. Её мнение: "Общего, связующего эти пьесы во что-нибудь целое нет, как вообще нет никакой - ни логической, ни психологической, ни художественной, ни исторической связи между ними... и понятие "сезона" складывается их механической совокупности ничем не объединённых "спектаклей". Виной тому, по мнению зрителя, являлась М.А. Светланова. Мне очень хочется думать, - писал он, - что стремление ярко выявить лейтмотив пьесы "Анфиса": "царство пошлости" побудило "директоршу" труппы М.А. Светланову взять на себя роль Анфисы... Если г-жа Светланова задавалась такой целью, то эту цель она выполнила блестяще... Жаль, что по замыслу Л. Андреева Анфиса – олицетворение скользкой змеи и паутины, – г-жа Светланова дать не могла: какая уж тут "паутина", и кто примет за змею, хотя бы и "гремучую" – тихоходный паровоз".

В эти предреволюционные дни в газетах впервые появляются сообщения о безобразном поведении зрителей, которые до открытия занавеса свистят, а во



время спектаклей шумят и "порядка в театре нет никакого".

1 ноября семнадцатого года Совет Костромского Художественного общества обращается к костромичам с "Воззванием": "В вихре борьбы народ готов разрушить и разнести всё, что связано с пленением его свободы, не разбираясь и не задумываясь над тем, что в действительности уничтожается... Накопленные многими поколениями предметы искусства бессмысленно гибнут в этой дикой свалке и нет, кажется, предела бедствию... Мы обращаемся ко всему населению Костромской губернии, богатой творчеством ушедших годов, с призывом сохранить все памятники отжившей эпохи русской культуры..."

Слово костромских интеллигентов не было услышано. Насилия и погромы распространялись вокруг. Перспективы Костромского драматического театра, по признанию зрителей, были "скучные".

С началом Первой мировой войны коллектив его жил верой и надеждой в победу России. Вера эта не оставляла и тех, кто был призван защищать Отечество на полях сражений. Молодой артист-новобранец Николай Кистенёв часто присылал с "театра военных действий" свои стихи, адресованные молодой актрисе Лизаньке Майской. Малость пафосные, по-юношески задиристые, мечтательно-романтические, но освящённые искренним чувством единения со своим народом:

*Шире дорогу! Проснулся великий  
Славный народ-богатырь,  
Скромный в страданье, герой светлоликий  
Встал за родимую ширь.  
Он победит, столкновения бурного  
Горе-несчастье пройдёт,  
Лебедь-царевна из моря лазурного  
Витязя встретить придёт.*

Не случилось. История распорядилась иначе.





## САМЫЙ СПОСОБНЫЙ НАРОД К ИСКУССТВУ



*Не убоясь в глуши безлюдия,  
Вы подняли призывный стяг  
И победили: ваша Студия  
Для многих путников маяк.  
К своей работе судьи строгие,  
Нашли вы к творчеству пути.  
И нам запел на годы многие  
Сверчок весёлый на печи... –*

такие сердечные строки костромские юмористы посвятили основателю театра студийных постановок Алексею Дмитриевичу Попову после премьеры спектакля "Сверчок на печи", состоявшейся в апреле 1919 года.

Театр студийных постановок, отвечающий "вулканическому темпу жизни" страны того времени и пробуждающего в зрителях "творческую жизнь духа", был не единственным, рожденным в Костроме после Октябрьской революции. Несмотря на трудные, холодные и голодные военные годы, костромская публика не отказывалась от зрелищ, и находились пытливые, мыслящие, любящие и одержимые костромичи, которые устраивали для земляков театральные представления.

В 1926 году местный журнал "Еженедельник искусства" напечатал дружеский шарж, изображающий здание городского театра с пририсованной королевой головой, вздёрнутым хвостом и солидным выменем, у которого с подояниками сидели три мужика — Борис Седой, Леонид Корякин и Борис Фёдоров. Под шаржем были стихотворные строки:

*Ты, бурёнка, не брыкайся, смирно стой.  
В Передвижку два соска доит Седой.  
А другие два - Корякин Леонид  
В оперетту надсаждается доит.  
А у хвостика... – читатель не сердись!  
Захватил, что можно, Фёдоров Борис,*

Смысл шаржа заключался в том, что в те годы здание городского драматического театра отдавалось на зиму сразу нескольким владельцам: Передвижному показательному театру под руководством Бориса Седого (Словачинского), коллективу музыкальной комедии, представителем которой являлся Леонид Корякин, и любительской опере, готовящей постановки под управлением дирижёра



Бориса Фёдорова. Главными хозяевами городского театра были Передвижной показательный, организованный в 1920 году, а спустя пять лет переименованный в Губернский передвижной показательный театр, и оперетта: три дня в неделю играла драматическая труппа, три отдавались музыкальной комедии, остальные – любительской опере.

В 1928 году при клубе "Красный ткач" открывается ТРАМ, что значит театр рабочей молодёжи, инициаторами создания которого стали режиссёр Овсянников, композитор и музыкант Преображенский. Уже после представления первых спектаклей: "Бузливая когорта", "Шлак" и "Зорька" зрители отмечали: "ТРАМ вырос, окреп и показал, что он имеет право на место в театральной жизни Костромы". А газета писала: "Крепкий, здоровый коллектив ТРАМа, состоящий исключительно из рабочих фабрики имени Ленина, имеющий в своих рядах большинство комсомольцев и прекрасного руководителя П.А.Преображенского, завоевал признание не только в городе". В 1935 году на областной олимпиаде искусств в Иваново коллектив занял призовое место, а Центральный Комитет Союза льянщиков ВЦСПС признал его одним из ведущих театров рабочей молодёжи Советского Союза.

"Театр нужен не только взрослым, но и детям!" – считали костромичи и в 1929 году спектаклем "Дон Кихот" открывается театр юного зрителя. На его сцене ставились пьесы, оперетты и оперы: "Хижина дяди Тома" Бичер Стоу, "Том Сойер" по Марку Твену, "Женитьба Бальзамина" Островского, "Разбойники" Шиллера, "Майская ночь" Римского-Корсакова.

В 1932 году германская делегация Красной помощи, познакомившись с молодым театральным коллективом, заметила: "К одному из лучших наших переживаний в Советском Союзе надо отнести представление Костромского ТЮЗ, на котором мы побывали. Спектакль "Дружным ходом" убеждает в том колоссальном духе коллективизма и энтузиазма молодого пролетарского поколения, который влечёт за собой и всё преодолевает".

В ТЮЗе начинал творческий путь будущий драматург, почётный гражданин города и области Виктор Сергеевич Розов, игравший в спектаклях главные роли: Скотинина в "Недоросле" Фонвизина, Скапена – в комедии Мольера "Плутни Скапена", Фигаро – в "Женитьбе Фигаро" Бомарше. Позже Виктор Сергеевич вспоминал: "Значение театра юного зрителя в воспитании юношества тех лет было немалое. Когда разговариваешь с бывшими зрителями, глаза их загораются – видно, что театр формировал их души".

"Мы к сценическому искусству едва ли не самый способный народ в мире", – считал Александр Николаевич Островский, и театральная жизнь Костромы 20 - 30 годов прошлого столетия подтверждает: наш земляк, как всегда, был прав.



## ИЗУЧАТЬ ПРИРОДУ ЖИЗНИ



1919-й год. На бескрайних российских просторах полыхает гражданская война. Голод, холод, разруха правят тризну в каждом городе, в каждом селе, в каждом доме. Казалось, ещё немного и придёт конец людскому терпению, беда одолеет и сломит непокорённых. Однако "загадочная русская душа" в который раз удивили мир силою духа, стойкостью и жизнелюбием.

Именно в ту пору нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский писал из Костромы в Москву: "Я давно не видел столь дружной, умной, опытной и добросовестной группы товарищей... Мы не дрогнем – вот что я прочёл на суровых лицах трудящихся Костромы. Уровень культурной работы в Костроме превышает даже уровень столичных центров".

В этом году Кострома приютила Петроградской Малый государственный драматический театр под руководством Николая Петрова, который, из-за труднейших условий существования, находился на грани закрытия. Здесь начал действовать Дом искусства, организовывается народная консерватория и театр студийных постановок Алексея Дмитриевича Попова.

Несмотря на трудности и сложности военного положения, Кострома думает о завтрашнем дне, о будущих сельских тружениках, которые в мирные дни станут пахать и сеять хлеб, заниматься животноводством, другими повседневными крестьянскими делами. В апреле здесь начинает издаваться уникальный журнал "Юная мысль" для деревенских подростков Костромского уезда. Обращаясь к будущим авторам и читателям, редакция отмечала: "Этот журнал – ваш журнал, юные товарищи! Здесь помещены и будут помещаться ваши работы – произведения членов наших деревенских кружков подростков... На страницах вашего журнала обменивайтесь между собою сообщениями, мыслями, предложениями... Пусть работает ваша мысль и пусть этот журнал послужит вашему объединению!"

Журнал действительно стал деятельным организующим центром кружков деревенских подростков, число которых в Костромском уезде скоро выросло до 17-ти. Пятнадцатилетний Николай Алёшин, ставший впоследствии профессиональным писателем, обращаясь к своим сверстникам, говорил:

*За труд великий просвещенья  
Возьмёмся честною душой,*





*Отбросим все свои сомненья  
И будем верить с упоеньем,  
Что только силой да уменьем  
Добьёмся жизни золотой.*

Правила поведения в кружках, которым все были обязаны подчиняться, основывались на многолетнем крестьянском опыте и разумении: снимать шапки в помещениях, кланяться со старшими и быть вежливыми, с младшими быть ласковыми, не ругаться, не драться, во время экскурсий вести себя прилично.

Кружки деревенских подростков занимались в основном делами познавательными, просветительскими. Четырнадцатилетний Егор Сорокин из Минского о деятельности своей юношеской организации сообщал: "Мы занимаемся в кружке чтением, арифметикой, пением, но всего больше любим слушать, что нам читает и рассказывает наша руководительница по истории родной страны... Недавно я прочёл интересную книгу "От тьмы к свету" Медынского, в ней говорится, как страна наша отстала от других стран. У нас в России есть большие богатства, но народ не умеет обходиться с ними... И вот нынешним годом наши юные души стали пробуждаться от долгого сна, и потому мы наш кружок назвали "Пробуждение".

Позже деятельность подростков расширилась. Так, участники шуваловского кружка "Тишина" занялись сбором растений, насекомых, различных горных пород, изготовлением моделей земледельческих орудий, посуды и жилищ (из дерева и глины), которые положили начало созданию музея местного края. В других местах стали работать мастерские: сапожные, столярные, переплётные.

Что касается творчества крестьянских детей - тут их любопытству, приметливости, зрелости мысли и душевной исповедальности можно позавидовать. Да, им недостаёт мастерства, образных изысков, полета фантазии, но есть то, что близко и сердцу дорого: чувство земли, на которой они живут, повседневные дела, заботы и радости, их волнующие. Те самые общечеловеческие ценности, о которых сегодня столько толкуют, для ребят начала минувшего XX столетия являлись делом обыденным, привычным, о чём они писали в своих стихах, рассказах, сказках, баснях и даже шарадах. Не чужды им были нравы и обычаи старины, к которым относились с юношеским восторгом и удивлением. О том 14-летний Геннадий Цирулёв из Минского в стихотворении "Масленица" писал:

*Взвились кони, пляшут санки,  
Мигом смерим все концы,*



*Голосите в лад тальянки,  
Заливайтесь бубенцы!  
Сколько смеху, сколько песен,  
Ошалело всё село,  
Снег дорожный месим, месим,  
Пообгоним всех на зло.*

Журнал "Юная мысль" стал верным другом и советчиком для многих деревенских ребят Костромского уезда, дал им возможность более пристально взглянуть на окружающий сельский мир, задуматься о своей собственной дальнейшей судьбе. Как признавался член Куниковского кружка подростков Анатолий Куников: "Мы только знаем поесть да поспать... Да разве нас для этого Бог-то создал? Нас Бог создал для того, чтобы мы изучали природу жизни... и как лучше жить. Крестьянину нужно изучать всю землю, где какая почва, как её лучше удобрять... Вот для этого и нужно всё изучать, чтобы быть хорошим крестьянином".

Как сложились судьбы деревенских ребят, живших в те далёкие годы – неизвестно. Но, думается, крестьянами они стали хорошими, ибо в самые трудные и неласковые времена понимали: земля живёт людьми. А людьми они были прекрасными: чистыми, светлыми, душевными, по-крестьянски основательными, пытливыми и работающими. О чём напоминают нам сегодня страницы журнала "Юная мысль".





### СЕГОДНЯ ВЕЗДЕ АГИТКА...



В первое десятилетие после Октябрьской революции литературная жизнь в Костроме, по словам очевидцев, "была на задворках". В 1927 году делалась попытка организовать Костромскую объединенную литературную группу, но она, говоря словами местного поэта Льва Казакевича, не смогла "по-настоящему крепко и деловито объединить литературный молодежь, оформить его стремления, дать установку в его творчестве". Большие надежды связывались с Костромской ассоциацией пролетарских писателей, учрежденной летом 1929 года, дающей "твёрдую идеологическую платформу и возможность работать на правах узаконенной официальной организации". А до того в городе организовывались многочисленные литературные кружки, группы, проводятся литературные субботы и пятницы.

Одним из ведущих являлся литературный кружок при центральной библиотеке им. Н.К. Крупской и объединяющий молодых костромичей в возрасте от 16 до 23 лет. Кружковцы не только занимались изучением отечественной и зарубежной литературы, проводили диспуты и викторины, но с 1929 года выпускали литературно-художественный и критический журнал "Росток", в 1931 году переименованный в "Новый росток". Журнал скромный, печатанный на пишущей машинке, но любовно оформленный, иллюстрированный живыми картинками самих кружковцев. На его страницах встречаются такие имена авторов, как Григорий Птицын, Алексей Желеткин, Михаил Приписнов, Дмитрий Розов, Владимир Цветков, Сергей Аринин и другие. Что стало с ними впоследствии - сведений о том нет, но их первые юношеские опыты, несмотря на подражательность, наивность и простоту, были свежи, лучезарны, освящены светом души, не запачканной житейской грязью.

*В воздухе разлит пьянящий хмель,  
Лес угрюмый ветрами разбужен,  
И струится звонкая капель  
С тёмных крыш в серебряные лужи.*

*Скоро ветры по снегам хлеснут,  
Понесут их по бурливым рекам...  
Я за удаль полюбил весну,  
За неё люблю и человека.*



Но скоро "твёрдая идеологическая платформа" дала о себе знать, потребовав от юных стихотворцев и прозаиков ярко выраженного классового чутья. Так в рассказе, повествующем о знакомстве скучающей на курорте молодой женщины и "высокого, мускулистого, проветренного солёными ветрами" капитана, редакции "Ростка" такая житейской ситуации показалась недостаточной и она в примечании оговаривается: "Признавая чисто художественные данные рассказа, редакция считает, что жизнь советского курорта представлена здесь крайне односторонне. Автор... прошёл мимо освещения жизни и лечения основного кадра курортников – рабочих и крестьян".

Подобные требования явно оказали не самую добрую услугу молодым. Уйдя от описания привычных дел и событий, окружающей их природы, милых сердцу занятий и пристрастий, они стали славословить эпохальные деяния, не имея к тому ни сердечного влечения, ни художественного осмысления происходящих событий. Вот как один из них описывает костромскую первомайскую демонстрацию, увиденную глазами ребенка:

*Крики, шум, пертурбации,  
Игры вмиг пошли на смарку,  
В первомайской демонстрации  
Толпы двигаются к парку...*

*Граждане, стойте что ли,  
Скоро памятник откроют.  
Ленина увидим с воли  
С вверх поднятою рукою.*

Когда памятник Владимиру Ильичу открыли, "Росток" тут же откликнулся словами, от которых веет холодом:

*Ветер рвёт отчаянно и властно,  
Гонит туч стада над Костромой,  
Врос ты в небо цементною массой  
Великан с поднятою рукой.*

И всё же наибольший интерес представляет живая, просветительская работа литкружковцев, их встречи, с читателями, споры-размышления о писателях и героях литературных произведений. Узнав, что заключенные 1-го исправительного дома, в котором находилось до 150 человек, зачитываются певцом "пьяной тальянки" Сергеем Есениным литкружковцы подготовили доклад о поэте и в



полном составе отправились к узникам. К своему удивлению докладчик, обрисовавший лиру Есенина, как не заслуживающую горячего пристрастия, встретил дружный отпор. Посыпались записки и голоса с мест с протестующими и недоумевающими вопросами: почему молчали критики при жизни Есенина? Зачем его печатали журналы, а теперь ругают? Почему в стихах этого крикуна Маяковского никто не видит хулиганства, а Есенина за это режут?

Заключенные говорили горячо, с подъёмом защищали Есенина, отмечали ненадуманность и искренность его стихов, что редко встречается у нынешних поэтов, понятность его поэзии для каждого и отсутствие в ней "агитки". "Сегодня везде агитка, – говорили читатели-заключённые. – На сцене у нас агитка, читают нам агитку, в кино — тоже. Мы хотим хоть немного неподдельного чувства. Любили Есенина, и читать его будем".

Пришелся по душе костромичам и Грибоедов с его комедией "Горе от ума", и даже спектакль Всеволода Мейерхольда обвинённого в столице в формализме, а потому, якобы, чуждого и непонятного советскому зрителю.

Так что, несмотря на "агитки" и "идеологические платформы" конца 20-х начала 30-х годов прошлого столетия, земляки наши ценили, прежде всего, тех писателей и тех литературных героев, в которых видели носителей подлинной культуры, живущих естественными человеческими чувствами и заботами, говорящих с читателем языком доступным и понятным каждому.

И чтение для них, многие из которых совсем недавно выучились грамоте, являлось не праздным времяпровождением, но стремлением познать жизнь. К тому стремились, о том пытались сказать собственными словами:

*Добродушно лампочка мигает,  
Сыплет света золотой пучок  
Я с волнением взглядом пробегаю  
Караваны мудрых книжных строк.  
За окном осенний ветер злится,  
В комнате - шумливая возня.  
Я читаю. Книжные страницы  
Правдой жизни трогают меня.*





ПОД СИМ КРЕСТОМ ЛЕЖИТ НЕ ВОР...



Костромичи всегда были людьми приметливыми, на язык острыми, шуткой-прибауткой не обойдённые. И не только в дружеских беседах-разговорах, песнях-хоровах. Печатного слова тоже не чурались, с превеликой охотой и удовольствием с ним обращались.

Свидетельство тому – за давностью лет забытый журнал "Шмель", который местные юмористы-сатирики благословили в полёт в двадцатых годах прошлого столетия. Журнал молодёжный, задиристый, к тому же юмористический, лихо жалящий своих непутёвых земляков, подверженных большим и малым прегрешениям: лени, стяжательству, беспечному разгильдяйству, прочим изъянам, какие не избыли из нашего житья-бытья и по сей день. О своём отношении к подобным людским слабостям и порокам "Шмель" заявлял откровенно: "Я, дорогие братишки, за словом в карман не лезу. Ни к чему мне это. Всё равно в кармане ничего нет".

Что верно, то верно. Назойливый "Шмель" вонзал свой жалящий хоботок в боевую, кипучую Костромскую бучу - и не напрасно. Редко уходил без добычи. В одном из номеров читаем, как злобредное насекомое, посетив городскую баню, любопытствует у администрации сего заведения:

- Почему очередь большая?
- Потому что раньше в шесть утра открывали, а теперь в девять.
- Зачем такое неудобство? - удивляется недогадливый "Шмель".
- А это, видите ли, экономию на зарплате соблюдаем, три сверхурочных часа выгадываем... У нас хозрасчёт, новая экономия.

Много лет прошло с тех пор, а как всё узнаваемо, сердцу близко и дорого.

Или вот казус, случившийся в "доме крестьянина", где

*Какой-то агроном держал крестьянам речь –  
Как пользу из скота извлечь.  
И так горел, и так страдал для дела,  
Что зала вскоре опустела...*

Слушатели ударились в бега, ибо докладчик употреблял такое количество малопонятных иностранных слов, от которых вяли уши. Тогда незадачливый оратор, встретив "отбившуюся от стада буренку, принялся ей втолковывать



про "физиологию коров", "рациональность" кормления, "идеальность" быков-производителей. Кончилось тем, что не дослушав доморощенного Цицерона, "корова испустила рёв и забодала агронома"

Отважно и бесстрашно вступал "Шмель" в неравный бой о бюрократизмом и волокитой, поведав такую печальную историю: из Рязани в Костромской губернский исполком пришла бумажка с просьбой сообщить: проживает ли в Нерехтском уезде гражданин Ломин?

Костромской губисполком послал бумажку в Нерехтский уездный исполком, тот переслал её начальнику Фёдоровской волостной милиции. Последний возвратил бумагу назад в Рязань тамошнему начальнику губернской милиции. Тамошний начальник препровождает многострадальный запрос своему коллеге из 2-го отделения милиции славного города Рязани. Этот, повертев бумажку, возвращает её снова в костромские края начальнику Фёдоровской милиции. Фёдоровцы, в свою очередь, всю переписку в 7 листов, снова препровождают в Костромской губисполком.

Цикл канцелярской волокиты завершился, но дело с места так и не сдвинулось.

Подобный стиль общения чиновников со своими согражданами был в те годы (впрочем, и нынешние тоже) столь популярен, что один из костромских стихотворцев даже сочинил эпитафию, предупредив жену:

*"...Когда зароят в землю,  
Ты на моём кресте пиши:  
"Под сим крестом лежит не вор,  
Не жертва наглого бандита –  
Лежит рабочий человек –  
Его убила... волокита!"*

Самое ласковое и любезное пристрастие журнал проявлял к женскому полу, особенно после того, как в костромском родильном доме за две недели родилось 17 девочек и только один мальчик. Такому знаменательному событию "Шмель" посвятил строки:

*Видна работа женотдела –  
Движенье женское растёт.  
Давайте скажем вместе смело:  
"Дорогу! Женщина идёт!.. "*



Не обошёл "Шмель" своим вниманием и Льва Давыдовича Троцкого, который будучи зимой 1926 года в Костромских лесах на охоте, не убил ни одного волка. По этому поводу местные загонщики так рассуждали между собой:

- Слышь, кум, - говорит один, - должно и в Москве прослышали, что нас здесь волки загрызли. Самого, стало быть, товарища Троцкого откомандировали... Как на манер чижолой артиллерии...

Другой в ответ:

- И-и, кум, какая там артиллерия! Это тебе не революцию производить. Революция-то, она, можно сказать, сама в рот просится. А волк – дело сурьезное...

Интересовался пронырливый "Шмель" и другими немаловажными проблемами: где лучше пиво пить: в клубе или в пивной? как Кострома живёт, работает, торгует и развлекается? "депутатской тяжестью" и делами избиркома, компанией костромского комсомола по сбору денег на постройку самолёта, падением франка во Франции и срывом рабочей забастовки в Англии. Одним словом:

*Жужжит, жужжит шмелиный рой,  
Кружась в гудящем лёте,  
То бурно-радостный, то злой  
В язвительной работе.  
Хотя шмели из молодых,  
Их ядовиты жала,  
И всякой нечисти из них  
Ужалено немало.*

Его злободневные, нелицеприятные откровения и суждения пользовались у костромичей заслуженной популярностью. И не только. В январе 1926 года в адрес журнала из столицы пришло "Приветствие", а в нём говорилось:

"Я, "Комар", как член московской организации комсомола, приветствую костромскую молодёжь. Посетив Кострому, отмечаю с удовольствием, что город мне понравился. Не жарко в нём, пыли нет. Вывески все по новому правописанию написаны и собак мало... "Шмелю" с чувством братской солидарности жму ногу, хлопаю по крылу и желаю весёлых полётов".







### «КОСТРОМА - НАШ ЛЮБИМЫЙ ГОРОДОК»



«Вы спрашиваете, знаю ли я Потехина? Помилуйте, как не знать, - мы с ним земляки. Кострома - наш любимый городок», - отзывался Александр Николаевич о Алексее Антиповиче Потехине. Впрочем, имя последнего нам мало о чём говорит. Лишь самые дотошные любители русской словесности и драматического искусства осведомлены о многообразном творческом наследии Алексея Антиповича.

Явился Потехин читательской публике в середине XIX столетия как-то вдруг, неожиданно, но с такой многообещающей надеждой, какой многие сочинители за всю жизнь не испытывали. Первые произведения двадцатитрёхлетнего автора удостоились внимания именитого критика Аполлона Григорьева. И какого внимания! Обозревая русскую «изящную литературу» за 1852 год, Григорьев, отдавая должное Островскому и Писемскому, обращал внимание читателей на молодого Потехина, в лице которого «литература приобретает нового, талантливого, честного и плодovitого писателя».

Всё так и было: и талант, и честность, и плодovitость. Подмеченная критиком триада Островский-Писемский-Потехин никогда не воспринималась случайностью, но всегда - определённой закономерностью, ибо, несмотря на разницу в годах, несхожесть характеров и творческих пристрастий, их писательские да и житейские судьбы переплетались в «родимом городке» Костроме так тесно и естественно, что впоследствии они не раз поддерживали друг друга.

А родился Алексей Антипович 1 июля 1829 года в Кинешме Костромской губернии в семье мелкопоместного дворянина, казначея уездного суда. Образование получил в костромской гимназии, а после того в Ярославском Демидовском лицее, окончив его с золотой медалью. По окончании лицея, в 1849-м, поступил на военную службу, но скоро её оставил, поскольку по натуре был человеком сугубо штатским, робким и стеснительным, что порождало в людях, мало знавших Потехина, нездоровую подозрительность. По этой причине редактор «Москвитянина» Михаил Петрович Погодин при первом знакомстве с начинающим автором даже заподозрил того в пагубном пороке, строго спросив:

– Неискренний вы человек?

Потехин с удивлением посмотрел на Погодина, не зная, что и сказать в ответ.

– Видите ли, - пояснил Михаил Петрович, - вы говорите очень тихо, а у меня есть наблюдение, что люди, говорящие тихим, ровным голосом, обыкновенно бывают неискренними, скрытными, хитрыми.



Что мог возразить молодой человек «старик» Погодину? Только делами своими убедить недоверчиво-строгого редактора в обратном. И убедил. Мало того, дружественно-откровенные отношения скоро сблизили этих людей. Через полвека с той первой встречи Алексей Антипович вспомнит о ней, о Погодине, и признается, что память о Михаиле Петровиче, соединённая с глубокой благодарностью, осталась в душе его навсегда.

В 1850-м Потехин зачисляется на службу при костромском губернаторе. Тут состоялось его знакомство с Алексеем Феофилактовичем Писемским, служившим в губернском правлении и уже приобретшем известное литературное имя. Объединяло их как литературное дело, так и страстное увлечение сценическим искусством. Они не только считали непременно и обязательным посещать городской театр, но много играли в любительских спектаклях.

Дружба Алексея Потехина с Алексеем Писемским являлась одной из немногих отрад его костромского периода жизни. К созданию вокруг Потехина атмосферы безрадостности приложила руку, выражаясь словами Островского, «приумнейшая голова, одна из тех голов, кои только и могла иметь Россия», а именно: попечитель Московского учебного округа Муравьёв. В те времена злые языки распускали о нём немало анекдотов, и довольно-таки язвительных. Будто бы ревностный попечитель просвещения, навестив однажды Университетскую библиотеку, взором императора окинул все шкафы и распорядился:

- Это что за беспорядок - поставьте книги в порядке: малые к малым, большие к большим. Да и на кой чёрт даёте вы студентам книги из среднего шкапа. Пусть начинают брать с краёв, небось ведь не перечитают всего.

Этого Муравьёва и перевели в Кострому губернатором, а тот сделал Потехина чиновником по особым поручениям. Костромское дворянство, «возбуждённое против губернатора его нелепо-солдатскими ухватками, подарило своею ненавистью и Потехина». Лишь благодаря настойчивому ходатайству Островского, Алексея Антиповича стали принимать в домах, закрытых для него по милости господина Муравьёва.

Стали привечать Потехина и в Первопрестольной, опять же с лёгкой руки Островского, вокруг которого, «как планеты вокруг Солнца», объединились тогда многие даровитые молодые писатели, художники, артисты: Иван Горбунов, Лев Мей, Сергей Максимов, Алексей Писемский, Мельников-Печерский.

Благосклонно и дружелюбно принятый в их среду, Потехин, тем не менее, был настроен не очень оптимистично. Натянутые отношения с костромским дворянством, ранняя женитьба, бедность и житейские тяготы – всё это его угнетало, порождало чувство неуверенности в будущем. «Я служу и занимаюсь литературой только в свободные минуты, отказываясь ради этого даже от общественной жизни», - писал он из Костромы Погодину в 1852 году.



Судьба Потехина определилась в 1853-м, после написания первой пьесы «Суд людской - не Божий». Сюжетом драмы являлся широко распространённый в Костромской губернии мотив народных поверий о пагубной силе родительского проклятия. Это была первая русская бытовая драма /«мужицкая пьеса»/, изображавшая деревенскую среду, в которой молодой автор обнаружил «прекрасный талант и большое знание быта, языка крестьян наших». Вслед за «Судом людским...» появляются «Брат и сестра, или Шуба овечья - душа человечья», «Чужое добро впрок не идёт», «Вакантное место», «Рыцари нашего времени», многие другие.

«Мишура», написанная под впечатлением жизни провинциального чиновничества, знакомого Потехину во время его службы в Костроме, была отмечена доброжелательной статьёй Добролюбова, признававшего пьесу «произведением замечательным по своей силе» и «имеющую серьёзное значение».

Уже через три года Алексей Антипович как драматург завоёвывает благосклонность зрителей в обеих российских столицах. Сразу и безоговорочно приняла творчество Потехина публика провинциальная, заявлявшая: «Зритель хочет видеть на сцене себя, соседа, знакомого, хочет сверять искусство с натурой, желает видеть в игре жизнь и чувство, и поэтому дайте ему Гоголя, Островского, Потехина...» К концу 60-х годов XIX века в репертуаре провинциальных театров было 23 пьесы Островского из 25 им написанных, шесть - Гоголя, шесть - Потехина, три - Писемского.

Прекрасно распознавая творческую природу актёров, Алексей Антипович часто сам назначал исполнителей в свои пьесы, содействуя выявлению новых сторон их таланта. Благодарную роль он сыграл в сценической биографии Александра Мартынова, раскрыв в знаменитом комике трагический талант, настояв на исполнении им Мишани в пьесе «Чужое добро впрок не идёт». Герой драмы Потехина «Суд людской - не Божий» крестьянин Николай Спиридонович стал первой драматической ролью Прова Садовского.

Известность Потехина, как знатока русской сцены скоро настолько упрочилась, что в 1882 году он назначается управляющим драматическими труппами Александринского и Малого театров. Заступив на эту должность, он, по свидетельству «Старого театрала» «круто повернул направление русской сцены в сторону жизненности, художественности и литературности. При Потехине на сцене Александринского театра стали появляться новые произведения новых авторов». При его содействии увидела свет рампы «Власть тьмы» Л.Н. Толстого. В 1886-м, посылая пьесу М.Г. Савиной, Лев Николаевич писал ей: «Всё, что найдёт нужным театральная цензура заменить, чтобы смягчить, я на всё согласен, если такие изменения будут одобрены Потехиным, которому я вполне



доверяю». Не забывал Алексей Антипович и Александра Николаевича. «Шесть пьес твоих я уже возобновил на петербургской сцене», - извещал он Островского 1 ноября 1882 года.

Будучи управляющим, Потехин вместе с Островским работал над реформой казённых театров, помогал претворять её в жизнь. После того, как сложил с себя высокие обязанности, принял участие в учреждении Общества вспомоществования сценическим деятелям /ныне - Союз театральных деятелей России/ и десять лет являлся его председателем.

В 1900-м Российская Академия Наук избрала Потехина почётным академиком по разряду изящной словесности. То была высокая оценка его заслуг на ниве многолетней деятельности русской литературы и театра, служение которым он, будучи ещё чиновником особых поручений при костромском губернаторе, определил для себя так: «Вся цель моя - сказать доброе слово о нашем добром крестьянине, всё желание - защитить его от многих ложных на него взглядов, показать его таким, - как он есть, не щадя дурных сторон, не скрывая хороших...»

А год спустя скромно отмечался 50-летний юбилей творческой деятельности Алексея Антиповича. Явившихся поздравить он принимал у себя дома, был особенно тронут приветствиями, присланными Ярославским Демидовским лицеем и бывшим директором императорских театров И.В. Всевожским. Последний телеграфировал: «Вспоминаю долголетнюю вместе службу театру. Долго перо ваше отдыхало. Ознаменуйте начало полстолетия новым порывом творчества. Подарите сцене новую пьесу. В театральном комитете недород от засухи. Нужна скорая помощь».

Болезнь и преклонный возраст не позволили Алексею Антиповичу выполнить этот «творческий заказ». Через семь лет, 16 октября 1908 года, он ушёл из жизни. Историк литературы Фёдор Батюшков, обозревая творчество Потехина писал: «... в наше время тревожного решения проблемы морали, исканий тех или иных форм и концепций, после испытанных разочарований и смутно мелькающих надежд, чтение такого автора действует как-то успокоительно».

Справедливость тех слов не избыла и по сей день. Хочется верить, что русский народ в свой срок, вспомнит поименно всех своих сыновей, преданных неправому забвению, и воздаст им по делам их. Одним из тех сыновей будет Алексей Антипович Потехин, для которого, как и для великого Островского, Кострома всегда являлась «родным городком», и который служение народу своему почитал высшим счастьем и благом.



## ОН ВЫБРАЛ ОЗЕРО СВЯТОЕ



Казалось, хоронить его вышел весь город. Улица Симановского от дома №36 до Депутатской была запружена народом. На кладбище шли в скорбном молчании. В тот день впервые замолчала любимая балалайка Ивана Семеновича Блинова, организатора и дирижера первого в Костроме показательного великорусского оркестра. Было ему в ту пору 47 лет. Вроде бы жить да жить, заниматься любимым делом, приобщать к народной музыке любителей, увлекающихся этим самобытным искусством. Только судьба распорядилась иначе. . .

Родился Иван Блинов в феврале 1888 года и был первым ребенком в семье, где вскоре появилось еще четверо детей. Исследователь и летописец жизни и творческих пристрастий Блинова Александр Васильевич Калашников, также большой поклонник народной музыки, в своей книге «Сегодня состоится сыгровка», встретившийся с читателем в конце двадцатого столетия, приводит такую показательную деталь: первенец Блиновых Ваня появился на свет в то время, когда в Санкт-Петербурге состоялся первый концерт «Кружка любителей игры на балалайках» под управлением Василия Андреева.

После смерти отца Семена Васильевича Ваня, как старший сын в семье, взял на себя роль взрослого мужчины, пройдя полностью «курс» домашнего обучения от няни до работника по дому. Окончив школу, поступает в Чижовское механико-техническое училище, где существовал оркестр балалаечников. Музыка настолько увлекла паренька, что он все свободное время посвящает игре на балалайке, ставшей любимым инструментом на всю жизнь. Без отрыва от учебы Иван Блинов работает токарем и по совместительству слесарем на 3-ей текстильной фабрике. Как сам потом признавался: «Работал везде, где можно», поскольку содержать младших сестер и братьев было делом непростым. А по вечерам спешил на репетиции, либо участвовал в концертах, которые часто устраивались в родном училище, в Народном доме, позже переименованном в клуб «Красный ткач», в читальне имени А.Н. Островского, для солдат костромского гарнизона.

В это время у молодого музыканта рождается мечта создать в Костроме оркестр по образцу андреевского, получившего общенародное признание. Блинов самостоятельно изучает нотную грамоту, поступает в музыкальную школу для взрослых, но началась первая мировая война. Блинов становится солдатом. По счастливой случайности он попадает в часть, где жила память и традиции,



заложенные Василием Андреевым еще в конце XIX века, и где имелись русские народные инструменты. Позже корреспондент «Северной правды» писал: «В 1914 году Блинов был забран в солдаты, но будучи рядовым в различных воинских частях, не оставлял любимого им дела. Великорусские оркестры возникали там, куда он попадал».

В 1920 году Иван Блинов возвращается в Кострому, поступает на работу в механических цех 1-ой ткацкой фабрики, организывает кружок народных инструментов в Союзе текстилей, собирая с миру по нитке на приобретение инструментов и нот. Удивительная работоспособность, творческая одержимость и организаторский талант Блинова не прошли бесследно. В конце декабря 1922 года струнный кружок текстильщиков преобразовывается в Великорусский оркестр, который к тому времени имел стабильный состав, достаточное количество инструментов, приличную нотную библиотеку.

В отчете о первых шагах становления блиновского великорусского оркестра говорится: «Подытожив свою годовую работу, 22 раза срываемую на разные сроки из-за занятости помещения, оркестр имеет следующие цифры: за год состоялось репетиций – 122. Лекций по муз. грамоте и игре на народных инструментах – 61. Всего занятий – 446... За год посетило занятия – 3789 человек (мужчин – 3430 и женщин – 359).

Оркестр состоит из 41 человека».

Его репертуар составили русские народные и революционные песни, классические произведения отечественных и зарубежных композиторов. Любители народной музыки собирались не только на концертах, но по вечерам и в садах, на бульварах и скверах, на волжской набережной, где играли на слух вальсы, марши, польки, романсы. Долгое время сохранялся обычай собираться в некоторых дворах. Среди жильцов всегда находилось два-три любителя, играющих на каких-либо инструментах. Вечерами они выходили на свежий воздух и начинали играть, вокруг собирались соседи, заводили песни, частушки, танцы. Здесь можно было услышать балалайку, гитару, мандолину. Каждый приносил свой личный инструмент.

В 1934 году при непосредственном участии Ивана Семеновича в 1-й детской музыкальной школе создается класс русских народных инструментов, в котором он был первым преподавателем. Этот класс положил начало организации во всех школах города классов домбр и балалаек.

А год спустя по городу разносится тревожная весть: Иван Семенович Блинов пропал. Накануне его видела домработница тетя Шура. По ее словам, он быстрыми шагами прошел мимо своего дома по противоположной стороне. Увидев тетю Шуру, приветливо помахал рукой, что-то сказал и быстро удалил-



ся в сторону фабрик. С тех пор его больше никто не видел живым. Лишь через несколько дней стало известно, что в Святом озере у села Некрасово найдено тело, в котором с трудом опознали Блинова. Никто не мог поверить в то, что такой человек, как Иван Семенович, проживший жизнь честно, с любовью к людям, посвятивший им все свои знания и силы, мог так неожиданно покинуть этот мир. Многие задавались вопросом: почему он выбрал озеро Святое, а не Волгу, Костромку, другие глухие места на реках? Ответ напрашивается один: этим поступком Иван Семенович как бы хотел сказать: «Я чист и не виноват».

Причину его смерти рабочий механического цеха Василий Васильевич Голубев, где начальником цеха был Блинов, объяснил так: при выполнении задания по расточке цилиндров был допущен технологический брак. Органы НКВД были в курсе и обещали Блинову большие неприятности; могли обвинить во вредительстве, участии в «троцкистских группировках». Иван Семенович не мог допустить, чтобы его честное имя было опозорено таким образом и решил-ся на отчаянный поступок.

1 октября 1993 года на доме №36 по улице Симановского установили мемориальную доску, посвященную талантливому человеку и заслуженному музыканту Ивану Семеновичу Блинову. Как вспоминают его современники, и сегодня, по прошествии многих лет, перед глазами встает потрясающее зрелище: людское море медленно движется в глубоком траурном молчании. Не единого звука, а от этого скорбь тяжелее, боль острее. И эту людскую память никому не дано разрушить: она вечно будет жить в душах поколений живых.





## Я СЧАСТЛИВО ЖИЛ В КОСТРОМЕ



*Бродит сквозь сумраки синие  
Осень в дырявом плаще.  
Я при огне керосиновом  
Смысл постигаю вещей.  
Пламя холодное желтое  
Листом осенним дрожит.  
Что-то больше, тяжелое  
В маленьком сердце лежит, –*

так писал Виктор Сергеевич Розов в Костроме в 1943 году после выхода из госпиталя. А первое знакомство с нашим городом случилось в 1923-м, когда мальчику было десять лет. Позже, "путешествуя в разные стороны" своей жизненной и творческой судьбы, Виктор Сергеевич отметит: "Я счастливо рос в компании своих костромских друзей. У нас была Волга, а значит – лодки, купанье, рыбалка, походы; кроме того, игры в волейбол и футбол и бесконечные задушевные беседы в уютном домике Воскресенских на улице Кооперации, номер четыре".

А потом был костромской театр юного зрителя, на сцене которого молодой артист Виктор Розов играл Скотинина, Скапена, Фигаро, многих других персонажей. Здесь писались первые драматические опусы. И первая рецензия на них появилась здесь же. Рецензия, по словам самого автора, "ужасная". Потом их будет предостаточно, рецензий-отзывов-исследований: и ужасных и сдержанных, и восторженных...

Но то была первая в жизни. В "Северной правде" от 28 марта 1943 года. В ней, в частности, говорилось: "Творческий коллектив части артистов... организовался в эстрадную группу. Недавно силами труппы был устроен концерт. Вечер не совсем удачно начался показом скетча тов. Розова "Сцена в госбанке". Пользуясь неблагодарным материалом, артисты не могли не только заинтересовать зрителей, но и найти верный тон... Артистка Агеева, игравшая колхозницу, вообще чувствовала себя в неудобном положении, ибо автор оставил для неё односложные замечания. Скетч вышел очень бледный и неинтересный, изобилующий такими "остроумными" словами, как, например: "молоко у коровы в груди скисает" и др."

Пройдёт восемь лет, и костромичи встретятся уже с драматургом Розовым, с героями пьесы "Её друзья", поставленной театром Островского. Спектакль





пришёлся юным костромичам по душе, и несколько лет не сходил с афиши. Ещё больший успех выпал на долю пьесы "В добрый час". "Давно в зале не было такой живой и единодушной реакции на реплики и поступки сценических героев, таких бурных, идущих от самого сердца, аплодисментов, – писала местная газета в апреле 1956 года. – Было особенно приятно ещё и оттого, что автором пьесы является наш земляк — Виктор Розов, который здесь, в костромском театре, впервые много лет назад проникся глубокой любовью к театральному искусству".

После того костромичи всегда пристрастно и заинтересованно следили за появлением новых пьес Виктора Сергеевича. И когда после постановки в мае 1956 года "Вечно живых" имя Розова долгое время на афише не появлялось, зритель замер в нетерпеливом ожидании. Только через три года вздохнул облегчённо, заявив со страниц "Северной правды": "Наконец-то театр имени Островского обратился к популярной пьесе Виктора Розова "В поисках радости". Мы говорим так, потому, что последние год-два эта пьеса обошла почти все самодеятельные коллективы Костромы, и только теперь, после долгой и, право, ничем неоправданной нерешительности за сценическое воплощение одной из лучших советских пьес взялся облдрамтеатр".

Скоро в репертуаре появляются "Неравный бой", "В день свадьбы", "Перед ужином", "Затейник". Каждое обращение коллектива к пьесе Розова свидетельствовало о его творческих устремлениях, понимании собственной значимости в духовной и культурной жизни города и области. В одной из рецензий говорилось: "В последних работах нашего театра чувствуется явное стремление быть настоящим современником, откликаться на волнения и конфликты не просто дня, эпохи... Виктор Розов говорит с нами "о новых временах", а новые времена для всех честных людей сегодня значат одно: борьбу за чистоту наших чувств, за честность перед собой и людьми".

В августе 1993 года патриарху театра, почетному гражданину города Костромы и области Виктору Сергеевичу исполнилось 80. Юбилейные торжества намеревались провести в Московском Центральном детском театре, где в 1949 году была поставлена его первая пьеса "Её друзья". Костромской театр тоже готовился отметить это волнительное событие. Художнику Валентине Игнатьевне Лебедевой дали социальный заказ: сделать скульптурный дружеский шарж Виктора Сергеевича, с которым она справилась отменно. Драматург Розов предстал удивительно жизнелюбивой русской натурой, с лукавой хитринкой в очах, всепонимающей улыбкой на устах, излучающий добросердечную любовь и детский восторг перед открывшимся ему миром.



Кроме скульптурного изображения юбиляра актёры сочинили соответствующее моменту послание, начинавшееся словами:

*Ой, ты гой еси, Виктор свет Сергеевич,  
Наш земляк костромской с улицы Кооперации.  
Заявились мы на "Традиционный сбор",  
Чтобы молвить тебе слово приветное  
От родной Костромы белокаменной,  
Полноводной реки Волги-матушки,  
От старейшего театра российского,  
Да друзей костромских, тебя помнящих...*

Но тут грянул "боевой" сентябрь. Президент Борис Ельцин обнародовал суровый указ за номером 1400. Стали рваться снаряды. Трещать пулеметы. Столичная комиссия по проведению чествования Розова на телефонные звонки костромичей не отвечала.

Два года спустя Виктор Сергеевич приехал в Кострому на Дни славянской письменности. Его пригласили в театр на встречу с коллективом, где и преподнесли дары, подготовленные к его 80-летию. Он был искренне тронут собственным скульптурным изображением, пошутил: "Теперь, когда журналисты станут брать интервью, скажу: "Обращайтесь к нему!" – и весело кивнул в сторону своего двойника.

Шутка подарила надежду, что Виктор Сергеевич ещё порадует театры и публику новыми пьесами, ибо сейчас для его героев самое подходящее время – время возрождения идеалов, которые так необходимы всем нам. Но, увы! Пьес драматург Розов не пишет. Написал, книгу воспоминаний "Удивление перед жизнью", которая тоже поведаст нам и нашим потомкам о непростом и яростном ушедшем двадцатом столетии.





### В СВЯЗИ С ВОЕННЫМ ВРЕМЕНЕМ...



Первый день Великой Отечественной войны застал коллектив Костромского драматического театра на гастролях в Ярославле. Пришлось возвращаться домой "на перекладных".

Вместо долгожданного отпуска начались репетиции, вводы в идущие спектакли, поскольку многие артисты уже были призваны в армию. Часто выступали в воинских формированиях, госпиталях. Это были знакомства с новым зрителем, опалённым войной. Артист К. Вербицкий потом вспоминал:

"Когда мне впервые выпало конферировать концерт в госпитале, я вышел на сцену и увидел море белых повязок и раненых на носилках между стульев, неведомое прежде волнение охватило меня. То была аудитория, равной которой по силе отклика и экспрессии, вероятно, нет. Зрительный зал взрывался аплодисментами.

Помню, в первом ряду сидят двое. У одного и у другого руки перевязаны, по одной здоровой руке у каждого. Так они всё-таки аплодировали вместе. Это было так трогательно, что у многих артистов заблестели слёзы".

Театральный сезон открыли досрочно, 19 июля, спектаклем "Полководец Суворов" по пьесе Н. Бехтерева и А. Разумовского. Сборы были, что называется "битковые". У кассы неизменно висело объявление: "Все билеты проданы".

И вдруг – телеграмма из Ярославского управления культуры (Кострома тогда входила в Ярославскую область). В телеграмме говорилось: "В связи с военным временем театры Костромы, Ростова, Гаврилов-Яма, Переславля подлежат ликвидации. Остаются функционировать Ярославский театр имени Волкова, Рыбинский городской... Срочно доложите об исполнении".

На следующий день коллектив, как обычно, собрался на репетицию. Но вместо главного режиссёра В. Княжича слово взял директор Н. Саламанов. Зачитав телеграмму, он сказал:

– С сегодняшнего дня вы все уволены. Получите справки о ликвидации театра. Артистам Ярчевскому, Кулебякину, Талисману предлагается, если пожелают, перейти в Рыбинский театр... Прощайте, друзья...

Позже Аркадий Михайлович Талисман о том чёрном дне в жизни театра рассказывал:

– Прошло десять минут - никто не встал. Полное уныние. Я решительно подошёл к столу и взял справку. Вслед за мной встали артисты Касьянов и Иванченко и, не взяв справок, поклонились всем и ушли. Заплакала старейшая замечательная наша актриса Валентина Николаевна Соломина. За справками потянулись все



остальные... Когда всё было закончено, я попросил слова и сделал заявление: "В Рыбинский театр не поеду, остаюсь в Костромском театре. Будем бороться за его существование".

Прямо с собрания главный художник М. Пирогов, режиссёры П. Брянский и В. Княжич, а также Талисман пошли в горком партии. Секретарь горкома Каткова, выслушав неожиданных визитёров, высказала резкое несогласие с решением Ярославского управления культуры о закрытии театра, тут же начала звонить по высоким инстанциям, а на прощание сказала: "Не волнуйтесь. Передайте коллективу: добьёмся восстановления, чего бы нам это не стоило".

С августа театр перешёл нам казарменное положение. Днём выступали в госпиталях, на заводах и фабриках, выезжали на село, вечерами репетировали, подготовив за короткий срок спектакли "Парень из нашего города" К.Симонова и "Трактирщицу" К.Гольдони. Добились разрешения играть на сцене театра три раза в неделю. А вскоре стали выступать и ежедневно. Никакого материального вознаграждения за свою работу не получали. Прослышав о непокорности костромичей, из Ярославля прибыла группа режиссёров и критиков для окончательной ликвидации Костромского драматического. 6-го октября для неё показывали спектакль "Парень из нашего города", 7-го - "Трактирщицу", 8-го - "Батальон идет на запад". Каждый вечер, несмотря на строгий запрет гостей из области, зрительный зал был переполнен, спектакли шли с небывалым успехом. То были три дня, которые потрясли высокую комиссию, и она дала "добро" на признание театра в статусе действующего.

Правда восторжествовала, что придало коллективу новые силы в его многотрудной работе военной поры. Преодолевая небывалые сложности, он жил активной творческой жизнью. Так в сезоне 1941-42 годов здесь состоялось 14 премьер, в сезоне 1942-43 годов - 11, в сезоне 1943-44 годов - 8, в сезоне 1944-45 годов - 10 премьер.

Кроме того, из числа творческих работников театра была сформирована бригада для обслуживания частей Красной Армии Калининского фронта, которая дала на передовой более 50 спектаклей и концертов. Во все дни военного лихолетья коллектив жил высоким пониманием ответственности каждого за судьбу Родину

А местный стихотворец написал о тех далёких днях такие строки:

*С лихим присвистом, звонким переливом  
Своих Ромео провожали на войну.  
Совсем по-взрослому, с улыбкой горделивой  
Смотрели те на эту кутерьму,  
А после шли на сцену и молчали,  
Туманился слезой прощальный взгляд...  
Мы Родину свою в сраженьях отстояли,  
В тылу не сдали Костромской театр.*



## ПРАЗДНИК, КОТОРЫЙ ВСЕГДА С НАМИ



Истоки театральной жизни Костромского края тесно связаны с народным творчеством. Элементы драматического театрального действия прослеживаются в календарных и семейных обрядах, игрищах и празднествах в честь Ярилы, проводах масленицы, святочных колядках и др. В весенней сказке "Снегурочка", написанной на основе народных поверий, легенд, старинных песен, бытовавших на костромской земле, А.Н. Островский в художественных образах воссоздал народное поэтическое действо с его языческими красочными обрядами, хороводами, танцами.

Большое влияние на костромские театральные традиции оказали древние актеры-скоморохи, разыгрывавшие свои представления - «похоры» не только на улицах городов, но и в самых отдаленных уголках края. Как отмечают историки: «Скоморошество было высшей формой русского народного театра, существование которого в течение ряда веков явилось почвой, на которой возник русский национальный театр».

В конце XVIII века в Костромской губернии существовали крепостные театры в Чухломском уезде Н.Ф. Катенина в с. Занино, П.А. Семечева в с. Введенском, В.Е. Обрезкова в с. Понежском, помещика А.И. Кологривова в Костромском уезде, А.И. Вяземского в с. Пречистенском Галичского уезда. В самом Галиче был «благородный театр», организатором которого являлся родственник М.Ю. Лермонтова, почетный смотритель училищ А.П. Петров. 31 января 1847 года здесь был представлен спектакль в пользу бедных жителей Галича. В спектакле, наряду с пьесами «Тяжба» Гоголя и «Воздушные замки» Хмельницкого, были поставлены сцены из лермонтовского «Маскарада», который находился тогда под запретом цензуры и впервые увидел свет рампы лишь 1852 году в Петербурге. Так что Галичский «благородный театр» можно считать первооткрывателем лермонтовской драмы.

После того, как крепостные театры прекратили существование (1861 г.) широкое распространение в провинции получило театральное любительство. В 1875 году в Кологриве построили театральное здание с большой сценой, двумя артистическими уборными и залом на 200 мест. Актеры-любители играли пьесы Островского, Сухова-Кобылина, Чехова, Писемского.

5 мая 1900 года спектаклем «Не в свои сани не садись» Островского в Чухломе открывается Общество почитателей драматического искусства, существовавшее до 1918 года. За это время драмколлективом поставлено 129



спектаклей по произведениям Островского, Писемского, Л.Н. Толстого, Чехова, Горького и др.

Театр был давним увлечением жителей Селища. В начале XX столетия они решили поставить "Лес" Островского. Во дворе усадьбы соорудили сцену, сами подготовили декорации и костюмы. У крестьян постановка имела большой успех. Они были настолько заинтересованы, что выстояли на ногах все представление, поскольку сидеть было не на чем.

Власти пытались запретить это «счастливое начинание», но селищенские актеры-любители начатого дела не оставили. Кроме пьес ставили даже оперетты и оперы: «Цыганский барон», «Аида», «Русалка», сцены из «Фауста». Одна из участниц вспоминала: «Было волнение, был праздник, память о котором живет всю жизнь».

В это время любительские театры существовали в Самети, Шунге, многих других селах, где спектакли игрались в школах, приспособлявая для этого временные сцены.

Первые годы Советской власти, несмотря на голод и разруху, стали периодом расцвета театральной самодеятельности. По свидетельству Наркома просвещения РСФСР А.В. Луначарского в начале 20-х годов в Костромской губернии насчитывалось "400 одних зарегистрированных колхозных театров".

Театральные любительские коллективы действуют в Мантурово, где построили театр на 1000 мест. В Солигаличе солдат Николай Смирнов организовал кружок из членов общественных потребителей, участниками которого являлись 85 человек. Ставили Островского, Чехова, Найденова. К четвертой годовщине Октябрьской революции подготовили спектакль «На дне» Горького. Участники вспоминали: «Эта пьеса потребовала усиленной работы. Специально для нее местный художник А.М. Урвачев написал декорации, за что получил от управдома восемь восьмушек махорки и бутылку керосина».

В Островском (бывш. Семеновское-Лапотное) был настоящий деревянный театр, обшитый тесом, освещался керосиновыми лампами и фонарями. После пожара в 1928 году спектакли ставились в 2-х этажном купеческом доме («Любовь Яровая», «Платон Кречет», «Чудесный сплав», «На дне» и др.).

В Галиче большой популярностью пользовались театральные праздники, которые начали формироваться еще в 1915-1916 годах при содействии любителей сценического искусства и культуры. Успешно работают драматические кружки в Чухломе, при клубе Тимошинского сельсовета Макарьевского района, открывается красноармейский театр в Нерехте, рабоче-крестьянский в Вохме. Большой популярностью театральное любительство пользуется в 30-е годы



во многих деревнях и поселках. В это время число клубов в Костромском крае увеличивается с 205 (1927 г.) до 667 (1940 г.).

После образования в 1944 году Костромской области театральная самодеятельность обретает новое дыхание. Организовываются десятки драматических кружков при сельских клубах, избах-читальнях. В Костроме открывается театр народного творчества, являющийся своеобразной школой повышения мастерства актеров-любителей. В 1949-м проводится областной смотр сельской театральной самодеятельности. Продолжался он три месяца. В нем участвовало свыше 400 коллективов области. Четыре тысячи колхозников, сельской интеллигенции предварительно выступали с творческим отчетом в своих сельсоветах и районных центрах. Завершился смотр показом лучших работ в марте в областном центре. За три дня в Костроме выступило двенадцать драматических кружков сельских клубов и изб-читален: Галичского, Буйского, Шарьинского, Красносельского, Нерехтского, Костромского районов, а так же театральные коллективы районных домов культуры Поназырева, Солигалича, Макарьева, Неи, Кадыя, Островского, Палкино, Красного. Проведенный в декабре 1955 года областной смотр показал: в области выросло количество участников драматических коллективов, исполнительское мастерство артистов-любителей, самодеятельное искусство теснее сближается с жизнью, с задачами современности, спектакли отмечены творческим подходом к сценическому воплощению драматургического материала, ансамблевыми, художественным оформлением постановок.

Спектакль Арменского сельского клуба. Нерехтского района «Бедность не порок» Островского был примечателен тем, что этот самодеятельный коллектив, не имел руководителя-профессионала, существует уже три года лишь при большой любви энтузиастов к сценическому искусству и чувстве ответственности за сохранение культуры на селе. Важным являлось и то, что наряду с преподавателями Армейской семилетней школы в кружке активно участвуют председатель сельсовета П. Шахматкин, игравший в "Бедности..." роль Гордея Торпова, секретарь сельсовета П. Базанов, зоотехник Т. Соков, личный пример которых, любовь к сцене способствовали созданию "этого замечательного коллектива".

И как печально было члену жюри смотра, режиссеру областного театра Островского А. Бахвалову узнать, что этому коллективу ни Нерехтский горком партии, ни горисполком не оказывают действенной помощи. Районный отдел культуры и рад бы помочь, да средств нет. Даже гримировальными принадлежностями кружок не обеспечен. Вот и приходится исполнителям вместо усов и бороды наклеивать на лицо конторским клеем шерсть, выстриженную из полушубка.



Как писал после смотра режиссер А. Бахвалов: "Любовь и признательность народная к участникам художественной самодеятельности оправдана. Они заслужили ее своим благородным трудом, большим вкладом в развитие нашей социалистической культуры. И нельзя смотреть на самодеятельность свысока, как на забаву... Равнодушие, а порой просто бюрократическое отношение к участникам художественной самодеятельности отравляет им настроение, убивает энергию, инициативу". /"Северная правда", 1955, 30 декабря/.

К слову, режиссеры и актеры театра Островского являлись не только членами жюри областных смотров и фестивалей. Многие из них постоянно выезжали в районы для оказания практической помощи при подготовке спектаклей, принимали участие в любительских постановках. И не только. В "Очерках русского советского театра" /1960, т.Ш/ читаем: "Оперативно и увлеченно работал один из самых массовых передвижных театров - Шарьинский колхозный театр Костромской области". С этим театром связан характерный эпизод, показывающий, как помогали колхозно-совхозным театрам областные театры. Костромской драмтеатр передал Шарьинскому театру 800 театральных костюмов, составивших хороший гардероб, особенно ценный для постановки классических пьес".

В 60-е годы многим любительским коллективам области присваиваются почетные звания "Народный театр", которые являлись "высшей формой развития театральной самодеятельности". Как всякое новое дело в области, и не только Костромской, обретение почетных званий театрами, самой жизнью созданных, являлось процессом трудноодолимым, бюрократической волокитой огражденным: не дорос, мол, наш колхозный народ до театра. Ему хлеб растить надо.

В беседе с корреспондентом журнала "Театральная жизнь" /1963, №11/ методист Дома народного творчества Иван Васильевич Яблоков не сдерживал эмоций:

- Черт знает, что!.. не можем мы крупинки золотые собирать. Как воздух нам народные театры. Смотрите, ведь область-то у нас побольше Финляндии. А на весь этот простор - один народный театр. А люди есть. Взять хотя бы коллектив Кологрива. Поставили там "Барабанщицу". Из колхозов на спектакль даже заявки поступают...

Та статья в "Театральной жизни" называлась "Без прописки". А ведь сдюжили, одолели всяческие бюрократические препоны, добились "прописки" народные таланты. Уже в апреле 1966-го в Островском проводится театральный фестиваль спектаклей по пьесам Островского. Народные театры Галича, Шарьи, Макарьева, Буя, Чухломы, Солигалича, Парфеньева, Кологривского ТЮЗа, Костромского Дома работников просвещения одарили зрителей спектаклями





"Гроза", "Женитьба Бальзаминова", "Не было ни гроша да вдруг алтын", "Не все коту масленица" и другими.

То был первый на костромской земле фестиваль-признание наших тружеников села в любви к драматургу Островскому и его творчеству. С 1973 года, когда Министерство культуры РСФСР и Всероссийское театральное общество поддержали инициативу Костромского обкома партии и облисполкома о проведении "Всероссийского театрального фестиваля "Дни Островского в Костроме", народные и любительские коллективы области, наряду с профессиональными театрами России, являются неперенными участниками этого праздника сценического искусства.

Примечательно, что на "Днях Островского в Костроме", посвященных 175-летию со дня рождения драматурга, в рамках фестиваля в театральной гостиной Дворца творчества юных показывали свое мастерство 15 школьных театральных коллективов города и области. Лучшие их работы отмечены дипломами фестиваля с символическим названием "Надежда". Так что сегодня мы можем повторить слова Александра Николаевича Островского, сказанные им почти два века тому назад: "Мы к сценическому искусству едва ли не самый способнейший народ в мире". Повторить и своим неизбывным талантом творить праздник, который всегда с нами.





## СТОЯТИ ЗАОДНО!..



"По моему мнению, и в торжественные години и в будни идея Отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном её осознании человек приобретает право назвать себя гражданином", – говорил в своё время Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин.

Этим высоким чувством и пониманием жили костромичи во всякие времена: и в дальние и в ближние, в пору невзгод и потрясений, и в дни мирных забот, в минуты душевных радостей и скорбных известий.

Для многих из них идея Отечества была неразделимо связана с отчим краем, родной и милой сердцу Костромой – её светлым ликом, добросердечием и требовательностью. О том достаточно написано стихов и прозы, песен и живописных полотен. Суровых и нежных, горьких и лучистых, исповедальных и патриотических, тихих и громогласных, задумчивых и бесшабашно-озорных.

Но в душах ныне живущих рождаются новые слова о Костроме, ставшей для них и родиной, и судьбой, и памятью сердца.

*Над Волгой клубился холодный туман,  
Над Русью заря занималась,  
Когда на высокому крутом берегу  
Дружинников рать показалась.  
Сражённый суровой, седой красотой,  
Князь Юрий, воскликнул негромко:  
"Заложим здесь, други, мы град Кострому  
Во славу грядущих потомков.  
И никому наш город не отнять,  
Когда мы заодно будем стояти!.."  
Шли годы и скоро в царстве лесном  
Встал град Кострома словно сказка,  
Приветливый сердцем, открытый душой,  
С улыбкой широкой и ясной.  
Но если случалась лихая пора,  
И чёрные тучи сгущались,  
Могучей и грозной была Кострома,  
И князя слова вспоминались:*



*"Нет, никому наш город не отнять,  
Когда мы заодно будем стоять!.. "*  
*Над Русью бескрайней сменялись века,  
Над Волгою песни сменялись,  
Но вместе с Отчиной жила Кострома,  
И радуясь с ней, и печалась.  
Немало сынов её в землю легло,  
Свою Кострому защищая,  
В прощальных словах вспоминали её,  
И князя слова вспоминали:  
"Нет, никому наш город не отнять,  
Когда мы заодно будем стоять!.. "*  
*Как прежде встаёт над Россией заря,  
И Волга волною играет,  
И снова, как прежде, наш град Кострома  
Желанных друзей приветствует.  
И патия слышен малиновый звон,  
Светла и лучиста Костромка...  
И вечным заветом с тех давних времён  
Доносится голос негромкий:  
"Нет, никому наш город не отнять,  
Когда мы заодно будем стоять!.."*





Степаненко  
Евгений Тимофеевич

Родился на Кубани в 1937 году. Окончил среднюю школу. В бытность министра путей сообщения СССР тов. Бещева Б.П. трудился разнорабочим 4-го околотка Песчанокопской дистанции Северо-Кавказской железной дороги. В 58-м, волей случая, стал актером Краснодарского краевого передвижного драматического театра. Здесь познакомился с молодой актрисой Серафимой Диденко, с которой не разлучались по сей день. Вместе покоряли зрителей Бугуруслана, Советска, Астрахани, Кимр. Окончил театроведческий факультет Государственного института театрального искусства (ГИТИС) им. А. В. Луначарского. С дипломом явился в Калининское областное управление культуры: так, мол, и так, желаю служить советскому театральному искусству по специальности. «Кем?» - полюбопытствовал начальник управления. «Критиком, - отвечаю, - как в документе написано».

«Критиков, - говорит начальник, - и без тебя хватает, а работать некому». И послал меня на Высшие режиссерские курсы при ГИТИСе. В группу административных работников.

В 69-м, по окончании курсов, получил направление в Костромской драматический. Директором. Но на этом поприще административный романтизм скоро иссяк. С удовольствием освободил директорское кресло и пересел на завлитовский стул.

Теперь уже и стул освободил. Зато с женой Серафимой Федоровной обогатились сыном, внуками, правнуками. Дай Бог всем здоровья и благополучия. Как и Костромскому областному радио, благодаря которому мне посчастливилось сказать свое похвальное слово Костроме-матушке.

*С уважением, Евгений Степаненко*



г. Бугуруслан 1960 г. «Иркутская история» Денис – Е. Степаненко

Краснодар, 1964 г.  
С женой Серафимой Диденко



«Иркутская история», Денис – Е. Степаненко, Раиса – С. Диденко

«Девушка с веснушками» 1961 г., Глаша – С. Диденко, Петр – Е. Степаненко





*Г. Кимры 1965 г. «Без креста», отец Сергей – Е. Степаненко*

*«Великий волшебник», 1963 г.,  
Одноглазый пират – Е. Степаненко*



*«Щит и меч», Вайс – Е. Степаненко*

*«Опасный возраст», 1962 г.,  
Милиционер – Е. Степаненко*





*Торжественное собрание, посвященное вручению ордена Красного Знамени  
Костромскому драматическому театру. Март 1984 г.*

*На майской демонстрации 1982 г. Артисты В. Сучков, з.а. РСФСР Д. Кромский, з.а. ТАССР  
Д. Швеи, завлит Е. Степаненко, з.а. РСФСР Б. Красилов*



**СОДЕРЖАНИЕ**

- Стр. 3 • От автора  
4 • В лето 6660  
6 • Явление чудотворной иконы  
9 • За торжество родного края  
12 • Осада Ипатия  
15 • Исторический день  
18 • Нет повести печальнее на свете  
20 • Монах-прорицатель  
23 • Тайно сыгранная роль Федора Волкова  
27 • Блаженны времена настали  
30 • Слава и честь Мельнику  
43 • Недостоверный исторический факт  
45 • Да, были люди в наше время...  
48 • Артист-дезертир и костромская Клеопатра  
57 • Благословенные дни  
59 • Наш соловей Иван Рупини  
65 • Тот самый Катенин  
79 • Такой каланчи у меня нет  
81 • Русский Ювенал  
85 • Памятник, Сусанина достойный  
88 • Бедственные времена  
90 • Как луч из облаков  
94 • «Старый театрал» Алексей Плещеев  
98 • Предание о благородном разбойнике  
101 • Черниговский дар  
104 • Александр II в Костроме  
106 • Прошлое встает передо мной  
108 • «Нет ничего более отрадного...»  
110 • Их одна земля взрастила  
114 • Да здравствуют американцы!  
116 • Эта любовь – костромская  
118 • Народная читальня  
120 • О чем не поплачешь – о том не споешь  
122 • Дядя Гиляй на Волге  
124 • На что спрос – на то и цена  
126 • Зимогор – слово нашенское  
128 • Скачет клад по скошенному лугу





- 130 • Дела разбойничьи
- 133 • Народ чеканной пробы
- 135 • Память о тебе осталась с похвалами
- 139 • Гордей – от слова «гордый»
- 141 • Печальник нашей старины
- 143 • Неизданная рукопись
- 145 • Услышанный голос
- 147 • Скоро сказка сказывается
- 149 • Мир праху твоему
- 151 • Пастырь-мученик
- 154 • Где рабочая кровь пролилась
- 156 • Дело о фонарях
- 158 • Губернатор-изобретатель
- 161 • Юбилейный пень
- 163 • Донской казак из Макарьева
- 166 • «Любовь к Отечеству - есть первая добродетель»
- 173 • Самый способный народ к искусству
- 175 • Изучать природу жизни
- 178 • Сегодня везде агитка
- 181 • Под сим крестом лежит не вор...
- 184 • Кострома - наш любимый городок
- 188 • Он выбрал озеро Святое
- 191 • Я счастливо жил в Костроме
- 194 • В связи с военным временем
- 196 • Праздник. Который всегда с нами
- 201 • Стояти заодно!



Подписано в печать: 30,10,2014.

Заказ № 712. Печать офсетная. Объем: 13 п. л.. Формат: 70x100\16.

Тираж 500 экземпляров.

Отпечатано: ИД «Линия График Кострома», 156019,  
г. Кострома, ул. П. Щербины, 9а.

